

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1990

6

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР М. И. ИС-
КАНДЕРОВ, чл.-кор. АН УзССР Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор.
АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), док-
тор ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук
Ш. С. ЗИЯМОВ, доктор филол. наук Э. А. ҚАРИМОВ, док-
тор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор экон. наук П. Х. НА-
СЫРОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр.
наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РА-
ШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, док-
тор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХА-
САНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ,
доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук
Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990 г.

Редактор *И. А. Маркиан*
Технический редактор *Н. А. Абдурахмонова*

Сдано в набор 9.07.90. Подписано к печати 31.07.90. P07865. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,5. Усл. кр.-
отт. л. 5,81. Тираж 1000. Заказ 167. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

В проекте Программного заявления к съезду, как и во многих других документах и выступлениях периода перестройки, достаточно полно говорится, от чего мы в своем прошлом решительно отказываемся, что не хотим брать с собой в будущее. Но мы против огульного отрицания всего, что сделал наш народ после Октября, и воздаем должное каждому поколению советских людей, которые вдохновлялись социалистической идеей.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС.

Несколько слов об отношении к общественным наукам. Партия — решительный сторонник их свободного развития. Мы жизненно нуждаемся в объективных свидетельствах и выводах науки, должны с большим доверием относиться к разработкам и рекомендациям ученых, использовать плоды их труда в политике и на благо народа.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС.

С. Р. РИЗАЕВ

О РЕГИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ В РАБОТЕ С ПАРТИЙНЫМИ КАДРАМИ

В ходе перестройки происходит переориентация всей организаторской и политической работы партии на человека, на глубокое внимание к его проблемам и заботам, духовное возвышение его личности. Партийные организации отказываются от административно-командных методов и осваивают методы политического руководства. Все это объективно потребовало обновления кадровой политики партии. XIX Всесоюзная конференция КПСС подчеркнула, что с учетом современных условий должна быть возрождена ленинская концепция партии как авангарда общества и что партия осуществляет кадровую политику через демократические механизмы преобразованной политической системы. Свою политическую линию КПСС должна проводить через коммунистов, работающих в государственных и хозяйственных органах, в общественных организациях и трудовых коллективах. Партия действует в рамках Конституции и советских законов. В новой редакции ст. 6 Конституции СССР также записано, что Коммунистическая партия Советского Союза через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвует в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами.

При разработке кадровой политики партия опирается на фундаментальные положения марксизма-ленинизма, достижения коллективной теоретической мысли, исторический опыт КПСС и других коммунистических партий. Кадровая политика формируется в конкретно-исторических условиях, с изменением условий она меняется, а значит, меняется и направление деятельности кадров по ее реализации.

«Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода,— руководители это должны понять,— подчеркивал В. И. Ленин.— Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в закостенелость, мешает поворотам, тогда борьба неизбежна»¹.

Следовательно, задачей кадровой политики на каждом конкретно-историческом этапе являются обеспечение маневренности аппарата, подбор, расстановка и воспитание таких кадров, которые способны обеспечить реализацию поставленных жизнью задач.

Январский (1987) Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость извлечь серьезные уроки из искривлений в кадровой политике, допущенных в последние годы. Многих просчетов можно было бы избежать, отметил Пленум, если бы партийные органы всегда и последовательно проводили принципиальную, эффективную кадровую политику, обеспечивали высокую дееспособность всех звеньев партийного ру-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 72.

ководства и хозяйственного управления². Пленум поставил как проблеме не просто совершенствование кадровой работы, а выработку кадровой политики, отвечающей задачам перестройки, нового мышления в кадровой политике.

Новое мышление в кадровой политике предполагает отказ от догматизма, начетничества, формально-бюрократического подхода к делу, обязывает к своевременному и всестороннему анализу всех существующих проблем и противоречий. Это также умение глубоко вникать в диалектику происходящего, его объективную логику, умение делать правильные выводы. Новое мышление предполагает утверждение у кадров нового, творческого образа мысли и действий, курс на поддержку и поощрение людей инициативных, думающих, энергичных, которые могут и хотят смело идти вперед, умеют добиваться успеха; отказ от сложившегося десятилетиями «культа посредственности». Решающим критерием в кадровой политике выступает отношение кадров на деле, а не на словах, к перестройке, актуальным задачам социально-экономического развития страны.

Новое мышление в кадровой политике — это и опора на живое творчество масс, всестороннее развитие социалистической демократии, гласности, отказ от субъективизма и келейности в решении кадровых вопросов. Это курс на обеспечение компетентности и высокого профессионализма работника, на опережающую профессиональную и общекультурную подготовку, поиск талантливых, способных людей. Новое мышление предполагает также курс на обеспечение высокой нравственности наших кадров, восстановление чистого и честного облика коммуниста-руководителя, облика, на который бросили определенную тень преступления ряда перерожденцев. Оно предполагает твердую идейно-нравственную закалку кадров, вкус к глубокому изучению и творческому овладению теорией марксизма-ленинизма, умение применить ее на практике к конкретной действительности.

В современных условиях весьма важно умение партийных комитетов, организаций, всех партийных кадров преломить общественную политику и решения к условиям конкретного региона, трудового коллектива. Кадровая работа партии в условиях многонациональной союзной республики должна учитывать специфические региональные условия, в которых действуют партийные комитеты. Причем они весьма заметно отличаются в разных областях, даже в городах и сельских районах.

Указанные условия можно классифицировать следующим образом:

1) экономические — размещение, структура и уровень производительных сил, инвестиционная политика, ориентация сельского хозяйства, уровень автоматизации и механизации производства и т. д.;

2) социальные — состояние социальной инфраструктуры, занятость и социально-классовая структура населения, особенности положения молодежи и женщин в обществе, территориальное передвижение населения, национальный состав, состояние и динамика межнациональных отношений и др.;

3) духовные — уровень образования и политической культуры населения, особенности национальной психологии, сознания, склада характера, национальные традиции, обычаи народов, населяющих республику, языковые особенности региона и т. д.

Отмечая известное общее, характерное для экономической, социальной и духовной жизни республик и Союза, подчеркнем наличие особенного и единичного в общественной жизни Узбекистана. Они, естественно, сложились как результат взаимодействия объективных условий

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 41.

и субъективного фактора, связанного с деятельностью государственных, планирующих, хозяйственных, общественных и прочих организаций. Они, кстати, не всегда правильно учитывали особенности региона, что приводило к обострению имеющихся противоречий. Одной из причин этого, как известно, была чрезмерная централизация руководства и управления в ущерб демократизации, инициативе и самостоятельности союзных республик, областей, районов.

Недооценка, даже игнорирование особенностей конкретных республик, регионов, шаблонизация приводили к тому, что практически не исследовался национально-культурный фактор в экономическом и социальном развитии, накапливалось и обострялось множество проблем, в том числе в области межнациональных отношений.

Вкратце остановимся на ряде важных особенностей экономического и социального развития республики, которые необходимо полнее учитывать при выработке и реализации политического курса Компартии Узбекистана. Более того, каждая проблема в различных областях, городах и районах имеет разную степень остроты, специфические аспекты. К примеру, условия Хорезма сильно отличаются от условий Джизакской, Сырдарьинской областей, а Ферганской долины — от Каракалпакии и Бухарской области. Соответственно партийные комитеты, кадры должны строить и корректировать свою организаторскую и политическую работу.

Говоря об экономических проблемах, отметим, что застойные явления последних десятилетий, характерные для всей страны, проявились в Узбекистане в наиболее острой форме. Так, в годы десятой и одиннадцатой пятилеток темпы роста промышленного производства здесь существенно отставали от темпов роста капитальных вложений и основных производственных фондов. Фондоотдача снизилась на одну треть, а доля республики в производстве национального дохода практически не увеличилась. Национальный доход республики за 1986—1987 гг. повысился на 1,4% против 10,7% по плану, а население УзССР выросло за это время почти на 6%. Производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве республики в 1,5—2 раза ниже общесоюзной. В результате доход на душу населения значительно снизился, что повлияло на размеры заработной платы рабочих и служащих и доходы колхозников.

Социальная сфера находится в тесной связи с экономикой. Нарушения, имевшиеся в этой области, выразились в отставании Узбекистана от других союзных республик по размерам национального дохода на душу населения, многим показателям развития материального благосостояния, бытовых услуг, культуры и др.

Результатом неправильного социального развития, размещения производительных сил, игнорирования демографических и национальных особенностей населения республики является низкий удельный вес рабочих местных национальностей в составе рабочего класса Узбекистана.

Наибольший удельный вес рабочих-узбеков приходится на легкую и текстильную промышленность. Их высокий удельный вес в текстильной, швейной, кожевенной, пищевой промышленности некоторые исследователи связывают с многовековыми традициями узбекского народа. И хотя произошли определенные сдвиги в психологии коренного населения, позитивные сдвиги в наметившемся перераспределении местных кадров в отраслевом разрезе не могут быть достаточными. Как подчеркнул пленум ЦК Компартии Узбекистана (март 1987 г.), многие отрасли народного хозяйства, определяющие технический прогресс, целые индустриальные регионы создавались и развиваются при минимальном участии местного населения, в основном за счет привлечения рабочих из других частей страны.

В создание такого положения внесли свою лепту как центральные ведомственные органы, планировавшие и непосредственно регулировавшие создание новых промышленных комплексов в регионах, так и местные партийные, советские, хозяйственные органы. Центральные ведомства, как правило, решали вопросы создания промышленных комплексов без участия местных советских органов. Причем такой ведомственный эгоизм часто блокировал и решение экологических проблем на местах.

Ряд особенностей имеет и крестьянство республики. Для Узбекистана характерен высокий удельный вес колхозного крестьянства в социальном составе населения. Он в 2,5 раза выше, чем в целом по стране. Его удельный вес в составе трудоспособного населения УзССР выше, чем в большинстве других союзных республик, прежде всего из-за привязанности узбеков к земле, богатого опыта земледелия, высокой трудоемкости хлопководства и т. п.

Однако для сельского хозяйства при всех позитивных изменениях характерно преобладание ручного труда. Уровень образования крестьянства все еще недостаточен, что во многом обусловлено ежегодным привлечением школьников на сельхозработы.

Должна учитываться демографическая обстановка, которая является необходимым условием развития производительных сил региона. Отметим, что историческое прошлое каждой нации, ее традиции и ныне оказывают определенное влияние на формы семьи, ее численность. В республиках Средней Азии многодетность — исторически сложившаяся традиция, которую ошибочно было бы объяснять лишь привязанностью к детям у того или иного народа. Истоки этой традиции уходят в первобытное общество, где как закономерная реакция на высокую смертность должны были возникнуть общественные установки на поддержание высокой рождаемости.

В Узбекистане общий коэффициент рождаемости, оставаясь на протяжении ряда лет почти неизменным, за 1983—1987 гг. имеет тенденцию даже к росту. По темпам роста численности населения Узбекская ССР занимает одно из ведущих мест в стране. За 1959—1987 гг. среднегодовые темпы прироста ее населения составили почти 3,1% против 1,1% по Союзу в среднем.

Для республики характерна также незначительная территориальная подвижность местного населения. По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г., удельный вес лиц, проживающих с рождения в местах постоянного жительства, составил по УзССР 77,7%, тогда, как по СССР в целом — 52,9, по РСФСР — 46,1, по Казахской ССР — 49,0, по Латвийской ССР — 39,6, по Эстонской ССР — 37,7%.

При этом население узбекской национальности отличается еще большей оседлостью в местах своего рождения, удельный вес которой составляет в Узбекской ССР 86,6%. Территориальная подвижность сельского населения республики по сравнению с городским населением в 3,5 раза ниже.

Высокие темпы демографического роста намного опережают экономическое и социальное развитие республики. Все отчетливее вырисовываются противоречия между высоким приростом населения и трудовых ресурсов и низким уровнем эффективности общественного производства, между потребностями в социальных благах и реальными возможностями их удовлетворения. Доля иждивенцев составляет свыше двух пятых от общей численности населения Узбекистана, около миллиона трудоспособных людей не имеют работы.

Серьезной продолжает оставаться проблема повышения общественно-политической активности женщин. Женщины составляют 43% всех занятых в народном хозяйстве УзССР рабочих и служащих. Но

уровень участия их в народном хозяйстве Узбекистана в целом отстает от общесоюзного на 8%.

Одна из серьезных проблем — занятость большинства женщин ручным, тяжелым физическим трудом. В Узбекистане, по данным переписи 1979 г., среди работающих женщин преимущественно физическим трудом занято 73,5%. Тяжелый физический труд, особенно на селе, оказывает неблагоприятное влияние на женский организм, а значит и на детородную функцию женщин, он низко оплачивается, не стимулирует повышение их профессионально-квалификационного уровня, активную общественно-политическую деятельность.

Недостаточно представлены женщины среди руководящих работников и специалистов сельского хозяйства. Так, в колхозах УзССР женщины среди агрономов составляют 3,6%, а в среднем по СССР — 29,3, среди зоотехников — соответственно 2,5 и 62,4%, ветврачей, ветфельдшеров — 0,9 и 36,8%, заведующих и бригадиров животноводческих ферм — 1,7 и 37,6%.

Другая немаловажная проблема — малочисленность женщин коренной национальности среди специалистов и инженерно-технических работников, занятых на промышленных предприятиях. Так, на Ташкентском текстильном комбинате они составляют 13%, в швейном производственном объединении им. 50 лет УзССР и Компартии Узбекистана — 16% и т. п.³

До недавнего времени утверждалось, что женский вопрос в стране, в том числе в Узбекистане, полностью решен. Замалчивание имеющихся проблем привело к тому, что на них перестали обращать внимание, а в результате работа по улучшению социального и бытового положения женщин была запущена. Узбекистан находится на одном из последних мест в Союзе по оказанию бытовых услуг населению, что в значительной мере тормозит социальную активность женщин.

Нерешенной проблемой в республике остается обеспечение населения дошкольными учреждениями. В целом по УзССР охват ими детей дошкольного возраста составил 34,5% против 58% по Союзу. Еще ниже обеспеченность детскими дошкольными учреждениями в сельской местности — 24,6%. Высокой продолжает оставаться детская и материнская смертность.

В кадровой работе необходимо также учитывать национальные традиции, культуру, язык народов, проживающих в регионе, области. Партийная работа в современных условиях может быть успешной, если она максимально учитывает психологические особенности, склад характера, вековые традиции населения.

В языках, культуре, традициях и обычаях народов Средней Азии много общего и сходного. Культурное и духовное родство и близость этих народов тесно связаны с общностью их исторического развития в прошлом. История этих народов свидетельствует о том, что их предки, проживая в течение сотен и тысяч лет на соседних территориях, издавна осуществляли взаимное сотрудничество в различных областях общественной жизни (в области экономики, торговли, культуры и т. п.) и неоднократно совместно боролись против иноземных и местных угнетателей.

Именно это взаимное сотрудничество и борьба за свободу и счастье вырабатывали у них общие черты в культуре, духовном облике, традициях и обычаях. Не случайно многие историки, философы, экономисты, языковеды и литературоведы ведут исследовательскую работу на материалах не одной, а нескольких или всех республик Средней Азии.

Под национальной традицией люди всегда понимали и понимают

³ См.: Пулатова Д. А. Решение женского вопроса в Узбекистане: Достижения и проблемы // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 3. С. 29.

такие обычаи и правила поведения людей, которые характерны для психического склада, духовного облика того или иного народа, той или иной нации. Лучшие, прогрессивные традиции и обычаи народов нашей страны надо всячески пропагандировать и культивировать, очистив их от отрицательных элементов.

Имеются традиции и обычаи, свойственные только одному или нескольким народам, родственным по языку и культуре, имеющим в той или иной степени общие исторические корни.

Эти специфические национальные традиции, как и другие прогрессивные традиции, не противоречат общим жизненным интересам трудящихся нашей многонациональной страны. Поэтому они сохранялись и в советское время. К таким специфическим традициям народов Средней Азии можно отнести «хашар», сущность которого заключается во взаимной помощи при различных трудоемких работах, товариществе. В Узбекистане, Киргизии, Казахстане значительное развитие получило жилищное строительство на основах хашара.

Традиции хашара используются иногда и при строительстве крупных объектов, имеющих областное, а также республиканское значение. Например, Большой Ферганский канал в Узбекистане был построен на началах всенародного хашара.

Одной из лучших традиций является уважительное, почтительное отношение в семье и в общественных местах ко всем старшим. В то же время в условиях дореволюционной Средней Азии баи, представители мусульманского духовенства всеми силами стремились придать традиции уважения, почтительного отношения к старшим выгодные им формы и оттенки, чтобы использовать ее в целях поддержания у молодежи духа раболепия и слепой покорности. В связи с этим у этой традиции появился ряд отрицательных форм.

Отрицательные стороны есть и у других прогрессивных традиций, в частности — у обычаев гостеприимства. Верный подход к обычаю гостеприимства способствует росту взаимных контактов и сотрудничества между людьми, сближает разные нации, укрепляет дружбу народов.

Надо упомянуть и о таком явлении, как местничество. Оно нередко проявляется в стремлении настаивать на выдвижении уроженцев своей области, района, представителя своего рода на руководящую должность, объединении в землячества студентов, учащихся по региональному признаку.

Национальные традиции и обычаи, получившие в процессе своего исторического развития силу привычек, носят более устойчивый, консервативный характер по сравнению с другими формами и чертами общественного сознания.

Необходимо учитывать также традиционнo сильные позиции ислама в сознании коренного населения Узбекистана, как и других республик Среднеазиатского региона.

В некоторых случаях тесно переплетаются и становятся трудно различимыми национальное и религиозное самосознание. Например, более 40% опрошенных рабочих коренной национальности ряда промышленных предприятий г. Бухары полагают, что мусульманами можно считать тех, кто соблюдает национальные традиции и обычаи. В то же время нередко за национальные принимают религиозные традиции и обряды. Смешение религиозных и национальных традиций, обрядов, обычаев в сознании людей является серьезным тормозом дальнейшего совершенствования подлинно национального самосознания, преодоления пережитков прошлого, внедрения новых, социалистических традиций.

Традиции и обычаи в той или иной степени связаны с правилами поведения и привычными убеждениями представителей данной нации.

Поэтому, чтобы не задеть и случайно не оскорбить национальные чувства людей, борьбу против вредных обычаев и привычек надо вести с большой осторожностью. Основным, испытанным на практике методом такой борьбы является метод убеждения, метод вдумчивой и кропотливой агитационно-пропагандистской работы в массах.

Чтобы ликвидировать, изжить из жизни общества ту или иную отрицательную традицию, надо глубже убедить широкие массы трудящихся в ее вредном, реакционном характере. Это достигается не преследованием, не принуждением, а только кропотливой, систематической разъяснительной и воспитательной работой среди масс. Говоря о бесплодности и вместе с тем вредности административного, принудительного метода борьбы с пережитками прошлого, в частности религии, Ф. Энгельс писал, что преследования — лучшее средство укрепить нежелательные убеждения.

Говоря о национальных традициях, обычаях узбекского народа, нельзя не отметить роль махалли в формировании людей, их коллективистского сознания, общественного мнения.

Для узбека махалля — не просто место, где расположен дом, в котором он родился и вырос. Это образ жизни с многовековыми традициями. Здесь всегда можно рассчитывать на взаимопомощь и взаимовыручку соседей. В махалле совместно отмечают дни рождения и свадьбы, и в последний путь человека провожает тоже махалля.

Исследования межэтнического общения в Узбекистане показывают⁴, что в махалле сохраняются крепкие межличностные контакты и людей различных национальностей, а это особенно актуальная проблема в республиках, отличающихся многонациональным составом населения. Например, русских, особенно живущих в махаллях, узбеки приглашают на семейные торжества, «той», и не только в качестве гостей, но и помощников. В свою очередь, русские приглашают узбеков на свои семейные торжества и праздники. В общественной взаимопомощи — «хашаре» участвуют все близкие люди, независимо от национальности. Существующие в махалле обычаи, как правило, соблюдаются всеми ее жителями. Русские участвуют и в похоронных церемониях, зачастую сохраняющих у узбеков свою специфику, связанную с мусульманской религией. Узбеки же принимают участие в аналогичных обрядах у русских.

В различных семейных событиях принимают участие как соседи, так и сослуживцы, независимо от их национальной принадлежности. В Узбекистане принято приглашать на свадьбы не только родственников, но и товарищей по работе. На похороны люди приходят сами, причем идут все, считая это для себя обязательным. Опрошенные русские отмечали, что именно в печальные дни своей жизни они особенно чувствуют поддержку и сопереживание со стороны своих соседей и сослуживцев-узбеков. В горе никто не бывает один. Это относится не только к случаям потери близких, но и болезни. Сослуживцы, соседи всегда оказывают материальную и, что особенно важно, моральную помощь.

Мы привели некоторые особенности экономики и социального развития республики, национальных традиций, обычаев и психологии народов, населяющих республику. Подчеркнем также проблему языково-культурную. По переписи 1989 г., узбеки составляют 70% населения республики, а в большинстве сельских местностей — до 100%. Русские составляют 8,2%, таджики — 4,7%, татары — 2,4%, каракалпаки — 2,05%, киргизы — 0,87%, крымские татары — 0,95% и т. д.

⁴ Гинзбург А. И., Мошкович Г. П. К характеристике межэтнического общения в современном Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. 1989, № 2. С. 35.

Согласно материалам межрегионального исследования, проведенного в 11 союзных республиках страны⁵, только 3% опрошенных русских и 37% респондентов прочих национальностей владеют языком коренной национальности. Слабое владение русскоязычных групп населения узбекским языком вызывает негативную реакцию коренных жителей союзных республик. Нежелание изучать язык коренной национальности отождествляется (вполне обоснованно) с неуважением к этой национальности; ведь без знания языка народа нельзя постичь его культуру, понять традиции, обычаи. Важной проблемой является реализация Закона УзССР о государственном языке, улучшение преподавания русского языка в школах, особенно в сельской местности.

Указанные выше специфические региональные, национальные и демографические аспекты партийно-политической работы требуют, во-первых, чтобы партийные кадры глубоко знали их, с уважением и пониманием относились к ним. История последних лет не раз свидетельствовала: незнание, игнорирование, неуважение национальных традиций, характера, народных обычаев, языка приводили к потере партийными руководителями авторитета и морального права на лидерство, умело использовались заинтересованными силами для подрыва позиций партии в народе.

Во-вторых, конкретно-исторический подход к действительности требует, чтобы разнообразные местные особенности были полнее учтены при выработке экономической и политической стратегии партийных организаций, при формировании и реализации тактических задач. При подборе, расстановке и воспитании партийных кадров их знание и умение использовать местные особенности, национальные, языковые, историко-культурные традиции приобретают первостепенное значение наряду с деловыми, политическими и моральными качествами.

В условиях союзной республики проблема межнациональных отношений стоит остро, в Узбекистане особенно. С одной стороны, здесь проживают представители десятков национальностей, с другой, — многие области граничат с соседними республиками Средней Азии и Казахстана. Кроме того, в республике проживают сотни тысяч представителей народов, насильственно переселенных сюда в годы культа личности (корейцы, крымские татары, немцы, турки-месхетинцы и др.), в отношении с которыми требуется учитывать свою специфику.

Таким образом, у проблемы есть своего рода внутренний и внешний аспекты. Здесь важно умение не только налаживать и развивать межреспубликанские связи, но и способ удовлетворения социально-культурных потребностей всех национальностей, проживающих в республике.

При подборе, расстановке и воспитании кадров одним из главных требований является их проверенность на интернационализм, умение проводить партийную политику в условиях многонациональных регионов.

Интернационализм в кадровой политике — это не только подбор и выдвижение представителей различных национальностей к руководству. Он предполагает прежде всего интернационалистическую убежденность кадров, их интернационалистские действия и поступки, подход к решению кадровой проблемы с общегосударственных позиций, непримиримость к проявлениям и местничеству, и национальной узости в работе с кадрами.

В подборе и расстановке кадров важен обязательный и строгий учет национальных и интернациональных аспектов этой работы в условиях союзной республики. Необходимо стремиться к тому, чтобы на-

⁵ Новикова Л. Г., Овсянников А. А., Ротман Д. Г. Стереотипы исторического самосознания // Социологические исследования. 1989. № 5.

ции и народности, представленные в партийной организации предприятия, района, города, области, были соответственно представлены в составе руководящих органов, в том числе в аппарате партийных комитетов. Видимо, важнейшим моментом при выдвижении работников должна быть ориентация на местные кадры. Нет нужды присылать из Москвы, других регионов секретаря обкома, райкома партии, председателя облизполкома, когда на месте есть свои грамотные, знающие местные условия кадры.

В связи с этим хочу высказать несколько суждений о направлении кадров из центра на руководящую партийную, советскую работу на местах и межрегиональном обмене кадрами. Несомненно, мы должны учиться друг у друга, это укрепляет интернациональные, братские связи между республиками, областями, между центром и местными организациями. Но здесь можно добиться эффективности, если центр, вышестоящий партийный комитет рекомендует для работы на местах работников десятикратно проверенных на компетентность, зрелость, порядочность. Когда подобраны именно такие работники, они сравнительно быстро осваиваются на новом месте, охотно изучают язык, обычаи и традиции коренного населения данной республики, области, завоевывают авторитет и своим трудом способствуют сплочению людей разных национальностей.

Но если допускается поспешность при подборе работника, слабо изучены его политические, деловые, моральные качества, провал, как правило, неизбежен со всеми вытекающими отсюда последствиями: ухудшением морально-психологического климата в регионе и трудовых коллективах, подрывом авторитета центра.

Говоря о межнациональном обмене кадрами, подчеркнем, что он должен носить равноценный характер, быть свободным от соображений карьеры, личной выгоды, совершаться строго в интересах дела, укрепления интернациональных связей. Однако на практике это условие нарушается, допускаются перекосы, что не остается незамеченным партийным активом, населением. С одной стороны, партийные работники Узбекистана выезжают в другие регионы страны для стажировки, как правило, на рядовых должностях. В то же время в республику кадры из Москвы, Ленинграда, других городов Российской Федерации, с Украины направляются с большим повышением, через несколько должностных ступеней. Иногда это кружит голову и не служит улучшению дела.

Представляется неверным, что большинство рекомендованных из Москвы работников оседают в аппарате ЦК и обкомов Компартии Узбекистана, имеют дело с бумагами, а не непосредственно с людьми в парткомах предприятий, колхозов, совхозов, в райкомах, горкомах партии. Некоторые из них считают пребывание в республике как ступеньку к дальнейшей карьере в центре.

В связи с этим представляется, что неверную позицию занимают партийные комитеты, которые не предъявляют должной требовательности к таким работникам, боятся их критиковать, опасаясь, что это будет неправильно истолковано со стороны отделов ЦК КПСС, рекомендовавших этих людей. Проявляют излишнюю деликатность там, где принципиально, настойчиво и своевременно надо поправлять их, информировать ЦК КПСС о фактах неправильного поведения и совместно с ЦК решать с ними вопросы.

В кадровой работе, как и везде, необходимо соблюдение чувства меры. Видимо, недопустимым было положение, которое сложилось в бюро Ферганского обкома партии к середине 1989 г. Здесь две трети членов бюро составляли лица, направленные на работу из центра и недостаточно хорошо знающие местные условия и положение дел.

Между прочим, бывший председатель облисполкома Х. Маджидов отмечал в интервью «Правде Востока» (13 сентября 1989 г.), что ему, направленному из Ташкента, понадобилось три года для глубокого изучения людей и обстановки в области.

Отметим также, что чрезмерное увлечение направлением кадров из центра в республику и области имеет и другую негативную сторону. Нередки несовпадения, даже столкновения психологий людей, направленных из центра и проживающих здесь. В частности, у русских, родившихся и выросших в республике, нередко вызывает обиду то, что на руководящие должности, которые могли бы быть ими замещены, приглашаются кадры из РСФСР, Украины, Белоруссии, не знающих местных проблем, языка, обычаев, традиций, психологии коренных наций и народностей. Они усматривают в этом недоверие к себе, недооценку их способностей и потенциальных возможностей.

Демократизация решения кадровых вопросов выдвигает повышенные требования к умению кадров диалектически мыслить, делать правильные выводы при анализе новых явлений, прислушиваться к мнению людей, принимать решения в нестандартных ситуациях. Высокая общая культура, культура дискуссий, глубокая эрудиция, знание конкретных форм демократизации общественной мысли являются неотъемлемыми качествами современного партийного работника. Однако исследования, проведенные в стенах Ташкентской высшей партийной школы и в партийных комитетах, показывают, что партийным работникам недостает философской, социологической подготовки, нравственно-психологической культуры. Знания теории партийного строительства, идеологической работы оказываются на поверку довольно слабыми, даже многие концептуальные идеи перестройки усвоены весьма приблизительно.

Из-за недостатка знаний нередко неуверенность, неумение правильно оценить обстановку. Отсюда и уход от острых ситуаций, от общения с людьми.

И, наоборот, знания придают людям психологическую устойчивость, они не впадают в панику при неудачах и не благодушествуют, когда добиваются успеха, реально и объективно оценивают события. Здесь речь идет и о политических, и об экономических знаниях. Ведь чем объясняется, что во многих документах партийных комитетов, докладах, постановлениях не идут дальше констатаций, что слабо разворачивается экономическая реформа, не срабатывает Закон о предприятии и т. д., вместо того, чтобы помочь трудовым коллективам серьезно вникнуть, как в новых условиях перестраиваются экономические, инженерно-технические, снабженческие службы и т. п. Это нередко объясняется экономической безграмотностью.

К сожалению, многие партийные работники не осознают насущной необходимости учиться постоянно, расти нравственно, духовно и не берутся за эту работу всерьез. Ведь успех перестройки зависит от образованности и культуры. А это, в свою очередь, в значительной степени определяется примером партийных работников, всей партийной массы.

Образование партийных работников зачастую представляет собой накопление частных знаний, умений и навыков. Реальность такова, что многие партийные работники потеряли интерес к познанию, самообразованию. Одни из них так и не были приучены, другие в суете и текучке отвыкли, потеряли вкус к работе над серьезной литературой, годами не читают внимательно «Коммунист», «Экономические науки», «Социологические исследования» и другие издания, не говоря уже о трудах классиков марксизма-ленинизма. Дело в том, что партийные работники не считают эти знания и умение жизненно необходимыми. Нередко от них требуют только точного исполнения даваемых им поручений и не более, не поощряют их инициативы и самостоятельности.

Новое мышление, умение работать в новых условиях не приходят сами. Нужны настойчивая учеба, освоение теории и практики организаторской и политической работы. Нужны систематические занятия и не только самообразование. Среди коммунистов, партийных работников, идеологических кадров нужна планомерная учеба, в программе которой должны быть овладение мастерством ведения дискуссий, полемики, «деловые игры» и другие современные формы.

Необходимым условием обновления партии, возрождения ее на ленинских принципах как политического авангарда народа является творческое овладение марксистско-ленинской теорией. Новое прочтение трудов классиков марксизма-ленинизма является сегодня жизненной необходимостью не только для партийных руководителей, но и для всех коммунистов и беспартийных, для обновления КПСС на ленинской основе. Это необходимо и для выработки правильной политики, и для того, чтобы овладевшие этой теорией коммунисты, все трудящиеся могли активно проводить политику в жизнь, быть настоящими бойцами перестройки. Задача состоит в том, чтобы научиться глубже анализировать процессы общественной жизни, находить в многообразии дел главные звенья, взявшись за которые, можно вытащить всю цепь, решить коренные проблемы перестройки.

А. БОГУСЛАВСКИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ АРЕНДНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Организационные основы аренды заложены в Законе «Об аренде». Тем не менее аренда и арендные отношения, возрожденные в нашей стране в последние годы, еще долго будут активно и всесторонне изучаться, совершенствоваться как в законодательном, так и в организационном и экономическом аспекте. Чтобы избежать или хотя бы свести к минимуму возможности ее осознанных бюрократических и случайных извращений, надо глубоко исследовать организационные принципы этой системы хозяйствования и четко сформулировать их, сделав тем самым как бы обобщенный срез аренды и арендных отношений.

Независимо от вида аренды необходимым условием ее возникновения является наличие двух экономических субъектов — арендодателя и арендатора, объединенных общей собственностью и различных по функциям. Для выявления принципов аренды следует, приняв во внимание наличие этих двух субъектов как обобщенных выразителей арендных отношений, учесть, что арендатор представляет как групповые, так и индивидуальные интересы работников трудового коллектива. Арендодатель же представляет интересы всего общества, территорий, отраслей и т. д.

Поэтому разработку принципов аренды необходимо вести в двух направлениях: исследования арендного коллектива как самостоятельной системы и изучения взаимодействия этой системы с внешней средой (отношения арендодателя и территориальных органов управления).

Попытаемся исследовать организационный механизм аренды с позиций общей теории организации. С точки зрения организационной (тектологической) науки, «развитие идет путем расхождения, поскольку части целого обладают отдельностью. Получается таким образом возрастание различий, ведущее ко все более устойчивым структурным соотношениям»¹.

¹ Богданов А. Всеобщая организационная наука. М., 1922. С. 236.

В нашем случае арендный коллектив (если это — не индивидуальная аренда) представляет сложную систему, где каждый работник или подразделение обладает «отдельностью» (отличиями в уровне квалификации, специфике работы, прибыльности, возрастных, национальных и других особенностях).

В то же время арендный коллектив, взаимодействуя с внешней средой, образует более сложную систему. Внешняя среда, с одной стороны, отбирает часть дохода в виде налогов и арендной платы, а с другой, создает социальные и экономические предпосылки функционирования арендного коллектива. Арендная плата идет как на расширение производства товаров и услуг, замену оборудования, исследовательские разработки и т. д., непосредственно влияя на работу арендного коллектива, так и на выплату налогов для развития социальной и производственной инфраструктуры. Вместе с тем арендодатель должен осознать необходимость изменения форм и методов руководства арендными коллективами.

Как видим, взаимоотношения внутри системы арендного коллектива и с внешней средой являются многогранными и многоуровневыми по интересам (общенародные, региональные, отраслевые, групповые, индивидуальные и т. д.).

Если в условиях работы на первой или второй модели хозяйственного расчета права, функции, мера ответственности регламентированы законом, вплоть до низового звена, даже внутри системы — трудового коллектива,— то при аренде с трудовым коллективом оговариваются только внешние по отношению к нему условия взаимодействия с арендодателем. Внутренние взаимодействия определяются самим коллективом, а размер налога — общим законодательством.

Поэтому арендные отношения предполагают осознанность всеми субъектами интересов друг друга. Отсюда вытекает желание работать на условиях аренды, что и предопределяет добровольность ее реализации. Это — основа устойчивости арендного коллектива во взаимоотношениях с внешней средой.

Таким образом, первый и важнейший принцип аренды — осознанность, желание и добровольность. В этом — залог реализации интересов всех хозяйственных субъектов, задействованных через условия арендного договора. Осознанность, желание и добровольность должны базироваться на точном экономическом расчете результатов и затрат труда, полном понимании целей и задач аренды, на добровольном изменении функций и положения хозяйственных органов коллективов и отдельных людей, звеньев в системе отношений собственности.

На практике обеспечение этого принципа осуществляется большой разъяснительной работой, экономической учебой субъектов аренды, изучением передового опыта, стабильностью экономической политики государства, законодательством.

Практическим результатом осознанного, добровольного желания к вступлению в арендные отношения должно быть заявление или постановление общего собрания коллектива о его желании работать на условиях аренды.

Однако абстрактного добровольного желания к вступлению в арендные отношения мало, необходима объективная оценка готовности. С точки зрения тектологической науки, «суммарная устойчивость комплекса по отношению к данной его среде есть, очевидно, сложный результат частичных устойчивостей различных частей этого комплекса по отношению к направленным на них воздействиям.

Надо поэтому исследовать, какова именно связь между устойчивостью отдельных частей и того целого, которое из них образовано»².

² Там же. С. 160.

Необходимо конкретно определить, сможет ли данный трудовой коллектив выстоять в условиях экономической самостоятельности. В противном случае арендные отношения могут быть дискредитированы.

Поэтому важно тщательно проанализировать состояние всех звеньев трудового коллектива и сделать соответствующие выводы. Мы имеем в виду производственную базу, состояние снабжения материально-техническими ресурсами, возможности расширенного воспроизводства в условиях аренды, квалификацию членов коллектива, возможные социальные последствия, трудоустройство высвобождаемых работников, предполагаемую арендную плату и т. д.

На деле отнюдь не каждый, кто хочет стать арендатором, может работать в условиях аренды. Необходимы определенные практические навыки, умение быть самостоятельным хозяином, нести определенную ответственность. Нужна и квалификация, соответствующая потребностям арендных отношений.

В ряде случаев для нормального начала аренды необходимо производственную базу арендодателя привести в соответствующую степень готовности для того, чтобы арендатор согласился ее эксплуатировать.

Дать объективную оценку готовности всех звеньев к работе в условиях аренды ни сам коллектив, ни вышестоящая организация без определенной методики не могут, поскольку при этом превагируют ведомственные и групповые интересы.

На наш взгляд, необходимы прогнозирование социально-экономических последствий с помощью компьютеров, а также тестирование работников по их субъективной оценке своих профессиональных знаний, состояния оборудования, готовности коллектива к переходу на аренду. Из нескольких вариантов компьютерной оценки по годам или на весь срок эксплуатации выбирается оптимальный для арендодателя и арендатора. Причем вариант этот должен обеспечивать как устойчивое развитие арендного коллектива, так и интересы арендодателя и территории. Без детального выяснения объективной готовности может произойти распад арендного коллектива.

Таким образом, принцип объективной готовности к вхождению в арендные отношения является существенным дополнением первого принципа, конкретизирует его, связывает с практикой хозяйствования трудового коллектива, определяет его взаимоотношения с внешней средой.

Вместе с тем даже самый тщательный анализ, учет интересов субъектов арендных отношений сам по себе не обеспечит устойчивость аренды как системы. Со временем интересы сторон в результате действия внешних и внутренних факторов меняются. Со временем им могут стать менее выгодными те или иные условия. Поэтому обязательным принципом арендных отношений является их договорный характер. Это значит, что предприятия, первичные коллективы или отдельные работники на основе равноправного договора с арендаторами определяют взаимные обязательства сторон в соответствии с поставленными целями. Договор должен быть юридическим документом, изменения в котором допускаются только по согласованию сторон, а споры разрешаются через суд или государственный арбитраж. Споры внутри арендного коллектива должны разрешаться администрацией, советом трудового коллектива с участием общественных организаций.

Другим важным принципом арендных отношений, исходя из тектологической науки, является обеспечение прогрессивного характера развития аренды как системы, недопущение ее деградации. Это достигается, с одной стороны, за счет опережающих внутренних перегруппировок в системе в ответ на внешние изменения, а с другой,— созда-

нием благоприятных условий со стороны взаимодействующих с системой заинтересованных внешних сил. Важно создать такую систему, чтобы реагирование на отрицательные внешние воздействия было наиболее оперативным, эффективным и способствовало развитию аренды.

Аренда как система подвергается воздействию изменения спроса на выпускаемую продукцию или услуги, колебания цен, конкуренции со стороны других предприятий и лиц, выпускающих однородную продукцию. Существуют и внутренние проблемы, как необходимость строительства жилья, детских дошкольных учреждений и других объектов социально-культурного назначения, затраты на подготовку кадров, развитие производства. Эти условия устойчивости системы арендных отношений обеспечиваются длительной планомерной работой. Отсюда вытекает принцип длительности сроков хозяйствования.

Должен соблюдаться принцип динамизма развития арендных отношений, который позволял бы избежать ориентации арендного коллектива на сиюминутные выгоды, создавать условия заинтересованности в долговременном сотрудничестве, развитии на этой основе эффективной производственной базы услуг, решении социальных вопросов коллектива. По нашему мнению, в перспективе необходимо передавать по наследству производственный потенциал, созданный индивидуальным или коллективным трудом (например, фотосалоны, парикмахерские, пункты проката бытовых машин и приборов, прачечные самообслуживания и т. д.) после выкупа средств производства. Данный принцип может развиваться на основе создания рынка ценных бумаг, использования в сфере платных услуг облигаций и т. п. В целом при длительных сроках аренды между предприятием и государством устанавливаются стабильные отношения. Кроме того, арендатор перестает относиться к данной ему на большой срок собственности как к ничейной, он проникается экономическими интересами к ее использованию в прямой зависимости от устойчивости и длительности арендных отношений.

Аренда, применяемая в нашей стране, в корне отличается от аренды в досоциалистических формациях тем, что там выкупается право хозяйствования на определенное время, возможность выкупа имущества, принадлежащего фирме, не предусматривается. Фактически по этому пути пошли в Венгрии и Китае. В СССР аренда предусматривает возможность выкупа имущества государства и создание на этой основе собственности трудового коллектива.

Согласно Закону «О собственности в СССР», продукция, произведенная арендатором с использованием арендованного имущества, и полученные доходы являются его собственностью.

Арендованное имущество является собственностью арендодателя и может быть с его согласия полностью или частично выкуплено арендатором, за исключением земли и других природных ресурсов.

Передача средств производства и другого имущества в аренду независимо от того, предусмотрена в договоре возможность выкупа имущества предприятия или нет, должна осуществляться на принципах возвратности полной или частичной его стоимости в зависимости от сроков и условий аренды.

Средства производства и другое имущество, приобретенное за счет хозрасчетного дохода, по своей экономической сути являются коллективной собственностью. За эту собственность не выплачивается арендная плата, которая вместе с амортизационными отчислениями остается в полном распоряжении коллектива. При таком подходе арендатор становится заинтересованным в обновлении средств производства.

Образование и развитие коллективной собственности, согласно Закону «О собственности», обеспечивается передачей объектов государственной собственности в аренду или полное хозяйственное ведение

коллективов трудящихся, предоставлением им возможности использовать полученные доходы для выкупа государственного имущества и создавать ассоциации, предприятия и организации трудящихся на долевых, паевых и акционерных началах.

Таким образом, Законом «О собственности» предусматривается возможное создание коллективной собственности наряду с арендой, через прямой выкуп имущества предприятия. Думается, это конструктивно и разумно. Применительно к сфере платных услуг в государственной собственности нецелесообразно оставлять все небольшие парикмахерские, прачечные, бани, мастерские по ремонту, автомобили, подлежащие списанию, и т. п. На наш взгляд, по поводу этого имущества целесообразно заключать договор на условиях выкупа собственности.

В случае же заключения арендного договора трудовой коллектив и государство в лице конкретных органов управления становятся экономическими партнерами, в отличие от капиталистической аренды, где субъекты аренды — конкуренты. Там каждый из субъектов аренды старается получить максимальную выгоду за счет другого. В нашем случае государство будет стараться стать самым выгодным экономическим партнером, чтобы на длительный срок сохранить арендные отношения. На это должны быть направлены и экономический механизм, и политика государства.

Действительно, ориентация на обязательный и скорый выкуп будет лишать трудовые коллективы экономической возможности обновлять технику, внедрять передовые технологии, замедлит решение социальных проблем.

Задачи коренной экономической реформы — качественное обновление, причем в кратчайшие сроки, оборудования и технологий, не механическая замена государственной собственности другой, а придание динамизма ее функционированию.

Задачей арендного коллектива в условиях стабильной экономики будет не отторжение государства от собственности, а взаимное сближение, обогащение ее содержания, ибо цели у субъектов арендных отношений одни — получение наибольшей социально-экономической эффективности от функционирования собственности.

Отсюда важнейший организационный принцип длительного функционирования системы арендных отношений — принцип возвратности собственности, который следует отразить в договоре.

Государство должно помогать арендному коллективу — и хотеть помочь, и экономически быть обязанным помочь ему.

Для функционирования аренды важную роль играет принцип конкретности, фиксированность условий присвоения и результатов деятельности арендаторов со стороны государства и хозяйственных систем. Расплывчатость в формулировках и показателях создает неуверенность, затрудняет хозяйственный расчет.

Речь идет о том, чтобы в договорах были четко определены размеры отчислений арендной платы государству по годам и в строго определенных, со взаимного согласия сторон, объемах. Конкретно должны оговариваться и обязательства арендодателя перед арендным коллективом. Фиксация условий и порядка отчислений от дохода стимулирует арендаторов на лучшую работу, хозяйское ведение всех дел, способствующее приумножению их материального благополучия, расширению возможностей решения социальных проблем коллективов.

И наконец, аренда как сложная социально-экономическая система не будет устойчива без самоуправления и самостоятельности в ведении хозяйственного хозяйства и распределении результатов своего труда.

В этом суть аренды, ее организационный фундамент. Коротко этот принцип можно назвать принципом невмешательства. Внутренняя

структура, режим работы, принцип распределения доходов, статьи расходов и т. д. должны входить в компетенцию только арендного коллектива и регулироваться только действующим законодательством. После того, как коллектив выполнил все обязательства, предусмотренные договором, в распределение его дохода не должны вмешиваться никакие руководящие органы и отдельные лица.

Кроме указанных выше организационных принципов, для устойчивости и успешного развития аренды необходим учет конкретных условий ее внедрения. Речь идет о том, что нельзя механически, без учета экономических, региональных, национальных особенностей переносить условия аренды, скажем, в Прибалтийских республиках или в Сибири, в Узбекистан. Там, например, нехватка трудовых ресурсов, здесь избыток, там одна квалификация кадров, условия труда, уровень оборудования, здесь другие. Здесь одни приоритеты в видах услуг, там другие, и т. д.

В районах Средней Азии ощущается острая нехватка производственной базы. Это трудозбыточные районы. Средняя зарплата здесь ниже общесоюзной (в Узбекистане — почти на 40%). В Наманганской области, например, уровень доходов на душу населения в 1989 г. не превышал 71 руб. в месяц. Население отличается малой подвижностью, крепки семейные и родственные связи. Более половины населения проживает в сельской местности или небольших городах. Низок уровень социально-бытовых условий жизни народа.

В условиях аренды в сфере услуг неизбежно высвобождаются трудовые ресурсы. Если эта проблема в Сибири и на Дальнем Востоке стоит не столь остро, то необходимость решения ее в Узбекистане требует создания дополнительных рабочих мест. Это накладывает свой отпечаток на развитие аренды в Узбекской ССР. Одновременно с началом аренды необходимо предусматривать в договоре создание рабочих мест, прежде всего за счет расширения производства услуг или развития подсобного производства. Есть и другие особенности внедрения арендных отношений в Узбекистане, решение которых требует внимательного изучения и компетентного подхода.

Таким образом, принцип учета конкретных условий также является важнейшим в арендных отношениях.

В целом организационные принципы аренды можно представить в виде схемы 1.

Схема 1

Принципы аренды

- Осознанность, желание и добровольность
- Готовность вступить в арендные отношения
- Договорная форма отношений, в том числе учет конкретных условий
- Длительность сроков хозяйствования
- Возвратность собственности
- Конкретность, фиксированность условий присвоения и результатов деятельности
- Самостоятельность и самоуправление в ведении хозяйства, распределении результатов труда (принцип невмешательства).

Наряду с организационными принципами арендных отношений есть и более общие условия, несоблюдение которых может отрицательно сказаться на деле. В первую очередь, это вопросы законодательства и политики государства.

В частности, основополагающим условием развития аренды является существование многообразных форм социалистической собственности. Аренда неминуемо ведет к созданию коллективной собственности. Без законодательного разрешения этих форм собственности аренда бессмысленна. Требуется законодательного определения и представитель

государства, которому будет делегировано право сдачи имущества в аренду.

Таким образом, субъекты аренды входят составной частью в более общую систему социально-экономических взаимоотношений, которые регулируются государственным законодательством и политикой.

Процесс создания арендного коллектива также требует определенной последовательности и выделения основных действий. Его можно условно разделить на несколько периодов (схема 2).

Схема 2

Алгоритм создания арендных коллективов

Подготовительный период	Организационный период	Заключительный период
Определение цели перехода на аренду	Постановка задач коллективу	Приказ руководителя подразделения о переводе коллектива на аренду
Изучение опыта арендных отношений	Принятие коллективного решения, выборы совета и руководителя трудового коллектива	Заключение договора коллектива с администрацией
Учет общественного мнения коллектива и проведение разъяснительной работы	Разработка проекта договора с администрацией	

Аренда — это добровольная форма перестройки производства, осуществляемая осознанно. В подготовительный период перехода на аренду обеспечивается необходимая подготовка кадров, тщательно изучается общественное мнение коллектива — будущего арендатора и разъясняются все возникающие вопросы до тех пор, пока не сложится четкое представление о путях достижения намеченной цели.

Организационный период начинается с четкой постановки задачи коллективу, переходящему на аренду, с выбора совета и руководителя трудового коллектива.

Организационная работа по переходу на арендные отношения возглавляется руководителем предприятия и советом трудового коллектива. Обычно с такой инициативой выступает коллектив, мнение которого отражается в совместном решении, используемом в качестве основания для приказа руководителя предприятия.

В этот же период разрабатывается проект договора. Содержание его определено в Законе «Об аренде». В условиях Узбекистана следует особо оговаривать порядок трудоустройства высвобождаемых работников.

К договору прилагаются внутрихозяйственные расчеты арендных и фиксированных платежей. В нем заранее обуславливается фиксированная сумма выручки, идущая на арендную плату предприятию, независимо от результатов хозяйственной деятельности арендатора, определяются условия организации материально-технического снабжения арендуемого объекта.

В заключительный период принимается приказ руководителя подразделения, которое сдается в аренду, и заключается договор, проект которого был рассмотрен и обсужден обеими сторонами.

Практика показывает необходимость постепенного перехода трудовых коллективов на аренду по мере глубокой проработки всех вопросов, обеспечения экономической и психологической готовности коллектива к работе в условиях аренды. Конкретные рекомендации здесь дать трудно, но опыт показывает, что в условиях аренды успешнее работают те трудовые коллективы, которые постепенно учились хозяйствовать на началах первой и особенно второй модели хозяйственного рас-

чета. А там, где в подготовительный и организационный период не была основательно изучена готовность коллектива и предприятия к переходу на аренду, нарушались принципы ее организации,— аренда желаемого результата не дает.

Таким образом, в соответствии с общей теорией организации, аренда является сложной организационной, социально-экономической системой. Стабильность функционирования арендных отношений обуславливается взаимодействием и воздействием внутренней и внешней сред на основе рассмотренных выше принципов создания арендных коллективов.

Е. А. ПРИЛУЦКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТУРКЕСТАНЕ

Развитие советского общества на современном этапе усилило стремление к укреплению государственного суверенитета союзных республик, расширению прав национальных автономий. Это и определяет главное направление демократизации принципов советской федерации. В этой связи представляется полезным рассмотреть некоторые проблемы становления советской национальной государственности в Туркестане в период Октябрьской революции и гражданской войны.

Февральская буржуазно-демократическая революция, опрокинувшая царский режим, образовавшееся в стране двоевластие, при котором наряду с буржуазным Временным правительством действовали органы революционной диктатуры — Советы, создали возможности для демократического развития многонациональной России. В Туркестане революция также активизировала деятельность различных политических сил. Общероссийские процессы находили здесь своеобразное преломление, появлялись национально-особенные структуры — Советы мусульманских рабочих депутатов, союзы трудящихся мусульман («Иттифаки»), политические организации национальной буржуазии, феодально-клерикальных слоев, интеллигенции. Мы разделяем мысль о существовании в национальных районах как бы третьего центра власти — национальных организаций¹. Социально дифференцированные, они в целом представляли самостоятельное направление общественного движения окраин, имевшее, помимо общих с российской демократией, и национально-специфические цели.

Доминантой настроений всех социальных слоев Туркестана было стремление к ликвидации колониального статуса края. Представители национально-освободительного движения добивались территориальной и национальной автономии Туркестанского края, отмечали (как, например, состоявшийся в июле 1917 г. I съезд «Союзов трудящихся мусульман» Ферганской области) необходимость введения в России «федеративной республики, построенной на демократических началах», с предоставлением Туркестану культурного и политического самоопределения в составе федерации². Февральская революция, однако, фактически не изменила имперского характера российского государства, сохранив национальное неравенство населявших его народов; Временное правительство не было в состоянии предоставить нерусским народам национальную самостоятельность в рамках буржуазной автономии.

В результате победы Октябрьского вооруженного восстания в Пет-

¹ Булдаков В. П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 73.

² Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1962. С. 130.

роgrade в стране установилась диктатура пролетариата в форме Советской власти. В первые же дни революции Советское правительство гарантировало «всей мощью Советов» право мусульманских трудящихся свободно устраивать свою национальную жизнь. На практике это право могло быть реализовано лишь при достаточном гибком понимании соотношения классовых и национальных моментов, адекватно отражающем исторические, социально-экономические и культурные особенности национальных районов.

Состоявшийся в ноябре 1917 г. в Ташкенте III краевой съезд Советов во многом определил дальнейший ход событий в Туркестане. Не умаляя значения съезда, заложившего организационные основы Советской власти в крае, надо в то же время отметить, что его решения не были последовательно демократичными и объективно сужали социальную базу новой власти. Съезд, как известно, отверг предложение о буржуазной автономии, но и вопроса о советской автономии не поставил. И самое главное — съезд не выразил четко своей антиколониальной позиции. Отсутствие представителей коренного населения в краевом Совнаркоме, недооценка национальных революционно-демократических организаций трудящихся, берущая начало в убежденности многих туркестанских большевиков в том, что единственной опорой Советов в крае является пока что русский рабочий класс, представляли реальную опасность консервации отчуждения трудящихся местных национальностей от власти и государства.

Провозгласив 2 декабря 1917 г. автономию Туркестанского края и образовав в г. Коканде свое правительство, буржуазия и партии, противостоявшие Советам, перехватили на время инициативу в решении вопроса о самостоятельности Туркестана. На короткий срок здесь вновь сложилось своеобразное, хотя, может быть, и недостаточно ярко выраженное, двоевластие. Вплотную подойдя к буржуазной представительной демократии³, правительство «Кокандской автономии» преследовало цель создания буржуазно-помещичьего национального государства, регламентирующего свою жизнь по законам шарпата. Однако «Кокандская автономия» не получила поддержки самого многочисленного социального слоя — дехканства⁴, и это, в конечном счете, предопределило ее падение.

Вместе с тем «Кокандская автономия» по своему замыслу была все же прогрессивной подвижкой в общественно-политическом развитии коренных народов края по сравнению с колониально-феодальным Туркестаном. Но особенность исторического момента заключалась в том, что Октябрьская революция создала возможность образования государства совершенно нового типа — государства рабочих и крестьян — Республики Советов — не только в Центральной России, но и здесь, на бывшей колониальной окраине. Советская республика, сочетавшая «прямую» и представительную демократию, могла обеспечить ускоренный социально-экономический и культурный прогресс региона в интересах трудящихся.

В конце 1917 — начале 1918 г. в Туркестане были ликвидированы буржуазные органы власти на местах. Начался очень важный процесс упрочения советской государственности — образование Советов в сельских районах. Но главным в политической жизни края оставался вопрос об автономии Туркестана. Огромную роль в его решении сыграли

³ Кокандское правительство активно участвовало в выборах в Учредительное собрание. Согласно проекту положения о выборах в Туркестанское учредительное собрание, избиратели Туркестана образовывали две курии — мусульманскую и немусульманскую. Само учредительное собрание Туркестана должно было состоять из 234 членов, 2/3 которых представляли мусульман и 1/3 — немусульман. (Известия временного правительства автономного Туркестана. 1917. 31 дек.).

⁴ Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С. 39—40.

помощь Наркомнаца РСФСР, положение Комиссарната от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской республике, основанное на принципах советской автономии, а также обращение к «Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим об очередной задаче Советской власти», в котором указывалось на необходимость создания автономии этих национальных территорий на базе местных Советов как единственного пути, обеспечивающего власть не верхам нации, а ее низам⁵.

30 апреля 1918 г. V съезд Советов принял предложенное большевиками «Положение о Туркестанской Советской Республике», объявлявшее Туркестан Советской Республикой Российской Советской Федерации (ТАССР), управляющейся автономно и координирующей свои действия с правительством РСФСР⁶.

Провозглашение ТАССР было лишь первым шагом. Из положения де-юре автономии Туркестана предстояло привести в положение де-факто. Несмотря на гражданскую войну и иностранную военную интервенцию в республике продолжалось советское строительство. Декретом ТуркЦИК 20 августа 1918 г. тюркские языки (узбекский, казахский, туркменский и др.) были объявлены государственными наравне с русским как в области законодательства, так и в делопроизводстве⁷.

Однако наметившийся сразу после Октябрьской революции узкоклассовый подход краевого правительства к вопросам национальной политики оставался доминирующим и после образования автономной республики. Отдельные Советы рабочих и солдатских депутатов устанавливали неравноправные отношения с Советами мусульманских рабочих депутатов. Например, Ташкентский новгородской исполком на своем заседании 17 мая 1928 г. указал старогородскому Совету, что реквизиции помещений в старой части города должны производиться с его согласия⁸.

Слишком поспешное принятие ТуркЦИКом в сентябре 1918 г. декрета о переименовании мусульманских Советов в районные Советы рабочих, солдатских и дехканских депутатов искусственно затормозило развитие успешно функционирующей революционно-демократической формы советской национальной государственности, рожденной творчеством самих масс. Последующее использование принципов организации мусульманских Советов при создании национальных ревкомов свидетельствует о том, что они далеко не изжили себя в то время. Ликвидация VIII краевым съездом Советов (сентябрь 1919 г.) другой уникальной формы советской системы в Туркестане — Наркомнаца, в задачи которого входили изучение численного состава и экономического положения национальностей, населяющих республику, организация трудовых масс каждой национальности в профессиональные и политические союзы и т. д.⁹, — привела к дальнейшему усилению унифицирующих тенденций и игнорирования национальной специфики края.

III съезд Коммунистической партии Туркестана, рассмотрев в июне 1919 г. вопрос о советском строительстве, констатировал «особую замкнутость части наших советских учреждений от широких рабоче-крестьянских масс...»¹⁰ Местнические настроения, дошедшие до откровенного сепаратизма в Семиреченской области, проявлялись и в от-

⁵ Уразаев Ш. З. Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности. Ташкент, 1958. С. 76.

⁶ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. Т. 2. Ташкент, 1972. С. 251.

⁷ Советский Туркестан. 1918. 27 авг.

⁸ Ташгоргосархив, ф. 10, оп. 1, д. 44, л. 135.

⁹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 2. С. 421.

¹⁰ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 47.

ношениях с федеративным центром. Отдельные руководители высказывались в пользу создания таможенной между Туркестаном и Россией, предоставления республике права своего представительства в зарубежных странах¹¹, что нашло отражение в Конституции ТАССР 1918 г., допускавшей превышение ряда самостоятельных прав автономного образования отчасти в силу изолированного положения республики, окруженной кольцом фронтов. По нашему мнению, стремление к максимальной государственной независимости Туркестана в тот период объективно не отвечало интересам трудящихся масс, так как укрепление самостоятельности края на принципах советской автономии могло происходить только при самых тесных и всесторонних связях с Советской Россией. Местнические тенденции в низовых звеньях, а также возрождающийся бюрократизм, отрицательно влиявший на демократический характер управленческих функций советских органов, привели к несогласованности в действиях различных уровней исполнительной власти. Оторванность многих Советов, особенно уездно-городского уровня, засоренных шовинистически настроенным чиновничеством, от трудящихся коренных национальностей в совокупности с бюрократизмом ослабляла связи государства с массами¹².

Новая ситуация возникла в крае после приезда в ноябре 1919 г. Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. До соединения Туркестана с центром страны, происшедшего в сентябре 1919 г. в результате разгрома войск Колчака и Дутова, ЦК РКП(б) и Советское правительство не имели ясного представления о политической обстановке в республике. Проанализировав взаимоотношения классов, социальных и национальных групп, Турккомиссия пришла к заключению о том, что Советская власть здесь может создаваться только на основе помощи всего российского пролетариата¹³. Тем самым усложнялась система взаимоотношений федеративного центра и автономного государственного образования — ТАССР, между ними появлялись новые организационные связи, которые нуждались в правовом обосновании. При всем положительном значении деятельности Турккомиссии, являвшейся своеобразной формой помощи Советской России Туркестану, отсутствие ее четко разработанного статуса привело первоначально к подчиненности ей ТуркЦИКа и других республиканских учреждений¹⁴, а следовательно, и определенному ущемлению самостоятельных прав автономной республики.

В этот период Т. Рыскуловым выдвигается идея «Тюркской республики РСФСР», призванной отстаивать исторические, экономические и бытовые интересы тюркских народностей края, стать объединительным центром всех тюрков, в том числе проживающих за пределами РСФСР¹⁵. Не пытаясь дать однозначную оценку проекту «Тюркской республики», мы все же считаем важным отметить, что его появление свидетельствовало об отходе от классовых позиций в национально-государственном строительстве. Этому способствовало то, что в Туркестане еще не были решены задачи борьбы против феодализма и при малочисленности национального рабочего класса выразителем интересов общества стремилась выступать национальная буржуазия, а слабое классовое расслоение местного населения находило наряду с названным фактором отражение в виде соответствующих политических теорий

¹¹ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 99, л. 83.

¹² См.: Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Сб. док. Т. I. М., 1959. С. 380—381.

¹³ Доклад председателя СНК ТАССР И. Е. Любимова IX съезду Советов Туркестана. ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 20.

¹⁴ Там же, л. 21.

¹⁵ Известия ТуркЦИК. 1920. 5 февр.

и взглядов некоторых партийных и советских работников. Побудительную же роль, на наш взгляд, сыграл практикуемый руководством республики узкоклассовый подход, при котором, в частности, организационные принципы советской государственности сводились лишь к строго классовым началам. К примеру, решение административной секции VIII съезда Советов Туркестана об упразднении Наркомнаца мотивировалось тем, что «при интернационалистских лозунгах Советской власти не может быть речи об отдельных учреждениях, ставящих себе целью защиту отдельных народностей...»¹⁶

VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.), принимая во внимание рост революционного движения пролетариата в капиталистических странах и популярность советской формы этого движения, сформулировал в Программе партии положение о начавшейся всемирной социальной революции¹⁷. В. И. Ленин был убежден, что самостоятельное участие народов Востока в антиимпериалистической борьбе будет активным фактором мирового общественно-политического развития. Опираясь на опыт советского народовластия, он видел в Советах одно из средств, способных обеспечить с помощью пролетариата передовых стран переход колониальных и зависимых стран к советскому строю. В качестве формы союза национально-освободительных движений с Советской Россией и переходной формы к полному единству трудящихся разных наций выдвигалась советская федерация. Впоследствии, трансформируя взгляды на социализм и его перспективы, В. И. Ленин считал, что дальнейшие революции в странах Востока, отличающихся от европейских государств разнообразием социальных условий, будут преподносить больше своеобразия, чем революция в России. Соответственно, унитарный принцип устройства Советского государства сменился идеей федеративного союза равноправных советских республик при максимальной децентрализации управления¹⁸.

В 1920 г. ЦК РКП(б) были приняты крупные решения, направленные на дальнейшее укрепление национальной государственности Туркестана. В законодательной практике наметилась тенденция к четкому разделению компетенций центра и местной власти, совершенствованию правовых отношений РСФСР и автономной республики. Постановление ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» от 29 июня 1920 г. регламентировало взаимоотношения между Турккомиссией и государственными органами Туркеспублики. В основу их легли указания В. И. Ленина в замечаниях на проект Турккомиссии. Комиссия по делам Туркестана должна была «систематически *срабатываться* с ТурСНК и ТурЦИК», вносить спорные вопросы в ЦК РКП(б) и ВЦИК и т. д.¹⁹ В проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане он отметил: «...Не давать права Турккомиссии изменять декреты без запроса ТурЦИКа и ТурСНК и запроса центра»²⁰. Вопрос о полномочиях Турккомиссии ставился на IX съезде Советов Туркестана (сентябрь 1920 г.). Предлагалось, чтобы комиссия не вмешивалась в работу комиссариатов ТАССР, не издавала приказов и декретов, а руководство отраслями, подчиненными как местной, так и федеральной властям, осуществлялось совместно. Учитывалось также, что по мере накопления трудящимися ТАССР опыта революционных преобразований необходи-

¹⁶ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. I. С. 390—391.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 71.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 328—330; Т. 41. С. 164, 244—246; Т. 45. С. 360—362, 381.

¹⁹ Там же. Т. 41. С. 435—436.

²⁰ Там же. С. 153.

мость в Турккомиссии должна отпасть²¹. В апреле 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об учреждении Временной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Были уточнены функции вновь образованной комиссии, на нее возлагалась задача — способствовать упрочению федеративных связей Туркестана с РСФСР непосредственным управлением отраслями, составляющими исключительную компетенцию федеральной власти²².

В развитие принципов, заложенных в принятом ЦК РКП(б) «Положении об автономии Туркестана» (март 1920 г.), по которому Туркестан признавался автономной республикой населяющих ее основных народов: туркмен, узбеков и киргизов, — Конституция ТАССР 1920 г. закрепила за ТуркЦИК всю полноту власти в пределах республики, кроме вопросов внешних сношений, внешней торговли и обороны, принадлежащих к исключительной компетенции федеральных органов. Ряд вопросов подлежал совместному решению центра и республиканской власти²³. Эта Конституция в отличие от Конституции ТАССР 1918 г., более полно определяя правовое положение автономного Туркестана в составе РСФСР, делала попытку обосновать суверенные права республики как национального государства, созданного в результате самоопределения²⁴. Федеративные отношения Туркеспублики с РСФСР находились в промежуточной стадии развития от федеративных отношений, основанных на советской автономии, к федеративным отношениям, базировавшимся на договорных началах независимых советских республик²⁵. Процесс правового оформления Туркестанской АССР завершился 11 апреля 1921 г. принятием декрета ВЦИК РСФСР об образовании ТАССР.

В специфических условиях тех лет значительное распространение в Туркестане получили ревкомы. Не выбираемые, а назначаемые партийными, советскими и другими органами, они, помимо прочих вопросов, занимались созданием необходимых условий для организации выборных Советов и их исполкомов. Принцип назначения отвечал задачам и нуждам военного времени и был применен там, где отсутствовали демократические традиции формирования органов власти. Так, Закаспийский облревком, учитывая силу родовых связей среди туркменской бедноты, а также проявлявшиеся у промышленного пролетариата области колонизаторские пережитки, считал целесообразным отказаться на некоторое время от выборного советского аппарата и осуществить следующую схему местной власти: областной, уездные, волостные ревкомы и выборные аульные комитеты; среди кочевого населения — родовые комитеты²⁶. Жизнь показала неприемлемость системы ревкомов, как структуры, рассчитанной на длительный период, ибо она не позволяла демократическим путем привлечь широкие массы коренного населения в советские органы.

В. И. Ленин различал две ступени советской организации — 1) советский тип (еще не Советы), к которому относились крестьянские Советы и 2) рабочие Советы²⁷. Советы трудящихся (Советы эксплуатируемых), будучи разновидностью советского типа или крестьянских Советов, представляли собой переходную, революционно-демократическую форму, близкую по своему социальному содержанию мусульман-

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 31—32.

²² См.: Уразаев Ш. З. Указ. соч. С. 115.

²³ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. I. С. 450—451.

²⁴ Рудницкая Д. М. Из истории строительства Советов в Туркестане. Ташкент, 1964. С. 95.

²⁵ См.: КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 365.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 707, л. 53—54.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 245—246.

ским Советам, но имевшую в отличие от них более выраженную классовую направленность. Местным Советам трудящихся, органично сливающимся с самобытными структурами общинной организации, В. И. Ленин предлагал «постепенно, не уклонно... под контролем надежных коммунистов» передать власть в Туркестане²⁸. Рекомендованные ЦК РКП(б) и III Интернационалом для применения в странах с господством патриархально-феодалных отношений Советы трудящихся (применительно к Туркестану — аульные и кишлачные) рассматривались IX съездом Советов Туркестана в качестве организационной основы местной власти, способной проводить политику Советской власти в республике под влиянием беднейшей части дехканства. Наиболее действенным средством углубления классовой дифференциации местного населения оставались комитеты бедноты²⁹.

Таким образом, в 1917—1920 гг. был заложен фундамент суверенной советской национальной государственности народов Туркестана и выработаны конституционные гарантии его автономии, а также найдены организационные формы и структуры власти, отвечающие национальной специфике республики. В целом к концу 1920 г. было преодолено характерное для колониального прошлого края отчуждение местного населения от государственной власти, установлены равноправные отношения с народами России. Вместе с тем в этот период возникли, но не получили развития мусульманские Советы, прервал свою деятельность республиканский Комиссариат по делам национальностей.

Дальнейшее глубокое изучение опыта советского национально-государственного строительства в Туркестане первых послереволюционных лет — как позитивного, так и негативного — имеет актуальное значение в наши дни, в условиях становления правового социалистического многонационального государства.

²⁸ Там же. Т. 41. С. 153.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 61—62; д. 40, л. 53.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДРАХ

Ныне уже общепризнанно, что созданная ранее система общесоюзных и республиканских нормативных и кодификационных актов по охране недр и рациональному использованию полезных ископаемых за последние десятилетия в силу многих причин стала практически неэффективной. Административно-приказной метод руководства пользователей недр разного уровня, хищнически эксплуатирующих природные богатства, их фактическая безнаказанность приняли крайние, вызывающие формы. Невосполнимое достояние не только нынешнего, но и будущих поколений стремительно растрачивается во все возрастающих масштабах, размеры причиняемого ущерба исчисляются астрономическими суммами.

Критическое положение в сфере недропользования является отражением общего неблагоприятного экологического положения в стране. Пути выхода из него намечены в постановлении Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. «О неотложных мерах экологического оздоровления страны»¹. В качестве одной из первоочередных задач признано необходимым разработать и подготовить Верховному Совету СССР на осеннюю сессию 1990 г., после всенародного обсуждения, проект долгосрочной Государственной программы по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов СССР на XIII пятилетку и на период до 2005 г. Кроме того, предусматривается уже в течение 1990 г. внести на рассмотрение Верховного Совета СССР пакет законодательных актов: Закон об охране природы, Закон об особо охраняемых территориях, Закон об охране и рациональном использовании растительного мира и ряд других. Впервые в нашей стране будет принята столь всеобъемлющая комплексная программа охраны природы и регламентации природоохранной деятельности. Важность их, более того, необходимость скорейшего принятия этих документов совершенно очевидна. Практическая реализация планируемых мероприятий позволит ослабить нарастающую экологическую напряженность, начать процесс оздоровления окружающей природной среды.

Однако вопрос о том, станут ли новые законодательные акты надежной гарантией неприкосновенности природных богатств, в том числе недр, от противоправных посягательств, остается открытым. Неуверенность в утвердительном ответе объясняется главным образом опытом реализации других масштабных государственно-правовых и партийно-правительственных документов по охране природы, например постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1988 г. № 32 «О коренной перестройке дела охраны природы в стране»². Созданный в соответствии с этим постановлением Государственный комитет СССР по охране природы, наделенный самыми широкими полномочиями, так и не смог пока выполнить свою главную задачу — создать новый эффективный механизм природопользования, за что и был подвергнут обоснованной критике на Съездах народных депутатов СССР и сессиях Верховного Совета СССР. Собственно говоря, отсутствие ожидаемого эффекта от реализации указанного постановления и вынудило Верховный Совет СССР пойти на чрезвычайные меры по спасению природы.

Анализ причин неэффективности постановления № 32 выходит за рамки данной статьи, однако представляется очевидным, что экономический механизм природопользования так и не был задействован, что и предопределило отсутствие какого-либо прогресса в его осуществлении. Вывод из этого может быть однозначный — принятие долгосрочных государственных программ охраны и рационального использования природных ресурсов — необходимое, но далеко не единственное условие решения проблем. Попытки ее решения в обход фундаментального вопроса о собственности на природные ресурсы (в том числе и недра) упирались в главное препятствие — экономическую незаинтересованность пользователей природных богатств в их охране и рациональном использовании.

¹ Известия. 1989. 4 дек.

² СП СССР. 1988. Отдел первый. № 6.

Недра как составная часть окружающей природной среды оказались у нас в особенно трудном положении. Будучи (по закону) исключительной собственностью государства, т. е. всенародным достоянием, они фактически отданы в бесконтрольное пользование центральным ведомствам, разрабатывающим полезные ископаемые. Союзные республики, на территории которых находятся залежи этих полезных ископаемых, практически полностью отстранены от контроля за их разработкой и рациональным использованием. Вопрос о необходимости вернуть недра и другие полезные ископаемые их законному владельцу — союзным и автономным республикам, а также иным национально-государственным образованиям — неоднократно ставился на втором Съезде народных депутатов СССР и сессиях Верховного Совета СССР. Принятый в марте 1990 г. Закон Союза ССР «О собственности в СССР» (ст. 20) предусматривает, что «союзная республика... осуществляет в рамках законов СССР владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами на своей территории в своих интересах и в интересах Союза ССР». Если исходить из того, что содержание права собственности включает в себя именно три указанных признака: владение, пользование, распоряжение. — то можно прийти к выводу, что союзный законодатель признал союзную республику субъектом права собственности на землю, недра и другие природные ресурсы. Хотя ст. 20 сформулирована недостаточно четко и носит половинчатый характер, следует подчеркнуть, что это — знаменательный шаг вперед на пути правового обеспечения кардинальной экономической перестройки.

Предстоящий переход некоторых регионов страны и отдельных союзных республик на хозрасчет (хозяйственную самостоятельность) и самофинансирование ставит перед законодателями в центре и на местах новые, очень непростые проблемы. В частности, в совершенно иной плоскости предстоит решать вопрос о соотношении союзного и республиканского законодательства. Большинство кодификационных актов, действующих в союзных республиках, представляют собой попытку (более или менее удачную) найти гармоничное сочетание общих принципов и положений единого социалистического законодательства и местной специфики.

Республиканские кодексы о недрах (КОН) в этом смысле представляют собой по сути попытку свести все многообразие регулирования горных отношений в основном к различиям субъективного, часто неоправданного характера по общим либо второстепенным вопросам. В то же время нормы, имеющие жизненно важное значение для любой республики, изложены в республиканских кодификационных актах о недрах практически идентично и повторяют в сущности положения союзного законодательства. Это прямо касается и вопросов ответственности за нарушение законодательства о недрах. Значение этих норм, которым во всех республиканских КОН посвящен специальный раздел, для охраны недр, их рационального использования огромно.

Специфика соответствующих статей КОН состоит в том, что они являются отсылочными, так как, перечисляя виды правонарушений в сфере недропользования, они указывают, что лица, виновные в этих правонарушениях, несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзной республики. Из этого положения следуют, по крайней мере, два вывода. Во-первых, ответственность за нарушение законодательства о недрах регулируется в соответствии с нормами уголовного, административного, гражданского, а в ряде случаев — и трудового законодательства. Во-вторых, установление видов ответственности отнесено к совместной компетенции Союза ССР и союзных республик, что предполагает разработку общих принципов и положений республиканскими законодателями с учетом местных условий.

Практика однако, шла по другому пути. Административная ответственность за нарушение законодательства о недрах регулируется республиканскими кодексами об административных правонарушениях (КоАПР). Соответствующие нормы всех КоАПР абсолютно идентичны и полностью повторяют предписания союзного законодательства — Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1978 г. «Об административной ответственности за нарушение законодательства о недрах»³.

Имущественная (материальная) ответственность наступает по общим для всех союзных республик нормам гражданских кодексов, определяющим порядок возмещения ущерба вследствие причинения вреда, а также по специальным союзным нормативным актам⁴.

Дисциплинарная ответственность за нарушение законодательства о пользовании недрами и их охране в процессе трудовой деятельности устанавливается правилами внутреннего распорядка предприятий, учреждений и организаций, разрабатываемыми согласно Типовым правилам внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций от 20 июля 1984 г.⁵, а в некоторых случаях — союзными уставами о дисциплине⁶.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 45. С. 735.

⁴ Постановление Совета Министров СССР от 2 июля 1976 г. № 407//СП СССР. 1976. № 11. Ст. 52, и др.

⁵ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1985. № 1. С. 3.

⁶ Устав о дисциплине работников Госгортехнадзора от 21 октября 1983 г.//СП СССР. 1983. № 32. Ст. 178, и др.

Правда, имеются определенные различия в видах уголовной ответственности за нарушение законодательства об использовании и охране природных богатств. В уголовных кодексах союзных республик мы усматриваем значительный и не всегда оправданный разницей в формулировке статей, в определении составов преступлений, в характеристикеотячающих обстоятельств, в видах и размерах санкций. Например, УК УзССР (ст. 173¹), ТаджССР (ст. 179), КиргССР (ст. 169) предусматривают ответственность за нарушение правил разработки недр, сдачи государству золота, других драгоценных металлов и камней. УК КазССР и ТуркмССР такой нормы не содержат, хотя эта статья включена в республиканские УК в соответствии с известными положениями советского законодательства о добыче золота и драгоценных камней. Только УК КазССР (ст. 207) содержит специальную норму об ответственности за нарушение правил безопасности ведения работ в шахтах, хотя подобные нарушения — явление не столь уж редкое и в других республиках.

Статья «Нарушение правил горных работ» имеется во всех республиканских УК, однако сконструирована она в них по-разному. Ряд УК содержит дополнительную ч. II, которая предусматривает ответственность за нарушение указанных правил, повлекшее тяжелые последствия.

Однако все эти расхождения в уголовных кодексах, вследствие практически повсеместной декларативности соответствующих норм, теряют всякий смысл. Уголовно-правовая борьба ведется по узкому кругу экологических правонарушений. Из всех норм, предусматривающих уголовную ответственность за эти преступления, практически применяются только три — за незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами, незаконную охоту и незаконную порубку леса⁷. В этих условиях сама постановка вопроса об отражении какого-либо своеобразия той или иной республики в данной сфере превращается в абстракцию.

Таким образом, республиканские правовые предписания, направленные на охрану и рациональное использование недр, характеризуются неоправданно высокой степенью общности и, по сути дела, излагают союзную позицию по данному вопросу. С точки зрения правоприменительной практики наибольшее значение имеют административная и материальная (имущественная) ответственность. Ситуация с применением уголовно-правовых мер освещена выше. Аналогично и положение с применением дисциплинарной ответственности. В трудовых нормативных актах до сих пор не сформулированы конкретные правонарушения в сфере недропользования, совершение которых должно повлечь дисциплинарную ответственность. А в результате мы имеем высокий уровень латентности (скрытости) этих правонарушений и, как следствие, крайне незначительное применение мер дисциплинарной ответственности.

Если говорить об административной ответственности за нарушение правил недропользования, то единственным методом административного воздействия на нарушителей этих правил является штраф, максимальный размер которого не превышает 100 руб. Вряд ли можно говорить о каком-то предупредительном воздействии такого наказания. Что касается материальной (имущественной) ответственности основным принципом которой должно быть полное возмещение нарушителями (главным образом — предприятиями по добыче полезных ископаемых) причиненных убытков при добыче природных богатств, то действующее законодательство не обеспечивает реализацию этого принципа.

Здесь, безусловно, определяющую роль играют политико-экономические факторы, тесно связанные с проблемами советской федерации, необходимостью наполнения суверенитета ее субъектов реальным содержанием. При существующем положении, когда предприятия по добыче полезных ископаемых, — как правило, союзного подчинения, мало считающиеся не только с местными, но и с республиканскими органами власти, у союзных республик нет эффективного экономического (а значит, и правового) механизма воздействия на предприятия-гиганты, опирающиеся на поддержку центрального аппарата. Принятые в апреле 1990 г. законодательные акты, регулирующие экономические отношения Союза ССР, союзных и автономных республик, а также разграничивающие полномочия между Союзом ССР и субъектами федерации, дают основание рассчитывать, что в будущем это положение изменится.

В то же время неоспоримым фактом является и то, что неблагоприятную ситуацию усугубляют и недостатки самого природоохранного законодательства. Правовая уравниловка, существующая в видах ответственности за нарушение законодательства о недрах, не только сужает суверенитет союзных республик, искусственно нивелируя имеющиеся особенности, но и больно ударяет по их экономике, ведет к невосполнимым потерям их природных ресурсов. Богатства недр в союзных республиках распределены неравномерно, некоторые из них обладают уникальными, особенно ценными запасами полезных ископаемых, не имеющих аналогов в других регионах страны. Порча, хищническая эксплуатация этих богатств должны предполагать установление повышенных, кратных санкций со стороны республиканского законодательства. Интересы охраны невосполнимых запасов полезных ископаемых требуют от каждой союзной республики дифференцированного подхода к установлению

⁷ Еренов А. Е., Мухитдинов Н. Б., Ильяшенко Л. В. Правовое обеспечение рационального природопользования. Алма-Ата, 1985. С. 137—138.

меры ответственности за нарушение законодательства о недрах. Республиканский (региональный) хозрасчет, с одной стороны, усиливает экономическую заинтересованность союзных республик в установлении жесткого контроля за соблюдением природоохранного законодательства, а с другой,— неизбежно предполагает разработку республиканских систем законодательства (в том числе и горного), отражающего местную специфику не фрагментарно, во второстепенных деталях, а специфику в самом широком смысле этого слова, полностью отражающую своеобразие того, или иного региона.

Любой вид ответственности за нарушение законодательства о недрах в конечном счете подчинен материальным целям. Поэтому крайне важно, чтобы нормы законодательства, регулирующие тот или иной вид ответственности, были не только подкреплены мерами экономического, производственного, организационного характера, но и соответствовали меняющемуся политическому состоянию общества, уровню правосознания его членов. Только при таких условиях будет создан эффективный правовой механизм, ограждающий природные богатства (в том числе и недра) от противозаконных посягательств и хищнической эксплуатации, стимулирующий их должную охрану и бережное использование с учетом интересов не только нынешнего, но и будущих поколений.

В. В. Шафир

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ЧАСТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Вопрос о понятии и правовой природе частного определения до последнего времени остается одним из наиболее дискуссионных в теории и практике советского уголовного процесса.

Следует прежде всего заметить, что сложные и ответственные задачи профилактики правонарушений, стоящие в современных условиях перед всем советским обществом, правоохранительными и судебными органами, не позволяют нам обходить вопрос об используемых в этих целях формах и средствах, в том числе о частных определениях, как это делают отдельные ученые¹, либо ограничиваться лишь констатацией соответствующих положений уголовно-процессуального закона о частных определениях, не раскрывая их существа, содержания и социального назначения (социальной ценности), как это, в частности, имеет место в учебной литературе².

Но и среди авторов, которые на основе анализа присущих частному определению свойств раскрывают его правовую природу и формулируют соответствующую дефиницию, также нет единства.

Частное определение не может, на наш взгляд, расцениваться как специальный процессуальный акт, направленный только на выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений³. Дело в том, что по смыслу ст.ст. 219¹, 297, 331 и 353¹ УПК УзССР, в частном определении фиксируются уже выявленные судом первой, кассационной, надзорной инстанций криминальные обстоятельства, а потому оно направлено не на выявление таковых, а на их устранение.

Не отражает существа и социального назначения частного определения и мнение тех, кто представляет его лишь как точку зрения состава суда по поводу выявленных в судебном заседании криминальных факторов, своеобразный сигнал, информацию, адресуемую должностным лицам предприятий, учреждений, организаций, трудовым коллективам, которые к тому же могут еще кем-то и как-то проверяться, оспариваться⁴. При таком подходе снижается эффективность частного определения, которое лишается возможности выполнить свое непосредственное предназначение — устранить криминальные факторы в виде причин и условий, способствовавших совершению преступлений, допущенных при расследовании уголовного дела нарушений процессуального закона, неправильного (антисоциального) поведения отдельных граждан на производстве или в быту. Необходимо учитывать и то, что факты и обстоятельства, в связи и по поводу которых выносятся частное определение, носят преюдициальный характер, их существование не может подвергаться сомнению и перепроверке иначе как в установленном уголовно-процессуальным законом порядке⁵. Такая перепроверка возможна только судом кассационной или надзорной

¹ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокарев Л. Д. Очерки развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

² См.: Советский уголовный процесс: Вопросы особенной части/Под ред. В. М. Корнукова. Саратов, 1988. С. 140.

³ См.: Сташис С., Бажанов М., Сенчин А. Опыт изучения представлений следователей и прокуроров и частных определений судов//Социалистическая законность. 1967. № 9. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ См.: Бородин С. Организация и контроль — главное в предотвращении преступлений//Советская юстиция. 1963. № 6. С. 20—22.

инстанции и лишь в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 332 УПК УзССР по протесту прокурора.

Подчеркивая обязательность частного определения, известный ученый-процессуалист, проф. М. С. Строгович писал, что частное определение — «это не просто сигнал, информация и т. д. Это решение суда, обязательное к исполнению»⁶. «Правовая природа частного определения в том и заключается, — отмечал А. Г. Михайлянц, — что оно является властным требованием суда об устранении конкретных криминологических обстоятельств, основанным на проверенных судом фактах. Оно имеет обязательную юридическую силу»⁷.

Как видим, имеются все предпосылки для утверждения о том, что «частное определение по своей правовой сущности является самостоятельным видом судебного решения и к нему должны предъявляться такие же требования, как к приговору и иным решениям суда»⁸.

В постановлении Верховного Суда Союза ССР от 29 сентября 1988 г. «О практике вынесения судами частных определений (постановлений)» данное обстоятельство подчеркивается возможностью вынесения такого акта «только на основании материалов, проверенных в суде» (п. 6) и лишь «в совещательной комнате в виде отдельного документа, подписываемого всем составом суда» (п. 11), а также направлением частного определения для исполнения только «по вступлении его в законную силу» (п. 13)⁹.

Нетрудно видеть, что высший руководящий судебный орган относится к частному определению как к акту социалистического правосудия, ставит его в один ряд «со всеми другими судебными решениями, в том числе с приговором»¹⁰. Такое же отношение к данному акту мы находим и в постановлении № 2 Пленума Верховного суда Узбекской ССР от 21 апреля 1987 г. «О практике вынесения судами республики частных определений по уголовным и гражданским делам», отметившем, в частности, что вынесение судами частных определений есть «важнейший вид профилактической деятельности, осуществляемый непосредственно в процессе отправления правосудия»¹¹.

О том, что частное определение представляет собой акт социалистического правосудия, свидетельствуют и все те свойства, которые присущи ему как правоприменительному акту вообще, а именно то, что оно: 1. выносится судом лишь в установленном законом порядке; 2. имеет государственно-властный характер; 3. содержит индивидуально-конкретные правовые предписания; 4. обладает юридической силой; обеспечивается в необходимых случаях государственным принуждением»¹².

Вынесение частного определения вызывает возникновение, изменение и прекращение правовых отношений. Так, постановление судом частного определения о необходимости устранения определенных условий, способствующих совершению на том или ином предприятии хищений, порождает у руководителей такого предприятия обязанность принять меры по их устранению и информировать об этом суд, вынесший данное частное определение. Здесь налицо комплекс урегулированных уголовно-процессуальным законом (в частности, ст. 297 УПК УзССР) правовых отношений.

Помимо общих черт, присущих частному определению суда как акту социалистического правосудия (то, что частное определение есть предмет исключительной компетенции судебных органов; постановляется в условиях строгого соблюдения процессуальной формы, вступает в законную силу одновременно с судебным решением и носит обязательный характер), анализируемый правоприменительный акт обладает и такими специфическими чертами, как наличие самостоятельного объекта воздействия в виде негативных факторов, отрицательных социальных явлений, и то, что именно предупредительно-воспитательные, профилактические задачи занимают в частном определении основное, приоритетное значение.

В связи с этими специфическими свойствами, присущими частному определению суда по уголовному делу, необходимо отметить, на наш взгляд, не совсем удачную редакцию ст. 297 УПК УзССР. В ней, наряду с предоставлением судам первой инстанции права вынесения частных определений, которыми обращается внимание: государственных органов, общественных организаций или должностных лиц — на установленные по делу факты нарушения закона, причины и условия, способствующие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер (ч. 1); соответствующих должностных лиц — на нарушения, допущенные при производстве

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 354.

⁷ Михайлянц А. Г. Эффективность частных определений суда в предупреждении преступлений. Ташкент, 1973. С. 7.

⁸ Там же. С. 7—8.

⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1988. № 6. С. 7—11.

¹⁰ Жуклов А. М. Специально-предупредительная деятельность в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1988. С. 89.

¹¹ Постановления Пленума Верховного Суда Узбекской ССР от 21 апреля 1987 г. Ташкент, 1987. С. 9.

¹² Майорова Л. В. Частные определения в уголовном судопроизводстве: Автореф. канд. дис. Л., 1983. С. 12.

дознания или предварительного следствия (ч. 3); общественных организаций и трудовых коллективов — на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту или на нарушение ими общественного долга (ч. 4), — судам разрешается «частным определением довести до сведения соответствующего предприятия, учреждения и организации о проявлении гражданином высокой сознательности, бдительности, мужества при выполнении общественного долга, содействующих пресечению или раскрытию преступления» (ч. 5 ст. 297 УПК УзССР)¹³.

Нам представляется, что включение указанной части в ст. 297 УПК УзССР и ее изложение в редакции Указа Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 28 октября 1982 г.¹⁴ в известной степени вызваны сложившейся в республике положительной практикой поощрения отличившихся в борьбе с правонарушениями лиц. Так, в частном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Узбекской ССР от 16 октября 1970 г. отмечалось, что преподаватель одного из технических училищ г. Ташкента И. В. Стрельников, преследуя вооруженного ножом опасного преступника, вступил с ним в единоборство, задержал и доставил его в милицию. Частное определение доведено до сведения общественности. И. В. Стрельников приказом министра внутренних дел УзССР награжден именными часами¹⁵.

На необходимость расширения практики вынесения такого рода частных определений обращалось внимание и в литературе. Однако приходится констатировать, что в последнее время суды Узбекистана практически перестали выносить подобного рода акты. Так, ни в одном из 112 частных определений, вынесенных Ташкентским городским судом в 1986 г., нет даже упоминания о необходимости представления кого-либо из причастных к задержанию преступников, раскрытию преступления граждан к поощрению¹⁶. Учитывая сложность обстановки с преступностью в республике, значительные упущения в борьбе с нею, мы считаем необходимым значительно расширить практику вынесения судами республики актов поощрительного характера и информировать об этом не только администрацию того или иного предприятия, учреждения, организации, отдельный трудовой коллектив, но и самые широкие слои населения, используя для этого все средства массовой информации (печать, радио, телевидение).

Вместе с тем мы полагаем, что оформлять свое решение о таких фактах суды должны не в виде частного определения, а иным судебным документом, который должен носить именно процессуальный характер, обладать всеми признаками правоприменительного акта, постановляемого судом. Содержащиеся в нем предписания, рекомендации для соответствующих адресатов должны рассматриваться как обязательные вступления судебных органов. В силу этого мы не можем согласиться с авторами, предлагающими для реагирования на положительные факты использовать только «непроцессуальные возможности (представления о поощрении, благодарственные письма, сообщения в печати, по радио и телевидению и т. п.)»¹⁷. Возможной формой такого акта, на наш взгляд, мог бы стать судебный документ под названием «особое определение суда». Под таким наименованием надо, очевидно, внести в УПК УзССР и отдельную статью (например, ст. 297¹ УПК УзССР), в которую и перенести содержание ныне существующей ч. 5 ст. 297 УПК УзССР¹⁸.

Наше предложение о необходимости связывать частные определения только со случаями реагирования на нарушения, недостатки и другие негативные явления, а особые определения суда (возможно и иное наименование таких актов, например «представление к поощрению») выносить по поводу положительных явлений в известной степени подкрепляется и постановлением № 11 Пленума Верховного Суда ССР от 29 сентября 1988 г. «О практике вынесения судами частных определений (постановлений)». Во всех пунктах этого постановления, где речь идет о необходимости вынесения судами частных определений (п.п. 2—10, 15—16), имеются в виду именно факты негативного характера. Лишь в п. 14 указанного постановления судам рекомендуется «шире использовать предусмотренное законом право информировать трудовые коллективы и общественные организации о высокой сознательности и мужестве, проявленных гражданами при выполнении общественного долга по

¹³ Аналогичные нормы содержатся в УПК РСФСР (ст. 21²), Армянской ССР (ст. 309) и некоторых других союзных республик.

¹⁴ См.: Ведомости Верховного Совета УзССР. 1982. № 31. С. 527.

¹⁵ См.: Наряд с частными определениями в архиве Верховного Суда УзССР за 1970 г.

¹⁶ См.: Справка по изучению практики вынесения Ташкентским городским судом частных определений. Архив Ташгорсуда за 1986 г.

¹⁷ Малков В. П. Некоторые вопросы повышения качества и эффективности частных определений судов // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976. С. 151.

¹⁸ См. также: Карасев И. Е. Уголовно-процессуальный закон о частных определениях нуждается в совершенствовании // Актуальные вопросы государства и права. Томск, 1972. С. 291; Луканов П. Суд вынес частное определение // Советская юстиция. 1987. № 3. С. 14; и др.

защите от преступных посягательств на жизнь, достоинство граждан, социалистическую и личную собственность, при пресечении и раскрытии других преступлений»¹⁹.

Как видим, этот момент Пленум Верховного Суда СССР выделяет особо, но не предусматривает вынесения по данному поводу особого определения, применив лишь мало обязывающее слово «информировать» и к тому же определяя это информирование только как право судебных органов, тогда как следовало бы вменить им это в обязанность.

Все сказанное позволяет утверждать, что частное определение по уголовному делу представляет собой акт социалистического правосудия, которым должностные лица соответствующих государственных предприятий, учреждений, организаций, а также кооперативных и общественных формирований обязываются посредством принятия необходимых для этого мер устранить указанные судом причины и условия, способствующие совершению преступления, недостатки, упущения и нарушения закона, допускаемые в их работе, изменить неправильное, антисоциальное поведение отдельных лиц.

Частное определение по уголовному делу в силу того, что оно постановляется органом социалистического правосудия в совещательной комнате, коллегиальным составом суда, а содержащиеся в нем предписания являются обязательными для адресатов, имеет много общего с судебным приговором. Главное отличие между ними состоит в том, что в результате постановления судебного приговора решается основной вопрос уголовного дела — об уголовной ответственности лица за вмененное ему деяние, а частное определение связано с решением других вопросов, хотя в определенной степени они обусловлены главным вопросом уголовного дела.

По процессуальному порядку своего постановления (вынесения) частное определение имеет целый ряд свойств и с другими выносимыми составом суда в совещательной комнате определениями, как определения о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование (ст.ст. 216 и 238 УПК УзССР) и о прекращении производства по уголовному делу (ст.ст. 217 и 233 УПК УзССР). К тому же такие определения суда наделяются свойствами общеобязательности, а содержащиеся в них факты приобретают характер преюдициально установленных. Отличия в указанных актах видятся по основаниям их постановления, внутреннему их содержанию и социальному назначению.

Кроме того, надо иметь в виду, что, например, в стадии предания обвиняемого суду частные определения могут быть вынесены только в части причин и условий, способствовавших совершению преступлений и требующих принятия соответствующих мер, а также по фактам нарушений прав граждан и других нарушений закона при производстве дознания или предварительного следствия (ст. 219¹ УПК УзССР). Что же касается права суда частным определением обратить внимание общественных организаций и трудовых коллективов на неправильное поведение отдельных граждан на производстве либо в быту или на нарушение ими своего общественного долга (ч. 4 ст. 297 УПК УзССР), то такое определение суд вправе вынести лишь одновременно с приговором, сразу же после изготовления в совещательной комнате текста судебного приговора и его подписания всем составом суда. Причем содержащиеся в таком частном определении сведения, несмотря на их негативный характер, не могут расцениваться в качестве основания для возбуждения уголовного дела ни по новому обвинению, ни в отношении нового лица в порядке, установленном ст.ст. 235 и 236 УПК УзССР. Лишь в необходимых случаях копия частного определения может быть направлена в товарищеский суд или в комиссию по делам несовершеннолетних для принятия соответствующих мер воздействия.

Следует, наконец, сказать и о том, что частное определение суда в части устранения причин и условий, способствующих совершению преступления (ч. 1 ст. 297 УПК УзССР), по своему целевому назначению, содержанию предписываемых соответствующим государственным органам, общественным организациям и должностным лицам мер, срокам исполнения имеет в указанном отношении общие свойства с представлениями, выносимыми органами дознания, следователем и прокурором в порядке ст.ст. 49¹ и 116¹ УПК УзССР. Но в отличие от частного определения суда представление не является актом социалистического правосудия, оно не постановляется в специфических условиях судебной деятельности, не обладает и рядом других свойств, характерных для частного определения суда по уголовному делу.

Анализируя вопрос о социальной ценности частного определения суда, постановляемого им по уголовному делу, мы не можем не учитывать правовой характер рассматриваемого явления.

Применительно к правовым явлениям «ценностная характеристика,— как отмечает З. З. Зинатуллин,— дополняет сущностно-содержательную характеристику права обоснованием его значимости, полезности и пригодности в регулировании (быть регулятором) соответствующих общественных отношений»²⁰. Она способствует

¹⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1988. № 6. С. 10.

²⁰ Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 14.

ет тому, «чтобы важный инструмент нашего общества — право — функционировал с максимальной эффективностью»²¹.

В настоящее время социальная ценность социалистического права все шире усматривается не только в его нормативности, принудительной обеспеченности, но и — что особенно важно в условиях формирования правового социалистического государства — в научной обоснованности, демократическом и политическом авторитете, идеологической и моральной силе, утверждении социальной справедливости, в интеллектуальном воздействии на сознание, психику и волю людей, в формировании правильных ценностных установок²².

Как справедливо отмечает А. С. Кобликов, социальная ценность советского уголовно-процессуального права выражается в том, что «оно способствует достижению задач уголовного судопроизводства по быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и привлечению их к ответственности..., создает гарантии прав личности в области борьбы с преступностью..., систему процессуальных мер предупреждения преступлений..., оказывает позитивное влияние на духовную жизнь общества, формирование его культуры»²³.

Социальная ценность частных определений, выносимых судами по уголовным делам, состоит в том, что они способствуют успешному преодолению криминальных обстоятельств и других негативных факторов в сфере борьбы с преступностью, утверждению у граждан социально полезных качеств (свойств). Это полностью согласуется с марксистской концепцией о том, что «закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства, интересов и потребностей»²⁴.

Правильное понимание правовой природы, процессуальной сущности и социальной ценности частных определений, выносимых судами по уголовным делам, отвечает задачам успешного достижения целей социалистического правосудия, укрепления законности и воспитания граждан в духе уважения к советским законам и правилам социалистического общежития.

З. Ф. Иногаджанова

²¹ Фарберов Н. П. Общая теория государства и права как политическая наука // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 34.

²² Зипатуллин З. З. Указ. соч. С. 13—18; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 312—317; Нормы советского права / Под ред. М. И. Байтина и В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 136—140; Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971; и др.

²³ Кобликов А. С. Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. С. 156—159.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 259.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОПРОВЦЕВ УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Из выявленных и изученных в последние годы материалов очевидно, что многие аспекты внешней политики СССР в предвоенные годы, в частности пакт Молотова—Риббентропа 1939 г., дезориентировали международное коммунистическое движение, левые силы на Западе. Международная организация помощи борцам революции¹, ее Исполком, ЦК МОПР СССР, другие секции также оказались тогда в двусмысленном положении. Со страниц многих изданий, в частности «Интернационального маяка», сразу исчезли материалы о фашистских концлагерях, расстрелах и пытках коммунистов, расистских выступлениях. Перестали печататься статьи о Тельмане и других героях-антифашистах.

Почти 10-миллионная мопровская организация страны, ослабленная сталинскими репрессиями, все более бюрократизировавшаяся, во многом потерявшая ориентиры, тем не менее вступила в 1941 г., в основном сохранив свой гуманистический и революционный потенциал, который помог ей занять свое место в годы Великой Отечественной войны.

¹ Международная организация помощи борцам революции (МОПР) была создана по инициативе Общества старых большевиков на IV конгрессе Коминтерна в 1922 г. До войны это была самая массовая, после профсоюзов, общественная организация страны. За рубежом в разное время насчитывалось около 70 секций МОПР. Советские мопровцы организовывали различные политические акции, кампании солидарности с политическими узниками капитала, собирали и пересылали средства в тюрьмы и семьям заключенных, принимали и устраивали политэмигрантов, участвовали в экономических преобразованиях в стране, проведении культурной революции. В начале 1948 г. 7-миллионная мопровская организация СССР неожиданно «самораспустилась».

Уже 3 июля 1941 г. Президиум ЦК МОПР Советского Союза выдвинул перед членами организации следующие актуальные задачи: «Оказание конкретной помощи бойцам Красной Армии и флота и их семьям, активное участие во всех мероприятиях, содействующих укреплению сил и боеспособности Красной Армии; всемерное содействие повышению производительности труда на предприятиях, в колхозах и совхозах; работа с удвоенной энергией для обеспечения нашей стране окончательной победы над фашизмом; усиление интернационально-массовой работы, укрепление советского патриотизма и готовности к любым жертвам, необходимым для победы в Отечественной войне»².

В условиях временной оккупации врагом значительной территории страны основную роль в выполнении больших и многоплановых задач МОПРа стали играть организации Урала, Казахстана, Закавказья, Сибири и Средней Азии.

Мопровские организации Узбекской ССР на 1 февраля 1941 г. насчитывали 163 084 члена, входивших в 2660 ячеек³. После ухода многих мопровцев на фронт произошел естественный спад и количество членов организации сократилось, но патристический подъем, охвативший всю страну, не обошел и мопровскую организацию⁴. В ряды МОПРа шли люди, почувствовавшие, что в этой организации они смогут выполнить свой гражданский долг.

Сбор средств для фронта, помощь инвалидам, сиротам, беженцам, уход за ранеными в госпиталях, агитационная работа, забота о политэмигрантах и членах их семей и многое другое легли на плечи активистов и добровольных помощников МОПРа, причем в большинстве своем это были женщины, пожилые люди, подростки, многие из которых к тому же работали по 10—12 часов на заводах, в учреждениях, мастерских, от зари до зари трудились на полях.

Мопровцы нашей республики вносили свой вклад в укрепление вооруженных сил страны. Инициаторами сбора средств на строительство эскадрильи «Мопровец Узбекистана» выступили мопровцы Ташкентского депо⁵. Кампания по сбору средств проводилась в течение 1942 г. За несколько месяцев было собрано 1 623 773 руб.⁶ и «Мопровец Узбекистана», наряду с «Мопровцем Киргизии», «Мордовским мопровцем», «Пензенским мопровцем» и другими, оставили свой след в летописи славы ВВС страны.

Всего за три года войны мопровские организации нашей республики собрали и передали в Фонд обороны 6 770 тыс. руб.⁷

Мопровские активисты и их многочисленные добровольные помощники постоянно помнили и о тех, кто сражался с врагом на передовой, испытывая огромные лишения, рискуя жизнью. Особенно близкие отношения установились у мопровцев Узбекистана с защитниками Ленинграда. На Ленинградский фронт отправлялись теплые вещи, мыло, табак, сухофрукты, печенье, компоты и др. и, конечно же, письма. Хотелось бы привести выдержки только из двух писем, от офицера и солдата, которые на себе ощутили заботу мопровцев нашей республики. Вот что писал офицер Мирошниченко: «Здравствуйте, дорогие товарищи мопровцы солнечного Узбекистана! Получил Ваш скромный подарок, я как командир Красной Армии крепко жму Вашу братскую руку. Благодарю Вас за заботу о Красной Армии и семьях фронтовиков» (п/п 06134 В). Пламенный гвардейский привет прислал рядовой Г. Карякин: «...В солнечный день командир собрал нас и сообщил, что нам прислали подарки, приобретенные на средства, собранные мопровцами УзССР. Заботы, проявленные членами организации МОПР, глубоко тронули нас. Мы почувствовали себя еще более связанными с далеким солнечным Узбекистаном...»⁸

Своей прямой обязанностью мопровцы республики считали оказание помощи раненым бойцам и командирам. Они шефствовали над 9 госпиталями, передислоцированными и организованными в различных городах УзССР⁹. Большинство раненых и больных, оказавшихся в незнакомом краю, испытывавших не только физические, но и моральные муки, помощь мопровцев во многих случаях была просто необходима. В тех случаях, когда раненые ничего не знали о судьбе родных и близких, мопровцы и их помощники помогали в наведении соответствующих справок, получении необходимой информации, и довольно часто бойцы и командиры получали желанные весточки. Мопровцы писали под диктовку раненых письма, отправляли телеграммы их родным. Но многие раненые остались совершенно одни, потеряв родных и близких. Это еще больше усугубляло их физические страдания. Здесь требовались особо чуткие и терпеливые люди. У постелей особо тяжелых раненых часто

² Итоги деятельности Международной организации помощи борцам революции (МОПР): Отчет Президиума ЦК МОПР СССР. М., 1948. С. 50.

³ ЦГА УзССР. ф. Р-126, оп. 1, д. 85, л. 42.

⁴ Уже на 1 января 1942 г. в рядах узбекистанского МОПРа насчитывалось 181 444 члена, состоявших в 3059 ячейках.

⁵ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 229, л. 28.

⁶ Там же, д. 269, л. 153.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-126, оп. 1, д. 85, л. 41.

⁸ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 294, л. 114, 115.

⁹ Информационный бюллетень ЦК МОПР СССР. 1944. № 9. С. 12. Отметим, что в годы войны МОПР СССР шефствовал над 264 госпиталями.

круглосуточно дежурили члены организации, вселяя в них веру в выздоровление, отвлекая от тяжелых мыслей, помогая делать перевязки, давая лекарства. Учитывая трудности с продовольствием, мопровцы собирали и передавали в госпитали самые разнообразные подарки с фруктами, овощами, тушенкой, сгущенным молоком и др. Проводился также сбор денег и вещей.

Инициативой, рожденной среди рядовых мопровцев, была организация в Самарканде мастерской по пошиву тапочек для раненых, находившихся в госпиталях. Эту мастерскую организовали на квартире домохозяйки-мопровки Астаховой.

Мопровцы Андижана взяли шефство над домом инвалидов Отечественной войны¹⁰. Изувеченным, одиноким людям, у которых почти не осталось каких-либо радостей в жизни, искреннее милосердие и помощь мопровцев часто помогали держаться за жизнь.

Мопровцы Хорезмского обкома МОПР, до войны не отличавшиеся особой активностью, только за 5 месяцев 1944 г. организовали 12 концертов для раненых, находившихся в Ургенческой больнице¹¹.

Особым вниманием у мопровцев Узбекистана пользовались дети, в первую очередь сироты и беженцы. 200 000 детей приняла наша республика за четыре года войны¹². Наиболее значительным вкладом МОПР республики в это благородное дело была организация детского дома. В 1942 г., по решению ЦК МОПР Узбекистана, начался сбор средств на его оборудование и содержание. Инициаторами выступили мопровцы Ташкентского мясокомбината. Уже на 1 сентября 1942 г. на эти цели поступило 106 тыс. руб.¹³ В разное время в этом детском доме воспитывалось от 100 до 170 детей из России, Украины, Белоруссии. В снабжении детдома продуктами питания участвовали сельские ячейки МОПР. Среди сельчан особенно отличались труженики Карасуйского района Ташкентской области. Только весной и летом 1944 г. ими было собрано свыше 1500 кг лука, свеклы, дынь, винограда и др. и отправлено со специальной делегацией в Ташкентский мопровский детский дом. Председатель Карасуйского райкома МОПР Файзуллаев не раз направлял продуктовые обозы детям¹⁴.

Детские дома были и в других городах Узбекистана (Фергана, Коканд) и члены МОПРа часто брали шефство или оказывали им эпизодическую помощь.

Следует подчеркнуть, что все население республики с глубоким сочувствием и пониманием отнеслось к призыву ЦК МОПР СССР и ЦК МОПР УзССР помочь детям — жертвам фашизма и внесло весомый вклад в облегчение их участи.

Очень важной стороной в деятельности мопровцев была организация помощи семьям фронтовиков, особенно тем, кто потерял кормильца. Это выражалось прежде всего в сборе средств, вещей, их распределении среди нуждающихся. Например, только за первое полугодие 1944 г. кокандские активисты, помимо собранных и перечисленных ими на текущий счет ЦК МОПР УзССР 65 тыс. руб., организовали дополнительный сбор средств и полученные за короткий срок 38 тыс. руб. распределили через первичные организации МОПР семьям фронтовиков и особо нуждающимся¹⁵. Члены организации МОПР завода им. Ворошилова собрали и распределили на эти же цели 80 тыс. руб.¹⁶

Можно привести здесь и такие примеры. Капитан Умаров, ставший инвалидом, защищая Родину, остался после смерти жены один с шестью детьми. Через организацию МОПР ему была оказана денежная помощь в сумме 1000 руб. Слепому 70-летнему отцу фронтовика Шишкову мопровцами была приобретена 600-рублевая путевка в дом отдыха, а также выдано 800 руб. на покупку одежды и обуви¹⁷.

Мопровцы использовали все возможные способы и методы для эффективного сбора средств. В частности, большой финансовый и пропагандистский успех имела организация антифашистских вечеров в различных городах Узбекистана.

Деятельность мопровских активистов не ограничивалась рамками своего района, области, республики. Наглядный пример тому — помощь узбекистанцев населению освобожденного Харькова. 27 августа 1943 г. Президиум ЦК МОПР УзССР предложил всем обкомам развернуть работу по сбору средств, вещей, продуктов харьковчанам. За несколько месяцев было собрано, не считая значительной суммы денег, несколько тонн ячменя, сухофруктов, много других продуктов, мыло, посуда, белье, одежда, а также книги и культурный инвентарь¹⁸. Все это оперативно отправлялось в освобожденный от врага город.

Даже в тяжелые годы войны мопровцы не забывали, что они принадлежат к Международной организации помощи борцам революции, что с самого начала вся деятельность МОПРа базировалась на идее международной солидарности.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-126, оп. 1, д. 78, л. 47.

¹¹ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 300, л. 13.

¹² История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 421.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-126, оп. 1, д. 78, л. 46.

¹⁴ Там же, д. 85, л. 48.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 300, л. 31.

¹⁶ Информационный бюллетень ЦК МОПР СССР. 1944. № 9. С. 13.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 338, л. 103.

¹⁸ Информационный бюллетень ЦК МОПР СССР. 1944. № 1. С. 5.

Если в довоенные годы в Узбекистане эта деятельность ограничивалась в основном отдельными митингами по поводу встречи какой-нибудь делегации, то после начала войны мопровцам пришлось оказывать прямую помощь тем, о ком ранее они читали в газетах, кому слали письма и переводы. И хотя число политэмигрантов и членов их семей в Узбекистане в годы войны в основном не превышало 3000 человек¹⁹, это был особый контингент, требовавший исключительного внимания, такта, оперативности в решении постоянно возникавших проблем. Прибывая на место, иностранцы: испанцы, немцы, австрийцы, болгары, чехи, словаки, поляки, румыны, итальянцы, венгры, югославы, норвежцы, китайцы и др.— в первую очередь шли в обком или горком МОПРа, которые в тяжелейших условиях войны были по существу единственными учреждениями, полностью взявшими на себя все заботы этих пострадавших людей.

Дополнительной сложностью был неоднородный состав прибывающих. Некоторые довольно длительное время жили в нашей стране и хорошо владели русским языком, другие владели им слабо или почти не владели. Одни прошли суровые испытания на фронтах гражданской войны в Испании, на баррикадах в Вене, в подполье Германии, другие приезжали помогать нам строить социализм, третьи прибыли в нашу страну, спасаясь от погромов, и т. п. Во второй половине 30-х годов многие из них потеряли в страшной бездне ГУЛАГа своих родных и близких. Некоторых из них, как, например, отдельные группы немецких антифашистов и австрийских шницбушников, Сталин передал Гитлеру. Не придавал уверенности зарубежным интернационалистам и неожиданный роспуск Коминтерна, который был для них путеводной звездой в их жизни и борьбе. И пусть он, как выясняется сейчас, не всегда определял правильные ориентиры и методы борьбы, тем не менее Коминтерн — это целая эпоха в истории революционного движения XX в. «С одной стороны, Коминтерн действительно сыграл свою роль. А с другой,— произошел поворот в политике Сталина, и он избавляется от ненужной ему организации. То же, как представляется, он хотел проделать в апреле 1941 года, но тогда это была бы уступка фашистской Германии...»²⁰

Не надо забывать о насаждавшейся в стране шпиономании, когда всеобщая подозрительность и страх делали общение с иностранцами небезопасным. Но война, как это ни парадоксально, распрямляла плечи людей, делала их смелее и увереннее. Наверняка, именно в годы войны мопровцы нагляднее всего почувствовали себя членами организации, в которой наряду с революционно-классовыми идеями и терминологией, всегда присутствовали идеи гуманизма, добра, взаимопомощи, сострадания.

Иностранцы начали прибывать в республику еще в 1941 г., как поодиночке, так и целыми группами. Поскольку до войны помощь политэмигрантам и бывшим политзаключенным оказывалась в основном централизованно, через ЦК МОПР Союза, в Узбекистане они оказались вначале без средств. Связи с центром не было около двух с половиной месяцев, и в этих условиях узбекистанские мопровцы проявили и оперативность, и решительность, и ответственность. Рабочая часть Президиума ЦК МОПР республики настояла на выделении Эвакосоветом УзССР 25 тыс. руб. на оказание помощи политэмигрантам²¹. В дальнейшем помощь им поступала как из центра, так и из самой республики.

Первоочередной задачей было накормить прибывших, разместить их, обеспечить предметами первой необходимости, а также помочь нуждающимся в срочной медицинской помощи. И мопровцы делали все, что было в их силах. По инициативе местных организаций МОПР, а также по прямому указанию Наркомздрава Узбекистана, в ряде городов, где были размещены политэмигранты, облздравотделами было проведено массовое обследование состояния их здоровья, а также жилищно-бытовых условий²². Нуждающиеся в стационарном лечении направлялись в больницы, ослабленным выдавались дополнительные продукты, главным образом за счет фондов Наркомздрава, многие дети получали молоко.

Мопровцы добились от СНК республики издания специального постановления, обязавшего Наркомторг УзССР выделять для политэмигрантов необходимое количество продуктов, прикреплять их к столовым, а также выдавать известное количество промтоваров. Кое-где, например, в Коканде, для политэмигрантов, бывших политзаключенных и членов их семей открывались специальные столовые²³. Выдача продуктов и питание в столовых стали по существу главным источником существования этих людей. Экстремальные условия военного времени накладывали суровый отпечаток на жизнь иностранцев. Многие из них страдали от непривычного климата, всякого рода бытовых неудобств.

В этих условиях самоотверженная работа мопровцев — от члена ЦК до рядового члена ячейки — помогла спасти десятки людей этого особого контингента эва-

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-126, оп. 1, д. 85, л. 40.

²⁰ Сталин и Коминтерн//Новое время. 1989. № 18. С. 42.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-126, оп. 1, д. 78, л. 50.

²² ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 165, л. 83.

²³ Там же, л. 82, 83.

куированных, а затем помочь обрести свое место в жизни республики и внести свой посильный вклад в приближение Победы. Так, в одном из посланий группы испанцев, проживавших в Самарканде, в Москву, руководству Компартии Испании, говорилось: «...В этом коллективе, где большинство получает субсидию МОПР, нет таких проблем, которые товарищи сочли бы необходимым поставить в Москве... О деятельности районного комитета МОПР товарищи имеют лишь положительные отзывы. Э. Вега»²⁴.

Для многих прибывших в республику не сразу удавалось подыскать работу по специальности. Поэтому в ряде городов были организованы мероприятия по обучению или переобучению политэмигрантов необходимым специальностям. Отметим, что до получения квалификации эти товарищи получали пособия²⁵.

Политэмигранты работали на многих предприятиях Узбекистана. Здесь прежде всего хотелось бы отметить наиболее многочисленную группу испанцев, работавших на ташкентском заводе «Подъемник» и оставивших о себе добрую славу своим трудолюбием и самоотверженностью.

Не были забыты и женщины. Например, в Ташкенте, Коканде для женщин, имевших детей, была организована работа на дому. Остальные влились в высокопроизводительные артели, где занимались пошивом и вязанием вещей для фронтовиков²⁶.

В тесном взаимодействии с государственными и партийными организациями мопровцы Узбекистана сумели накормить, одеть и устроить основную массу прибывших, оказать им необходимую медицинскую помощь и т. д. Но «не хлебом единым жив человек». Чувство ностальгии по родине, желание читать литературу на родном языке, а иногда и выразить себя через искусство (музыку, танцы) требовали организации для них культурных мероприятий, досуга. При ЦК МОПР УзССР была создана библиотека из книг на иностранных языках.

Политэмигранты и бывшие заключенные капиталистических тюрем принимали активное участие в организации и проведении антифашистских вечеров. Ведь многие из них вступили в борьбу с фашизмом еще в тридцатые годы. Участие политэмигрантов придавало этим вечерам особое чувство единения людей нашей планеты перед лицом общей опасности. Такие вечера, участниками которых были узбеки, русские, испанцы, немцы, румыны, поляки, евреи, казахи, украинцы и др., не могли не оставить глубокого следа, несмотря на различия в традициях, стиле мышления, национальности и др.

Зарубежные товарищи внесли значительный вклад в деятельность МОПРа республики. Многие из них сразу стали активно сотрудничать и работать во всех структурах организации: от ЦК МОПР УзССР до производственной ячейки. Еще в начале 1942 г. к работе ЦК МОПР республики были привлечены 25 человек, почти полностью состоявшие из политэмигрантов и бывших политзаключенных капиталистических стран²⁷. Этот актив стал выполнять функции внештатных инструкторов при Центральном Комитете.

Где бы ни работали испанские, немецкие, польские, румынские и многие другие иностранные мопровцы, они заряжали всех своей активностью, оживляли работу ячеек, искали новые формы деятельности.

С 1944 г. часть политэмигрантов и члены их семей стали возвращаться на места прежнего проживания — в Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Но многие остались в СССР. Так, осенью 1944 г. испанские политэмигранты почти полностью были вывезены в Крым²⁸. На 1 января 1946 г. в Узбекистане оставалось лишь 110 политэмигрантов и бывших политзаключенных²⁹. Но и в этот период внимание к ним не снижалось.

Таким образом, именно в годы Великой Отечественной войны мопровские организации страны сумели поднять свою работу на исключительно высокий уровень, найти новые и эффективные формы деятельности, максимально использовать те огромные потенциальные возможности, которые были заложены при создании МОПРа. Необычайно широкий диапазон сферы деятельности в период войны заставлял мопровцев особо творчески подходить к решению всех вопросов. Гораздо менее скованные различными инструкциями и регламентациями, более самостоятельные, охваченные единым патриотическим порывом, они смогли в кратчайшие сроки перестроить свою работу, выйти на новые рубежи и занять достойное место во всенародной борьбе за победу над врагом.

Члены республиканского МОПРа, вне зависимости от возраста, отдавали все силы благородному делу своей организации. Например, аксакалу Шарифходжаеву было уже за 70, а этот неутомимый мопровец ходил по кишлакам (только за 3 месяца он посетил 30 колхозов), и организовывал ячейки³⁰. Пенсионер Ермошкин

²⁴ Там же, д. 269, л. 25.

²⁵ Там же, д. 165, л. 79.

²⁶ Там же, д. 269, л. 4.

²⁷ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 257, л. 47.

²⁸ Там же, д. 338, л. 20.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-126, оп. 1, д. 85, л. 49.

³⁰ ЦГАОР, ф. 8265, оп. 1, д. 1063, л. 4.

охватил членством МОПР более 2000 домашних хозяйств. Среди труженников Намагана активист Шурухин собрал для освобожденного Харькова свыше 50 тыс. руб.³¹

Десятки членов республиканской организации были награждены почетными грамотами и значками «Активист МОПР». Не удивительно, что организация МОПР УзССР стала одной из лучших в годы войны, систематически перевыполняя финансовый план, откликаясь на все инициативы мопровцев страны и выдвигая свои почин, показывая прекрасные образцы интернационализма и патриотизма. За свою активную деятельность Узбекская организация отмечалась премиями и занеслась на страницу почета «Информационного бюллетеня ЦК МОПР СССР».

И здесь нельзя не сказать о Турсунной Аминджановой — председателе ЦК МОПР УзССР, ставшей настоящим лидером узбекского мопровского движения. Во многом благодаря ее работоспособности, требовательности, организаторскому таланту, чуткости и внимательности МОПР Узбекистана вышел в число лучших организаций МОПРа Союза. 5 января 1945 г. в Кремле коммунисту Т. Аминджановой был заслуженно вручен орден «Знак Почета»³².

После окончания войны мопровцы страны направили все усилия прежде всего на помощь жертвам войны — миллионам инвалидов, сирот, потерявших кормильца и др. Этот аспект благородной деятельности МОПРа ждет еще специального изучения.

В то же время налаживались связи МОПР СССР с такими прямыми наследниками МОПРа в Европе, как Национальная помощь Венгрии, Греческая помощная организация, Румынская патриотическая защита, Народная помощь Франции, Помощная организация Болгарии и др., ставившие аналогичные цели, действовавшие в духе гуманизма и включившие в свои ряды сотни тысяч людей различной партийной принадлежности. Однако «И. Сталин, опасаясь, что в послевоенной обстановке идеи демократии и свободы проникнут в советское общество, и понимая, что новый, народно-демократический путь к социализму — с многопартийностью и оппозицией — может стать «заразительным примером» для советских людей, в 1947—1948 годах завершает реакционный переворот...»³³ Думается, что неожиданный «самороспуск» семимиллионной организации МОПР СССР в самом начале 1948 г. проводился в русле именно этой сталинской политики.

25-летняя деятельность Международной организации помощи борцам революции, ее советской секции изобиловала и яркими страницами, и противоречиями, но она несомненно оставила свой след в новейшей истории и внесла весомый вклад в интернациональное воспитание советских людей в 20—40-е годы. И, очевидно, симптоматично, что именно сейчас, в условиях перестройки и духовного возрождения страны, представители нашей молодежи делают попытки воссоздать на новой основе МОПР³⁴, что подтверждает жизнеспособность тех благородных принципов и идей, на которых действовала эта организация активных интернационалистов.

С. Г. Варлашин

³¹ Там же, д. 294, л. 181.

³² Информационный бюллетень ЦК МОПР СССР. 1945. № 1. С. 21.

³³ Закат сталинизма//Новое время. 1990. № 5. С. 15.

³⁴ Добровольцами не рождаются//Собеседник. 1988. № 51. С. 4.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФГАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Официальные языки Республики Афганистан — дари и пушту — по генеалогической классификации относятся, как известно, к иранской группе индоевропейских языков. В научном отношении они получили более или менее исчерпывающую характеристику в авторитетном коллективном труде «Основы иранского языкознания. Новоиранские языки»¹. Фразеология языков дари и пушту в них, однако, даже не затрагивается, хотя она как лингвистическая дисциплина, тесно связанная с морфологией, синтаксисом и семантикой, имеет право самостоятельного существования в языковой системе.

Привлеченный впервые в иранистике к лингвистическому анализу фразеологический материал языка пушту, почерпнутый из опубликованных в Кабуле текстов художественной прозы², позволил нам выявить основные структурно-семантические и лексико-грамматические особенности фразеологических единиц (далее — ФЕ) данного языка. Взяв за основу выдвинутые в советском языкознании общепринятые определения ФЕ, мы в изучении фразеологии пушту исходили из главных дефиниций фразеологизма как воспроизводимых в речи в готовом виде структур, состоящих

¹ Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. Ч. III. М., 1982. С. 5—230; Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: Восточная группа. Ч. IV. М., 1987. С. 6—154.

² См.: Ганиев А. Г. Очерки по глагольной фразеологии литературного пушту. Ташкент, 1985. 162 с.

из двух и более самостоятельных слов, представляющих в структурном плане устойчивые словосочетания, неразложимые, семантически спаянные с точки зрения значения языковых единиц. В этом определении легко обозначить объем и основной корпус фразеологии языка, в том числе пушту.

Таким образом, фразеологические единицы как неотъемлемая часть лексики являются такими же, как и слова, языковыми единицами, выражающими самые необходимые понятия окружающей нас действительности. В самом деле, носители языка пушту, употребляя в своей речи такие фразеологизмы, как, скажем, т̄р сара кавъл — «осуществлять»; дз̄ан орта ачавъл — «погубить себя»; д̄з̄ангона т̄р лаһада пори — букв. «от колыбели до могилы», т. е. «на протяжении всей жизни»; д̄з̄ хушһал̄т̄й хвал̄т̄й асм̄анта ғурдзавъл — букв. «бросать шапку радости к небу», т. е. «сильно радоваться», и т. д., выражают определенные жизненные реалии. Но в стилистическом отношении они насыщены более экспрессивно, чем обычные слова. Отсюда один из дифференциальных признаков ФЕ — стилистическая окрашенность, выразительность и образность по сравнению с обычными словами. Однако ФЕ как специфический языковой феномен имеет и ряд других структурно-семантических признаков.

В структурном отношении ФЕ, в зависимости от составляющих их слов-компонентов, делятся на две большие группы: бинарные, т. е. двухкомпонентные: д̄з̄ зр̄ь хвал̄ль — «сердечные тайны»; л̄ас уждавъл — букв. «протягивать руку», т. е. «помогать»; лой л̄ас — «опытный» и т. д.; многокомпонентные: д̄з̄ сабр к̄аса дакада — «чаша терпения переполнена», д̄з̄ хушһал̄т̄й на п̄ь камиски на дз̄йедъл — букв. «не вмещаться от радости в одежду», т. е. «сильно обрадоваться», и т. д.

В грамматическом отношении ФЕ представляют собою структуру либо словосочетания, либо предложения, однако имеется принципиальная разница между свободными (переменными) словосочетаниями и свободными предложениями и ФЕ, которые представляют собой не свободные, а устойчивые, т. е. синтаксически нерасчлененные, семантически единые, неразложимые структуры в виде словосочетания и предложения.

Как семантически целостные единые языковые единицы ФЕ делятся на три группы. Во-первых, это — семантически мотивированные ФЕ, общий смысл которых становится понятным, доступным благодаря мотивированности значения фразеологизма в целом. Объяснимости или мотивированности общего значения мотивированных фразеологизмов является их неотделимой семантической особенностью. К подобного рода фразеологизмам в пушту относится подавляющее большинство глагольных, именных фразеологизмов.

Вторая семантическая группа фразеологизмов языка пушту — частично мотивированные фразеологизмы, общее значение которых становится объяснимым через внутренний образ, лежащий в значении фразеологизма: д̄з̄ ушко сил̄аб то йавъл — «лить слезы», букв. «лить поток слез»; гуте п̄ғайш нивъл — букв. «брать пальцы к зубам», т. е. «изумляться», «поражаться», и т. д.

Третья, менее распространенная семантическая группа фразеологизмов — это абсолютно немотивированные фразеологизмы, общий смысл которых ничем не мотивирован и не объясним с точки зрения языкового узуса. Они напоминают такие фразеологизмы в русском языке, как «бить баклуши» («бездельничать»), «положить зубы на полку» («голодать»), «сыграть в ящик» («умереть»), «кот заплакал» («мало») и др.

Материал афганской фразеологии, изученный с точки зрения семантики, показывает, что абсолютно немотивированных фразеологизмов сравнительно меньше, чем фразеологизмов двух предыдущих семантических групп.

Изучение фразеологии на современном этапе требует структурно-семантического и лексико-грамматического подхода к ним. Такой комплексный подход к изучению фразеологии обусловлен особенностями структуры и семантики, лексико-грамматическим своеобразием ФЕ по сравнению с обычными лексическими единицами³.

В свете сказанного выше большое теоретическое и практическое значение приобретает принцип классификации структурно-семантических типов (ССТ) фразеологизмов. Изучение фразеологического материала языка пушту позволило выделить следующие ССТ:

1 ССТ — устойчивые фразеологические словосочетания, в семантическом и структурном отношении представляющие собой наибольшую прозрачность семантики и аналитичность структуры. Несмотря на это, данный тип фразеологизмов языка пушту представляет в целом семантическое и структурное единство, напоминающее «аналитические типы устойчивых сочетаний слов» в русском языке⁴. Примеры: х̄а тима мундъл — «завершаться», вруста п̄ате ш̄вай — «отсталый», «отставший»; барха ахистъл — «принимать участие» и др. От этих «стереотип-

³ См.: Ганнев А. Структурно-семантическое исследование глагольных фразеологизмов языка пушту: Дисс. ...докт. филол. наук. Ташкент, 1988.

⁴ Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 360.

⁵ См.: Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. Л., 1956. С. 222.

ных словосочетаний⁵ следует отличать сложноподлежащие или составные глаголы в языке пушту, структурно напоминающие фразеологизмы рассматриваемого типа. В самом деле, *қасам хваръл* — «давать клятву», «клясться» — как фразеологизм отличается как семантически, так и синтаксически от сложного глагола, состоящего из имени и вспомогательного глагола, как, скажем: *кәр кавъл* — «работать»; *шуру кедъл* — «начинаться». На основе анализа многочисленных глагольных фразеологизмов структуры *имя плюс компонентирующий глагол* мы приходим к выводу, что в пушту, как и в ряде тюркских языков, сложный глагол выделяется как аналитический тип сложного слова, тогда как многие исследователи иранских языков⁶ рассматривают их как глагольное словосочетание.

II ССТ фразеологизмов в языке пушту представляют собой устойчивые словосочетания или предложения, в которых отдельные компоненты теряют свои исходные лексические значения, подвергаясь семантическому преобразованию в зависимости от контекста. Они близки к названным в русском языке акад. В. В. Виноградовым «фразеологическим сочетаниям», один из компонентов которых имеет фразеологический связанное значение (ср.: «закадычный друг»; «трескучий мороз» — «лої лас» — «опытный», букв. «большая рука»; *дъ ушко селаб* — «потом слез» и т. д.).

III и IV ССТ фразеологизмов в языке пушту представляют собою идиоматические выражения, общий смысл которых не является простой суммой значений составляющих их слов-компонентов. В этом отношении они напоминают «фразеологические единства» и «фразеологические сращения» в русском языке, которые представляют собой абсолютно неделимые, семантически целостные языковые образования. Изучение примеров показывает, что в III ССТ фразеологизмов языка пушту объединены в основном идиоматические выражения, а в IV ССТ — афористические выражения, пословицы, поговорки, которые всегда наделены переносным, метафорическим смыслом.

Проблема классификации фразеологизмов по их структуре и семантике — одна из кардинальных проблем современной теории фразеологии. Объективность семантико-структурной классификации ФЕ обуславливается выявлением всех структурных и семантических особенностей функционирования и употребления их в языке.

Существенные критерии классификации ФЕ могут быть определены также посредством анализа их лексико-грамматической структуры.

С точки зрения лексико-грамматической формы фразеологизмы языка пушту разделяются на три группы: а) ФЕ, реализующие все грамматические категории той части речи, которой они соответствуют по значению; б) ФЕ, реализующие отдельные грамматические категории; в) ФЕ, строго ограниченные в реализации грамматических категорий (нуль парадигма). Это подтверждает положение о том, что «фразеологизмы парадигматически дефектны»⁷. Важной парадигматической чертой употребления фразеологизмов в языке пушту является то, что чем полисемантнее фразеологизм, тем шире круг сочетающихся с ним слов, и, наоборот, чем меньше значений у фразеологизма (он моносемантичен) — тем больше ограничен круг слов, которые могут сочетаться с ним.

В качестве внутривидовых особенностей ФЕ рассматриваются, таким образом, все те грамматические преобразования, которые претерпевают фразеологизмы при их употреблении в коммуникативной сфере языка.

Одна из важных проблем современной теории фразеологии — сравнительно-сопоставительное и типологическое изучение фразеологизмов различных языков. С этой точки зрения нами были изучены фразеологизмы языка пушту и узбекского языка, принадлежащих к разным языковым системам. В результате сопоставления многочисленных примеров мы пришли к выводу, что наряду со структурно-грамматической и семантической общностью, в фразеологизмах сопоставляемых языков имеется ряд расхождений как в плане выражения, так и в плане содержания. Их удалось сгруппировать в четыре группы: а) идентичные фразеологизмы, совпадающие и по структуре, и по семантике: *бехванда хабъри кавъл* — *бемаза гап қилмоқ*, — «говорить вздор, бессмыслицу»; б) фразеологизмы, идентичные по содержанию, но отличающиеся по форме: *пъ йава хула* — *бир тан, бир жон* — «единодушно»; *тър зръ вине цацедъл* — *юрак-бағри қон бўлмоқ* — «сильно горевать», «изливаться кровью»; в) фразеологизмы, совпадающие по форме, но отличающиеся по содержанию: *дъ пшо хаври кедъл* — *оёқ (остида) тупроқ бўлмоқ* — в узб. — «стать униженным», в пушту — «стать подчиненным кому-либо»; *дэан врък кавъл* — *узини йўқотиб қўймоқ* — в пушту — «чрезмерно возгордиться», в узб. — «растеряться» и др.; г) фразеологизмы, построенные на общих образах, выражающих близкие понятия: *паза иъ навâ нивъл* — *думоғи осмонда* — «задирать нос»; *дъ лас ав пшо цха лведъл* — *қўл-оёқдан қолмоқ* — «стать непригодным к труду», «обессилиться».

⁶ См.: Пейсиков Л. С. Лексикология современного персидского языка. М., 1975; Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.

⁷ Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: проблемы, методы, опыты. Воронеж, 1978. С. 35.

Таким образом, в афганской фразеологии, которая как новое направление в иранистике находится на стадии становления в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, можно сформулировать следующие актуальные в научном и практическом отношении проблемы: 1) проблема установления корпуса и объема ФЕ на основе объективного определения ее объекта; 2) структурно-семантическая классификация различных групп ФЕ на основе дифференциации внешних и внутри-структурных особенностей функционирования в языке и употребления в коммуникативной деятельности носителей языка; 3) проблема слова, в частности сложного слова, в компонентном составе ФЕ; 4) проблема типологического изучения фразеологии как родственных, так и разносистемных языков, становящаяся актуальной проблемой ареальной фразеологии; 5) проблема частей речи и ФЕ, изучение различных лексико-грамматических разрядов ФЕ: глагольных, субстантивных, адъективных, адverbных и, наконец, 6) проблема лексикографического описания ФЕ в специальных фразеологических и энциклопедических словарях.

Дальнейшее углубленное исследование фразеологического состава языков дари и пушту будет способствовать расширению их фразеологической проблематики, разработке и научному описанию фразеологии новонранских языков.

А. Ганиев

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

ПЕРВЫЙ ПОЛЕВОЙ СЕЗОН СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА АФРАСИАБЕ

В июле-августе 1989 г. на Афрасиабе состоялся первый сезон работ совместной советско-французской археологической экспедиции, организованной в рамках научного договора, заключенного на 4 года между Институтом археологии АН УзССР (Самарканд) и группой археологических исследований УА—1222 Национального центра научных исследований Франции (Париж). В раскопках принимали участие: М. Х. Исамидинов — руководитель советской группы, Х. Г. Ахунбабаев, Л. Ф. Соколовская, а с французской стороны: Ф. Гренэ — руководитель французской группы, проф. П. Бернар и К. Ралэн. В работах участвовала также архитектор Н. Рахимбабаева.

Раскоп на северной крепостной стене. Начиная эти работы, мы интересовались эллинистическим прошлым Самарканда. Этот период в истории Центральной Азии остается еще мало известным. Афрасиаб занимает в этой связи особое место. Важность городища древней Мараканды, бывшей столицы Согдианы на Зарафшане, такова, что от него можно ожидать, несмотря на разрушения потрясения, вызванные 20-вековым обживанием данной территории, особо примечательных открытий. Особый престиж, связанный с личностью Александра, сделавшего Мараканду главной базой своих военных действий в Согдиане, и знаменитый эпизод убийства здесь Клейтоса, также издавна способствовали привлечению внимания к тимуридскому Самарканду: первые траншеи на этом месте были заложены более 100 лет назад¹. Так что мы можем рассчитывать на вклад целого ряда предшественников. Кроме того, Афрасиаб представляет особый интерес для тех, кто хочет изучать воздействие эллинизма на восточную среду, поскольку он, как Ай-Ханум, Бактры или Кандагар, является одним из редких городищ с характерными городскими чертами, где полевыми исследованиями установлено наличие истинно греческой колонии.

Несмотря на уже выполненные работы, особенно с 1945 г., когда в Самарканде была создана археологическая база, а затем организован Институт археологии, в наших знаниях об эллинистической Мараканде оставались большие пробелы. Достаточно бросить взгляд на план городища, где отмечены различные раскопы, позволившие локализовать следы обживания той эпохи, чтобы убедиться, что это просто «булавочные уколы» на площади 200 га, которую занимает Афрасиаб. Эллинистическая стена в 11 разных пунктах стала объектом раскопок², которые шли от простого зондажа к более расширенному планиграфическому раскопу³, но остается невыверить относительную хронологию, в которой учитывается 8 различных типов

¹ «Раскопки» майора Борзенкова (1874 г.), В. В. Крестовского (1883 г.), Н. И. Веселовского (1885 г.). Два последних уже отождествляли Афрасиаб с древней Маракандой. Об истории археологических исследований его до 1966 г. см. работу В. А. Шнишкина (заочленную после смерти автора С. К. Кабановым): Шнишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестности// Афрасиаб. I: Сб. Ташкент, 1969. С. 3—152.

² См., напр.: Шнишкин В. А. О местонахождении Мараканды// Советская археология (СА). 1969. № 1.

³ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб// Афрасиаб. II: Сб. Ташкент, 1973. С. 16—84; Филанович М. И. К харак-

стен ахеменидской и эллинистической эпохи, сгруппированных в три строительных периода⁴, и уточнить абсолютную датировку каждого из них.

Кроме того, список открытий крайне ограничен, они касаются в общем-то двух областей: военной архитектуры и керамики. Как и крепостная стена, эллинистическая керамика была пунктуально изучена и описана, в частности, С. К. Кабановым⁵ и Г. В. Шишкиной⁶. Ознакомление с публикациями создало у нас впечатление, что все вращается вокруг крайних дат комплексов керамики Афрасиаб—II — начала (ибо неизвестно, с каким опозданием после завоевания Александра появились новые греческие элементы в керамике) и конца — со II в. по начало I в. до н. э. — как даты перехода между периодами Афрасиаб—II и III, что тоже требует солидного обоснования.

Сильно эллинизированный характер этой керамики и тесные параллели с керамикой Ай-Ханум говорят о присутствии греческого населения в столице Согдианы, как это было установлено в бактрийском городе на берегу Окса. Греческие буквы, отмеченные на кирпичах⁷, два греческих граффити⁸, несколько бронзовых монет⁹ также являются признаками этих соответствий.

Вся сумма собранной информации, большая часть которой еще не опубликована, составляет относительно ограниченный вклад, особенно если сравнить с материалами с городища Ай-Ханум. Мараканда селевкидского и греко-бактрийского времени известна намного меньше, чем раннесредневековый Самарканд. Общественная, гражданская и храмовая архитектура, как и жилые постройки Мараканды, остаются пока совершенно неизвестными. Из-за отсутствия письменных источников мы ничего не знаем ни об этническом составе населения города, ни об отношениях колонистов с остатками местного населения, ни об их верованиях, культурной жизни, уровне художественного творчества. Мы не знаем даже, когда греки утратили контроль над Согдианой. Предварительно можно связать это с концом правления Эвтидема и потрясением, связанным с военным походом Антиоха III¹⁰, но это требует еще доказательств.

Опираясь на этот баланс знаний, мы попытаемся заполнить некоторые лакуны в наших познаниях об эллинистической Мараканде. С этой целью мы выбрали северо-западный угол городища, зону наиболее удачную по рельефу местности, которая образует здесь некоторую разновидность плато, отделенную от остального городища, и где к тому же находится цитадель. В этом месте на краю холма, который возвышается приблизительно на 20 м над долиной Сиаба, несколько лет назад Т. И. Лебедевой была раскопана площадь 30×8 м до уровня слоев IV—V вв. н. э., близких к тем, которых мы хотели бы достигнуть¹¹. В 10 м западнее, на длинном участке эллинистической крепостной стены, открытой С. К. Кабановым¹² и М. И. Фи-

теристике древнейшего поселения на Афрасиабе//Афрасиаб. I. С. 206—220; Шишкина Г. В. Материалы первых вв. н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба//Афрасиаб. I. С. 221—246; Ее же. Северные ворота древнего Самарканда//История и культура народов Средней Азии (древность и средние века): Сб. М., 1976. С. 99—103. О цитадели см.: Иневаткина О. И. Цитадель Афрасиаба (работы 1977—1979 гг.)//ИМКУ. 18. Ташкент, 1983. С. 76—90.

⁴ Шишкина Г. В. Северные ворота... С. 99—104.

⁵ Шишкина Г. В. О местонахождении... С. 183—198; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 16—83; Его же. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда: Сб. Ташкент, 1981. С. 23—59.

⁶ Шишкина Г. В. О местонахождении... С. 62—75; Ее же. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб—II)//Афрасиаб. III. Ташкент, 1974. С. 28—51; Ее же. Эллинистическая керамика Афрасиаба//СА. 1975. № 2. С. 60—77.

⁷ Неоспоримые греческие буквы (альфа, бета, эпсилон, фи) нельзя путать с геометрическими знаками. См. табл. в статье: Chichkina G. V. Les remparts de Samarcande a l'epoque hellenistique la fortification dans l'histoire du monde grec. Valbonne. Dec. 1982. Actes du Colloque International. Paris, 1986. P. 71—78.

⁸ Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика... С. 69. Рис. 9/1. Имя собственное «Никиас» на черепке и несколько букв, выгравированных на кости, вскоре будут опубликованы Х. Ахунбабаевым.

⁹ Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала XI в.)//Афрасиаб. III. С. 161. О монетах Александра и его преемников//Там же. С. 163; Массон М. Е. По поводу далекого пришлового Самарканда//Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972. С. 25 (бронзовые монеты Эвтидема). Можно отметить и бронзовую монету Антиоха II из раскопок в ближайших окрестностях Афрасиаба (Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика... С. 69. Рис. 9/4).

¹⁰ Фр. Видеман в «Studia Iranica» (1989. 2) сообщает о бронзовой монете, выбитой в подражание монетам Эвтидема, но с арамейской легендой.

¹¹ Мы благодарим О. Кириллову, которая по нашей просьбе начала весной расширять раскоп верхних слоев этой зоны.

¹² Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 16—81; Шишкина Г. В. О местонахождении... С. 183—198.

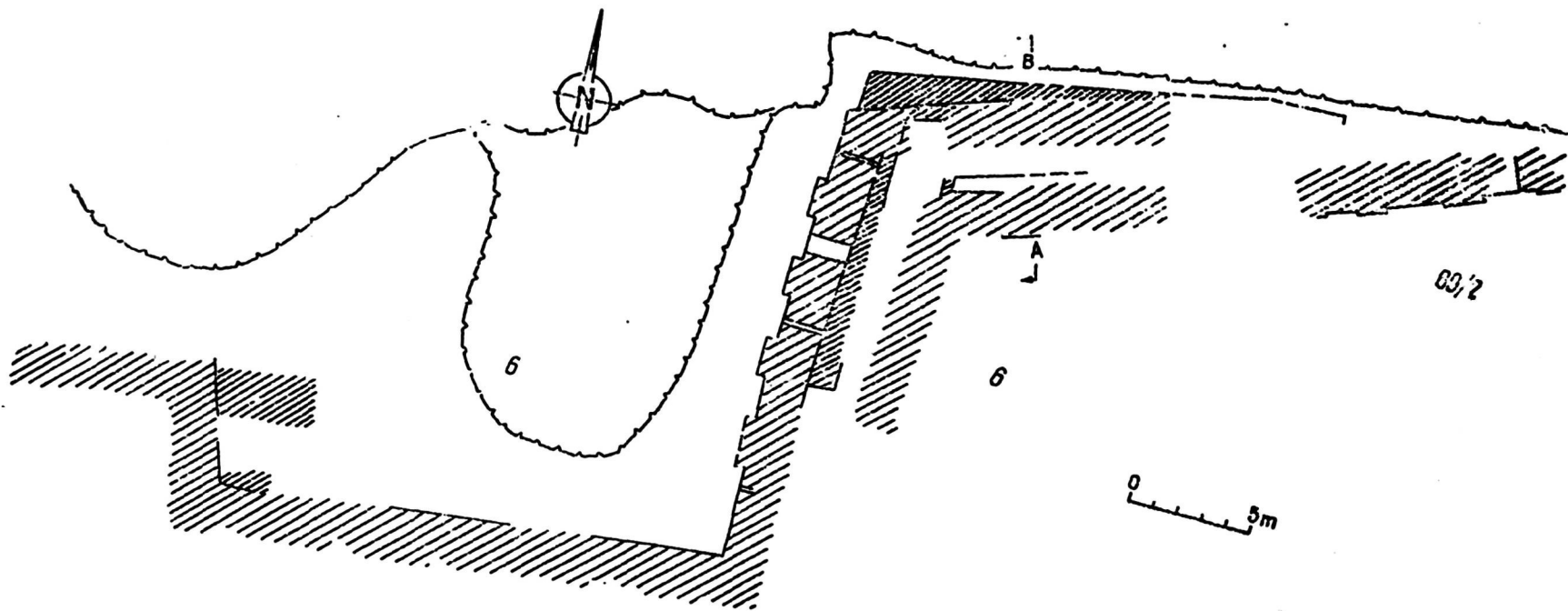

Рис. 1. Общий план раскопа северной крепостной стены на городище Афрасиаб (мелкой штриховкой обозначена стена ахеменидского периода, крупной — стена эллинистического периода).

ланович¹³ и вновь изученной Г. В. Шишкиной (раскоп 6), мы получили удобный стратиграфический и топографический репер. Углубляя раскоп Т. И. Лебедевой, которому мы в дальнейшем дали новый номер 89/2, мы надеялись найти продолжение этой стены к востоку и не ошиблись. Мы расчистили в некоторых местах выраженные в рельефе две гряды в пределах старого раскопа 6. Это позволило дополнить наблюдения, сделанные нашими предшественниками в данной части эллинистической фортификации, и более четко выявить существование ахеменидской стены, уточнить ее план. Мы особо рассчитываем на то, что раскоп 89/2 позволит нам получить представление о древнем жилом квартале.

Эллинистическая крепостная стена. Между раскопом 89/2, где мы обнаружили участок стены длиной более 11 м, и старым раскопом 6 эта стена теперь известна нам на протяжении 70 м, хотя некоторые части ее еще не вскрыты и нет связи между двумя площадками (рис. 1). Стена двойная, на восточной оконечности она, слегка отступив от крутого обрывистого берега, который нависает над Снабом, идет приблизительно в направлении восток-запад, затем поворачивает на юг. Пройдя 18,5 м, она поворачивает на северо-запад и через 5 м уходит на запад.

Эта стена центральноазиатского типа с внутренней галереей (ширина 2,05 м) аналогична стене ахеменидского времени, которую она заменила. Однако сделана она весьма качественно, из квадратного кирпича, сменившего кирпич прямоугольного формата, что указывает на участие греческих инженеров. Она возведена на прочном фундаменте (толщиной до 60 см в среднем) из глиняного раствора с мелкой галькой. Обе стены галереи покоятся на этом фундаменте, который слегка выступает наружу. Многие кирпичи (36×36×15—16 см) имеют знаки, прочерченные пальцем, причем некоторые из них воспроизводят греческие буквы. Кладка регулярная, с четко выраженным модулем — 38 см по вертикали, 18 см — по горизонтали. Внешняя северная стена выложена в 5 рядов кирпичей — 1,85 м в ширину, внешняя западная стена — 4,5 кирпича — 1,70 м. Внешняя стена отрезка после поворота на юг имеет четыре слегка выступающих редана (1,55×0,40 м); два из них открыты С. К. Кабановым, два других — нами.

Эта внешняя западная стена имела бойницы, которые не были обнаружены С. К. Кабановым. Одну из них — суживающейся формы (высота 0,75 м внутри, 1,15 м — снаружи) выявил И. Д. Иванчикий. Мы расчистили две другие, одна из которых меньше по размеру и является ложной бойницей¹⁵. Эти бойницы с окном для стрельбы, суживающимся до вертикальной щели шириной 15 см, без бокового расширения, практически могли использоваться весьма ограниченно. Два проема, которые располагались по обе стороны северо-западного угла, были предназначены для эпизодического использования, на что указывают их узость (ширина 0,85 м, высота прохода до арки — 1,40 м) и отсутствие всяких запоров. В обычное время они были заделаны кирпичной кладкой, которую обнаруживший ее С. К. Кабанов в другом месте ошибочно принял за перестройку, окончательно уничтожившую проход¹⁶.

На востоке в раскопе 89/2 сохранилась лишь внутренняя стена галереи, на внешнем фасаде которой находились реданы (шириной 1,60—1,65 м), выступающие на пол-кирпича и отделенные друг от друга промежутком в 2,15 м. Они аналогичны тем, которые расчистил С. К. Кабанов на этой же стене, у внутреннего северо-западного угла северного участка¹⁷. В этой же внутренней стене имелся проход, соединявший галерею с городом. Неизвестно, имела ли крепостная стена второй этаж с галереей или же она образовывала куртину с парапетом с внешней стороны.

Главная проблема заключается в датировке данного типа крепостной стены с галереей и цоколем из глиняного раствора с галькой. Эта стена, обнаруженная восточнее, в раскопе так наз. Бухарских ворот, является лишь 3-й по времени¹⁸. Надеемся, что дальнейшее изучение этой стены и связанного с нею керамического материала позволит выверить ее датировку, определенную С. К. Кабановым концом III в. или началом II в. до н. э.

Ахеменидская крепостная стена. Под эллинистической крепостной стеной С. К. Кабановым отмечено присутствие кладки из пахсы, которую он интерпретировал как подготовительный инвелировочный слой¹⁹. На самом же деле это — остатки крепостной стены ахеменидской эпохи, спланированной для того, чтобы подготовить

¹³ Филанович М. И. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба//Афрасиаб. II. С. 85—94.

¹⁴ Шишкина Г. В. Северные ворота... С. 99—104.

¹⁵ О различных типах бойниц Мараканды см.: Chichkina G. V. Les remparts... P. 71—78.

¹⁶ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 27.

¹⁷ Там же. С. 24. Рис. 3.

¹⁸ Шишкина Г. В. Северные ворота... С. 103. Табл. 6.

¹⁹ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 28. Разрезы рис. 2, № 16; рис. 6, № 5; рис. 9, № 10. Г. В. Шишкина выявила, что эти остатки относились к предыдущему укреплению. См.: Шишкина Г. В. Северные ворота... С. 101, 103. Рис. 21 (стена 3А).

место для эллинистической стены, превосходящей разрушенную своими размерами (ширина стен — 1 м, подножье — 1,80 м) и отличающейся слегка своим планом. Датируется она сопутствующей керамикой. Мы проследили внешнюю стену этого укрепления на протяжении 18,80 м, после чего она поворачивает к югу до отметки 12,80 м, а затем — к западу. Эта стена также имела галерею (2,30—2,10 м шириной), что установлено с открытием ее внутреннего северо-западного поворота. На ее лучше сохранившемся северном фасае видно, что стена по крайней мере на 1 м в толщину и 1,35 м в высоту была усилена мощным контрфорсом, сделанным из того же глиняного раствора и возведенным скорее всего одновременно со стеной.

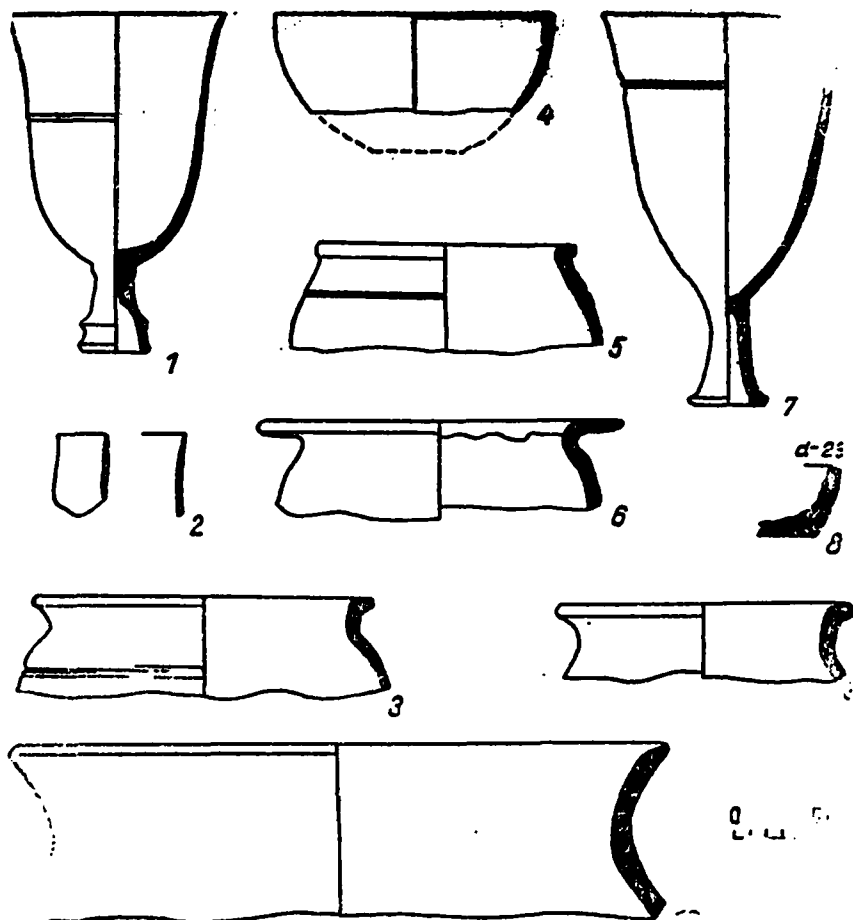

Рис. 2. Керамика из ямы под 2 полами на раскопе 6 городища Афраснаб.

Благодаря раскопкам М. И. Филанович на западе выявлен участок стены, идущей в направлении восток — запад. Она аналогичного типа и датирована предгреческим временем. После своего юго-западного угла она отклонилась к югу²⁰. В той же зоне, в 10 м к северо-западу от конца раскопа 6, Г. В. Шишкина отметила остатки двух паховых кладок, примыкающих друг к другу, которые она считает остатками стены. Толщина их — 1,6 м. Они усилены с наружной стороны пристройкой той же толщины²¹. В дальнейшем предстоит выяснить, соотносится ли она с остатками стены, открытой М. И. Филанович. Наличие этой догреческой крепостной стены в раскопах 6 и 89/2 подтверждает, во всяком случае, то, что выявлено в других раскопах. В частности, тот факт, что в ахеменидскую эпоху Мараканда была обведена мощным поясом оборонительных сооружений, до 5 км в периметре, включая цитадель, красноречиво свидетельствует о ее роли и значении в ту эпоху.

Раскопки за крепостной стеной. Раскопки, начатые за крепостной стеной, замедлялись наличием большого количества ям, спущенных с верхнего уровня, что не позволяет дать связное описание жилых комплексов. Эллинистические слои тем не менее затронуты на сравнительно небольшом участке, условно названном локу-

²⁰ Филанович М. И. К истории сложения... С. 85—95.

сом 33, расположенном в северо-восточной части раскопа 89/2 (рис. 1, фрагм. С). Достигнутый здесь уровень пола относительно изолировал слои, относящиеся к эллинистическому периоду, от последующих слоев. Известен он и на других участках исследуемой площади, и результаты наших работ не противоречат полученным ранее и уже отраженным в литературе²². Полы базировались не непосредственно на остатках строений предыдущего периода, а на подкладке из плотно утрамбованного слоя с алебастровым вкраплением. Глину для построенного над полами здания брали здесь же, в яме (3×4,60×0,50 м), выкопанной в подстилающих слоях.

На время возведения помещения над полами указывает керамический материал, извлеченный из последующих слоев. Наиболее характерным в комплексе из ямы является колоколовидный бокал несколько вытянутой формы, которую полностью удалось восстановить по фрагментам (рис. 2, 7). Бокал изготовлен из глины бежево-желтого цвета, корпус неравномерно покрыт ангобом красно-коричневого цвета, очень плотным внутри и плохо сохранившимся снаружи. Форма бокала на полой неустойчивой ножке тяготеет к сосудам, датированным I—III вв. н. э.²³ Не опровергает этой даты и найденный в комплексе приземистый сосуд с сильно отогнутым венчиком²⁴.

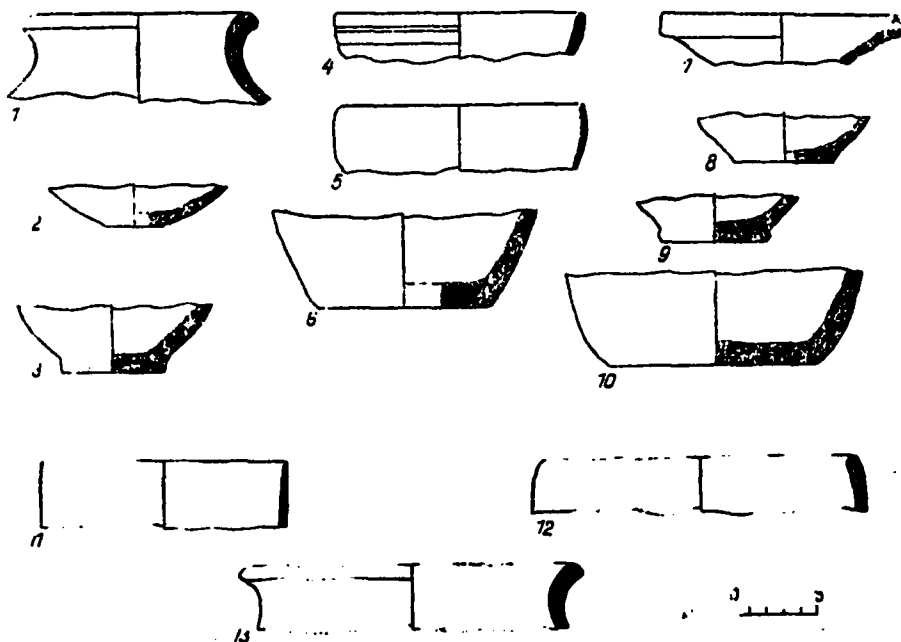

Рис. 3. Керамика из-под пола 2 раскопа 6 городища Афрасиаб (1—10 — из слоев запустения, 11—13 — из слоев обживания).

Комплекс же материала из слоев забутовки, расположенных над уровнем ямы, представлен археологически целой формой бокала из глины желтого цвета, покрытого неравномерно наложенным ангобом темно-коричневых оттенков. По сравнению с первым бокалом он несколько приземист. Ножка вытянута и неустойчива, с перехватом у основания, полая внутри (рис. 2, 1). В целом датировка кубков подобной формы укладывается в пределах II—III вв. н. э.²⁵

На время строительства помещения над полами указывает комплекс материала, собранного с уровня пола. Несмотря на фрагментарность, восстанавливается ряд керамических форм, как кувшины, котлы, горшки. Изготовлены они из плотного теста с примесью извести, покрыты непрочным отслаивающимся ангобом темно-коричневых оттенков. Крупные сосуды типа горшков украшены прочерченными волнообразными полосами, с сохранившимися местами красно-коричневым ангобом²⁶. Встреченная в комплексе ножка кубка с перехватом у основания, полая внутри, совершенно идентична по форме ножке кубка, извлеченного из забутовки под по-

²¹ Шишкина Г. В. Северные ворота... С. 99. Рис. 21. Стена № 1.

²² Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб//СА. 1969. № 1. С. 190—191.

²³ Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм//СА. 1964. № 3. Рис. 4, 7. С. 86; Е го же. Изучение стратиграфии... С. 3, 29.

²⁴ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии... Рис. 3, 36.

²⁵ Там же. Рис. 3, 28.

²⁶ Там же. Рис. 3, 37.

лом и описанного выше. Слои, содержащие подобную керамику, хорошо изучены на Афрасиабе, и дата I—III вв. н. э. не вызывает сомнения²⁷.

Таким образом, устанавливается верхний хронологический предел (I в. н. э.), который определяет относительно нетронутый слой под полами с наиболее древним материалом, интересующим нас в данном случае. Комплекс материала представлен фрагментами глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге. В изломе она имеет мелкопористый черепок бежевого цвета. Большинство посуды покрыто ангобом красных и красно-розовых оттенков. Почти вся посуда отмечается хорошей техникой изготовления. Фрагмент кувшина имеет относительно профилированный венчик и короткую горловину с крутым переходом к тулову (рис. 3, 1). Из небольших сосудов интересны фрагменты мисок, иногда украшенные по тулову желобком (рис. 3, 4). Днища сосудов как крупных, так и мелких форм плоские, встречаются с выделенным поддоном и круто поставленной нижней частью корпуса. Одно из днищ на нижней поверхности имеет срез, произведенный ножом при вращении круга (рис. 3, 2). Наиболее характерной формой, обладающей датирующими признаками, является фрагмент сосуда типа так называемых «рыбных блюд». Сформован он из глины серого цвета, имеет оттянутый вниз край венчика манжетовидного типа. Подобные формы известны по всему эллинистическому миру²⁸; нередко такие находки и в слоях Афрасиаба, датированных III—II вв. до н. э.²⁹

Таким образом, интенсивность обживания участка, фиксируемая по керамическим комплексам, предполагает наличие жилого квартала, возможно, связанного со стеной. Более точный ответ мы надеемся получить в очередном полевом сезоне, расширив раскопную площадь к западу до воссоединения ее с участком оборонительных сооружений.

П. Бернар, М. Исамиддинов, Л. Соколовская

²⁷ Там же. Рис. 3, 28, 37.

²⁸ Vanderpool J. R. Mc Credie. A Steinberg Koroni: A Ptolemais. *Canep on the East of Attica «Hesperia»*. XXXI. 1. 1962. P. 40. F. 8, 18; Schumberger D. et Bernard P. *Ai Khanoum//BSH. LXXXIX*. 1965. II. Athenes—Paris. P. 607, 608. F. 6, 1—3; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. *Еркурган*. Ташкент, 1984. С. 63.

²⁹ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии... С. 188—190. Рис. 3, 13; Шишкина Г. В. *Эллинистическая керамика Афрасиаба//СА*. 1975. № 2. Рис. 3, 9—10.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ В 1989 ГОДУ

Одним из объектов исследований советско-французской экспедиции на городище Афрасиаб в полевом сезоне 1989 г. стал участок (площадью около 250 м²) на территории соборной мечети средневекового Самарканда. Раскоп произведен у северной ограды двора домонгольской мечети, окруженного тройным рядом массивных устоев былой колоннады, близ северо-западного угла аббасидской мечети. В 1962 г. археологом Я. К. Крикисом здесь был заложен стратиграфический шурф и вскрыт участок стены с остатками настенной росписи.

Основной задачей первого сезона работ на этом раскопе было исследование культурных слоев, предшествовавших постройке первоначальной, квадратной в плане, мечети. Надо было также выяснить архитектурный контекст обнаруженных здесь в 1962 г. настенных росписей¹.

Росписи, закрепленные и законсервированные в год их обнаружения, хорошо сохранились и, как оказалось, принадлежали неглубокой нише (шириной 0,97 м), расположенной в северо-западном углу квадратного в плане (5,50×5,50 м) зала с суфами по периметру стен. Мотив росписи ниши состоит из круговых орнаментов ярко-красного цвета, окруженных сетью то расходящихся, то вновь собирающихся в пучки растительных побегов. Вполне возможно, что здесь, как и предполагал Я. К. Крикис, изображены стебли гранатового дерева с плодами. Растительная композиция была увенчана рядом зубчатых мерлонов.

Удалось установить, что под слоем описанных выше росписей находился первоначальный слой глиняной штукатурки, также украшенной живописью. Сохранились лишь фрагменты с изображением полупальмет, увенчанных волнистым орнаментом.

¹ О некоторых результатах археологического изучения самой мечети см.: Буряков Ю. Ф., Садиев М., Федоров М. Н. *Соборная мечеть Самарканда в XI—начале XIII вв.//Афрасиаб*. Вып. 4. Ташкент, 1975; Филанович М. И. Резное дерево из раскопа в северной части Афрасиаба//Там же. В результате исследований, проводившихся на территории мечети в начале 80-х годов в южной части ее археологом И. Д. Иваницким, несколько корректируется и удревняется строительная периодизация мечети (личное сообщение).

Живописное оформление, видимо, имелось на всех стенах зала. Судя по незначительным фрагментам, сохранившимся местами в основании стен, мотив орнаментации состоял из растительных побегов и геометрических фигур. Более крупные фрагменты штукатурки с настенной росписью удалось расчистить в завале помещения, над полом. На одном из них, найденном напротив прохода в зал, у северной стены, читаются остатки живописной композиции с изображением (в 2/3 натуральной величины) руки с открытой ладонью, выходящей из складок рукава, и частью предмета, который можно интерпретировать как лук либо как изображение детали одежды (пояс).

Суфа вдоль северной стены зала достигала ширины 1,40 м, а остальные — 0,80—1,15 м. Проход в южной стене соединял зал с узким коленчатым коридором, стены которого также были украшены настенной росписью. Мотив росписей коридора весьма своеобразен и еще не встречался в согдийской настенной живописи. Роспись выполнена черной краской по белому фону; кроме этих двух цветов, палитра включала несколько оттенков красного и розовый цвет. В росписях зала, расчищенных в завале, присутствует и голубой цвет². Суфа в зале, кроме глиняной обмазки, была покрыта еще слоем побелки, сохранившейся местами на боковых гранях. Поверх завалов с фрагментами штукатурки в зале зафиксирован уровень повторного обживания с горелыми пятнами на полу и остатками небольших горнов, связанных с металлообработкой. Бывший парадный зал использовался, как видим, в качестве производственного помещения.

К северу от зала находилась небольшая комната с балочным межэтажным перекрытием. У южной, покрытой слоем копоти, стены расчищено несколько разновременных очагов. Помещение это, судя по всему, было хозяйственным. Слой обживания и запустения перекрываются слоем завала перекрытия и наслоений пола помещения второго этажа со значительным включением керамики. Выше завал состоит из кирпичей свода.

В восточной части площадки раскопки были доведены до уровня, синхронного времени повторного использования зала. Следует отметить, что с севера раскоп ограничен глубокими зондажами, проводившимися в середине 70-х годов для исследования устоев колоннады мечети и нарушившими культурные наслоения на значительную глубину. Древний котлован или раскоп начального периода исследований на Афрасиабе, глубиной свыше 3,0 м, примыкает к нашему раскопу с южной стороны. К востоку от зала раскопан участок полотна древней улицы и фасада дома с глубокой нишей входного айвана. Вестибюль дома имел в юго-восточном углу пандусный подъем на второй этаж. К югу располагалось хозяйственное помещение с двумя тандырами. На полу здесь найден разбитый жернов ручной мельницы. Раскопанные остатки архитектуры практически, с небольшим отклонением по оси с.-в.—ю.-з., ориентированы по сторонам света. Керамический материал позволяет датировать последовательные периоды обживания исследуемых нами строений богатого жилого квартала в пределах VI—начала VIII в.

Ко времени после арабского завоевания Самарканда (712 г.), когда бывший парадный зал оказался полностью погребенным под слоями завалов, относится раскопанная здесь подземная комната типа широко известных на Афрасиабе «чилля-хона». В отличие от последних, наша — квадратная в плане, размерами сторон 1,70—1,75 м. Комната имела узкий ступенчатый подъем с восточной стороны и две неглубокие ниши в стенах. На полу, в углах по сторонам прохода, лежали квадратные жженые кирпичи. Северный, крупный (45×38×5,5 см) имеет клеймо типа ixšid. Землянка на высоту 0,9 м от пола заполнена сырцовыми кирпичами обрушившегося купольного перекрытия. Непосредственно над полом залегают прослойки периода функционирования подземной комнатки. Это неплотно слежавшийся гумусированный грунт с включением золы и мелких костей. Керамический материал характерен для первой половины VIII в. (кружки со слюдяной посыпкой — имитация серебряной посуды). Здесь же найдены набор астрагалов для игры и керамическая погремушка.

Керамический комплекс с пола и дата ante quem сырцового сооружения, встроенного в лестничный проход землянки после заброса последней, отвергают традиционный тезис об использовании подземных помещений в качестве «чилля-хона», где соблюдали пост суфии. Интерпретация подземных помещений как домашних кладовых, предложенная недавно³, более вероятна, но нельзя исключить и использование их в качестве жилья или временного убежища жителей Самарканда, которые после сдачи города арабам и размещения в нем многочисленного гарнизона лишились крова и, вопреки договору 712 г.⁴, не имели права строить дома.

Наиболее интересным открытием этого сезона можно считать небольшое подземное сооружение из сырцового кирпича (46—48×24—26×7—9 см), обнаруженное

² Расчистка, закрепление и снятие живописи были осуществлены реставраторами Института археологии АН УзССР Ж. В. Сукасян и Г. А. Пулатовой.

³ Лебедева Т. И. О самаркандских тахона//ИМКУ. 20. Ташкент, 1986. С. 136—146.

⁴ См.: Смирнова О. И. К истории самаркандского договора 712 года//КСИВАН. Т. 38. 1960. С. 62—80; Ее же. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 203—213.

при расчистке лестничного прохода в землянку. К моменту его строительства подземное помещение, лишившись перекрытия, наполовину было заполнено сырцовым завалом и бытовыми отходами. В гумусной прослойке, перекрывающей сырцовый завал, найдены две медные монеты: ал-Аш'ас б. Ях'я (Самарканд, 144/761—762 г.) и бухарского чекана (148/765—766 г.)⁵.

Сооружение имеет крестовидное в плане основание (3×2 м), сохранившееся на высоту до 1,10 м; верхняя часть почти полностью уничтожена при рытье котлована под устой колонны мечети в 1210 г. Наиболее вытянутая, западная часть сооружения, видимо, была перекрыта сводом, который смыкался с ложным куполом, покоившимся на трех арках (высота каждой арки—63 см, ширина—42—50 см). Кладка купола сохранилась на высоту пяти рядов сырцовых кирпичей.

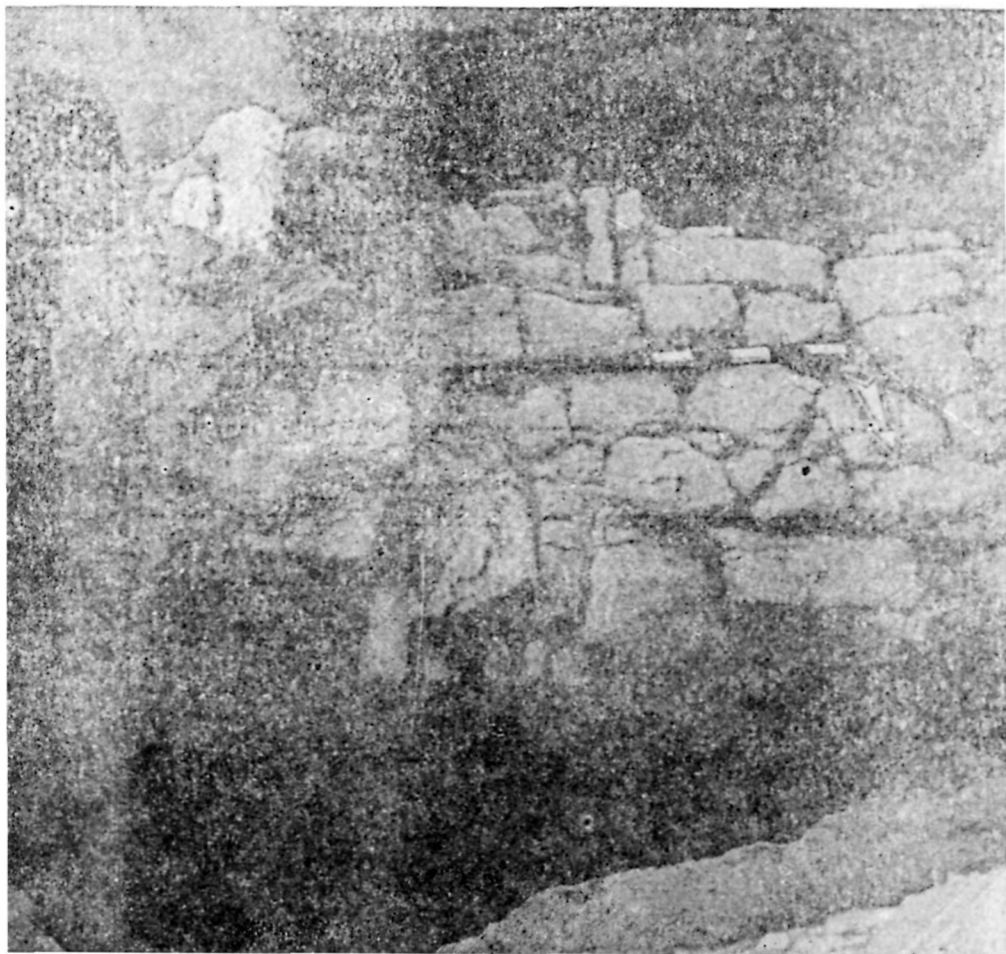

Рис. 1. Погребальное сооружение на территории соборной мечети городища Афрасиаб.

Внутренние размеры обнаруженного строения, аналоги его с доисламскими наусами, а также с более поздними исламскими мавзолеями позволяют нам интерпретировать его как погребальное сооружение, хотя следов погребения обнаружить не удалось. Пространство же, предназначенное для погребения, оказалось полностью и довольно тщательно забутованным кирпичами разного формата и кирпичным ломом (потрудились даже подпереть длинным плоским камнем восточную арку). Закладка была произведена задолго до 1210 г. (ибо котлован под устой колонны мечети прорезал также забутовку) и связана, возможно, с вынужденным переносом погребения во время расширения первоначальной мечети. Как бы то ни было, арки в основании восточной части сооружения не играли практической роли и находились под землей, но были воспроизведены, следуя традиции местной погребальной архитектуры.

⁵ Определение Х. Г. Ахунбаева.

Открытое строение являет собой кальку с доисламских наусов, но предназначено было для погребения тела, а не очищенных костей и соответствует требуемой скромности надгробных сооружений в первые века ислама. Ориентация погребальной камеры соответствует оси восток-запад, тогда как на средневековом кладбище (не ранее X в.)⁶ в северной части Афрасиаба ориентация с.-з.—ю.-в. Исследователи некрополя Миздахкана (Хорезм) отмечают, что ориентация ранних исламских могил (между 2-й половиной VIII в. и X в.) преимущественно западная, некоторое отклонение к северо-западу наблюдается в более поздних погребениях⁷.

Кто же был похоронен здесь? Возможно, мусульманский святой, если предположить, что главная городская мечеть находилась в этой зоне. Ясно одно, что могила его не смогла стать местом длительного культа, в отличие от могилы Кусам ибн Аббаса, относящейся к той же эпохе⁸. Как бы то ни было, открытое нами сооружение начала эпохи Аббасидов может считаться самым ранним датированным памятником исламской погребальной культуры. Он являет собой промежуточное звено, которого до сих пор не доставало, между зороастрийскими наусами и купольными мавзолеями, известными в Хорасане и Мавераннахре с конца IX в. Два типа мавзолеев: с четырьмя арками (мавзолей Саманидов) и с тремя внутренними нишами (типа Киз-Биби возле Мерва)⁹, возможно, имеют единый прототип, известный теперь на Афрасиабе.

Результаты первого сезона работ советско-французской экспедиции на Афрасиабе не подтвердили пока существование здесь доисламского храма, упоминаемого в «Кандии» местного историка ал-Идриси (XI в.), поисками которого под остатками средневековой мечети занимались ее первые исследователи. Отметим, однако, существование массивной паховой стены (шириной 3,0 м) к западу от зала с росписями, обнаруженной еще Я. К. Криксом и прослеживаемой вплоть до северной границы мечети. Вопрос о местонахождении первоначальной мечети остается актуальным. Во всяком случае, сомнительно, что в эпоху существования раскопанного погребального сооружения ее площадь достигала этой территории.

Х. Ахунбабаев, Ф. Гренз

⁶ Брусенко Л. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. 4.

⁷ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. Ср.: могилы типа А—III (рис. 22) и более поздние, типа А—II и А—I (рис. 17—18, 20—21).

⁸ О вероятной связи появления культа Кусамы с политической пропагандой Аббасидов см.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия// Соч. Т. I. М., 1963. С. 142; заключения J. M. Rogers, A. Yasin в кн.: Iran. 15, 1977. P. 55, 59.

⁹ О недавнем обсуждении вопроса см.: Литвинский Б. А. Среднеазиатский центральный мавзолей: Проблема генезиса//Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 65—70.

«ДОИРА СТОЛИ» АТРОФИДАГИ СУҲБАТЛАР

МАДАНИЙ МЕРОСИ ВА ТАРИХИЙ-ФАЛСАФИЙ ТАДҚИҚОТ МУАММОЛАРИНИ УРГАНИШ МАСАЛАЛАРИНИ МУҲОҚАМАСИ*

ЎзССР ФА нинг мухбир аъзоси, фалсафа фанлари доктори, Тошкент Давлат дорилфунуни — М. Б. Баратов. Шарқ халқларининг ижтимоий-фалсафий тафаккури тарихини чуқур ва ҳар томонлама тадқиқ қилиш ва бу фандан олий ўқув юртлари талабаларига дарс бериш долзарб вазифалардан бири бўлиб қолмоқда. Жумҳуриятимизнинг олий ўқув юртларида, хусусан олий педагогика ўқув юртларида, дорилфунунларда бу фани кенг миқёсда ўқитиш уларда умумжаҳон маданий меросимизни ҳар томонлама ўзлаштиришга ёрдам беради, талабаларнинг дунёқарашини кенгайтиради, таълимнинг инсонпарварлик қўламини янада ривожлантиради.

Шунинг учун, менинг фикримча, жумҳуриятимиз дорилфунунларида, педагогика олий ўқув юртларида қуйидаги курслар атрофлича ўқитилиши лозим: қадимги Ҳиндистон ва қадимги Хитойда иқтисодий-фалсафий фикрлар, қадимги Юнонистон ва Румда фалсафий фикрлар, қадимги Эрон ва Урта Осиёда ижтимоий-фалсафий фикрлар; ўрта аср Шарқ ва Ғарб фалсафий фикрлари; янги давр ва энг янги давр Шарқ ижтимоий фалсафий фикри ва бошқалар. Бу даврларнинг фалсафий меросини ёритишда умумий характеристикалар, изоҳлар билан чегараланиб қолмаслик керак, балки ҳар бир фалсафий мактаб, айрим мутафаккирлар ҳақида батафсил маълумотлар, уларнинг асарларини таҳлил қилиш орқали фалсафанинг моҳиятини аниқлаш керак. (Масалан, қадимги Ҳиндистон фалсафий фикрини баён этишда «Махабхара-

* Окончание. Начало см.: ОНУ. 1990. № 5. С. 46—58.

та» ва «Рамаяна»нинг мазмунига алоҳида эътибор бериш лозим ва «Махабхарата»нинг таркибий қисми «Бхагаватгита»ни кенг таҳлил қилиш керак ва ҳ. к.).

Шарқ халқлари фалсафасини баён этишда Ислому фалсафасини ҳамда сўфизм — тасаввур ғояларини чуқур таҳлил қилиш керак. Форобий, Ибн Сино, Беруний асарларини таҳлил қилганда уларнинг умуминсоният маданиятига қўшган бойликларини — маданий меросини очиб бериш керак.

Фалсафа фанлари номзоди. Тошкент Политехника институти — Р. Н. Носиров. Ҳар бир регион, тарихий даврнинг безовта қиладиган ўзига хос фалсафий муаммолари бўлиши табиий. Урта Осиёнинг ўрта асрлар даврига хос бўлган фалсафий муаммолардан бири воқеликни инсон томонидан билиб олиш масаласидир. Дарҳақиқат, Форобий, Беруний, Ибн Сино ва бошқа қатор буюк мутафаккирлар ва олимлар гносеологик меросида билишнинг муҳимлиги, зарурлиги, унинг бошқар ва шакллари, ақлнинг фаоллиги, мантиқнинг ўрни, кузатув, тажриба, синов каби воситаларни, ҳақиқатга эришиш усуллари ва йўллари, билим мезонини каби масалалар тарихий давр талаби ва имконияти чегарасида ҳал этилган.

Нега билиш муаммоси беҳад даражада муҳим фалсафий муаммога айланди? — деган савол қонунийдир. Бундай масалани ҳал этишда бир хил қолипда фикр юритиш тарихий конкретлиқнинг методологик талабига хилофдир. Бу борада, бир томондан ижтимоий-иқтисодий муносабатлар, маҳаллий анъаналар, билишга бўлган қадимият эҳтиёжи муҳим ўрин тутлади. Иккинчидан эса бошқа регионларда, жумладан қадимги Греция фалсафаси, гносеологик анъаналари ҳам муҳим роль ўйнаганлигини асло унутмаслик зарур.

Лекин юқорида кўрсатилган омилар ва уларнинг аҳамияти, қиммати қанчалик муҳим бўлмасин, айнан шу омилар оқибатида гносеологик фалсафанинг марказий муаммоларидан бири бўлиб қолганлигини тўла-тўқис исбот қилиб бера олмайдди. Урта асрлар даврида фалсафада мавжуд бўлган ғоявий йўналишлар, ҳукмрон дин билан боғлиқ бўлган. Шундай экан, у биринчи галда барча учун муқаддас ҳисобланган Қуръон суралари ва оятлари, ҳадислардан ҳам илҳомланган, чунки ундаги кўпгина сураларда илм билан имон масаласи бир-бири билан боғлиқ бўлган нарсалардир, деган фикр ётгандек туйилади. Лекин бундан ўша давр мутафаккирлари атенстлар бўлган-у, Қуръон ва ҳадислар ниқобиде ўз эътиқодларини ниқоблаб келганлар дейиш мутлоқ тўғри эмас. Аслида буюк мутафаккирлар аниқ даражада диний эътиқодга эга бўлганлар. Лекин уларнинг илм лаззатиға мафтун бўлишлари, олам сир-асорини билиб олишга қизиқишлари ҳамма нарсадан устун бўлиб, гносеология соҳасида ўчмас из қолдирганлиги ҳаммамизга маълум.

Афсуски, кўпгина ҳолларда мутафаккирларнинг ҳиссий ва ақлий қувватларининг келиб чиқиши ва уларнинг моҳияти тўғрисидаги фикр-мулоҳазаларини бир ёқлама қараб чиқиш, изоҳлашни ҳам учратиб тураммиз. Жараён бутун бир объект сифатида талқин этилиши ўрнига ундан ўзимизнинг мақсадимиз, бизга хос бўлган эътиқод нуқтан назаридан келиб чиқиб, масалага ёндашилади. Натижада давримизга хос томонлари олинадиде, ўша даврнинг хусусиятлари эса назардан четда қолади. Устига-устак, давримизга нафи тегадиган ҳодисаларни тадқиқ этишгине эътиборга лойиқ деб даъво қилинадиде, гўёки ажодларимизнинг эзгу-тилакларни, орзу-умидларни, қандай фикрлаганликларни бизга бегонадек.

Бизнинг фикримизча, бундай утилитаризмдан халос бўлиш, тарихий жараённи оқ ёки қора рамзлар билан чегараламасдан, объектив тарзда талқин этиш ягона тўғри методологик талабдир. Гносеологик меросни ўрганнишда тарихий фактларни ўз майлимизга бўйсундириш воқеликни сохталаштиришдан бошқа нарса эмас.

Урта асрлардаги олим ва мутафаккирларнинг кузатув ва тажриба соҳасида эришган ютуқлари бениҳоя даражада муҳим. Бу ютуқлар кўпгина ҳолларда фанда янги соҳаларга асос солди, мавжуд соҳаларни эса бойитди. Бундай ютуқларни аниқ даражада ҳозирги замон фани эришган ютуқлар билан таққослаш мумкин. Лекин ҳеч вақт мақсад турли даврларда қўлга киритилган ютуқларни бугунги кун билан қиёслаш зарурдир, деган хулосани билдирмайдиде. Агар ўрта асрларда яшаган ва ижод этган олим ва мутафаккирларнинг ютуқлари ҳозирги замон фани талабларига жавоб бергандагина қадри ва ўрганишга лойиқ деб тушунадиган бўлсак, кўпгина маънавий қадриятларимиз соҳиблари фалсафий, жумладан гносеологик қарашларидан баҳраманд бўлишдан маҳрум бўлиши ҳеч гап эмас. Бундан ташқари ҳозирги билимлар азалдан аниқ бўлса, ҳозирги давр фанининг қандай зарурияти бор? Ҳар ҳолда аста-секин билим даражаси янада аниқланиб бориши билан бир қаторда билиш воситалари, фикрлаш тадбирлари, инсон ақл-заковатининг ҳам мукамаллашиб борганини ҳам тадқиқ этиш муҳим-ку, ахир!

Ҳар қандай параллеллар, таққослашлар нисбий эканлигини асло унутмаслик зарур. Беруний-Дарвин, Форобий-Спиноза, Ғаззолий-Юм каби қиёслашлар баъзан ўзини оқласа-де, доимо ҳам реал мазмун касб эта бермайдиде. Аслида муайян тарихий даврда олим ва мутафаккирлар томонидан эришилган илмий ютуқларни улардан олдин ўтган фан аҳллари қўлга киритган ютуқлар билан таққослаш тўғрироқдир.

Аmmo шундай ҳам бўладики, фан соҳасида аввалги ва кейинги давр авлодлари яратган мерос баъзан бир-биридан фарқ қилмаслиги ҳам мумкин. Масалан, IX—XII асрларда гносеология соҳасида яратилган хазина кейинги тарихий даврларда катта ютуқлар билан бойитилди, дея олмаммиз. Бундай вазиятда масалаларга кон-

крет тарзда ёндашмиш тадқиқотчининг ҳанузгача учраб турадиган нуқсонлардан муҳофаз қилишга қодирдир. Янги авлодлар олдида янги муаммолар, мақсадлар пайдо бўлади. Ҳар бир давр авлодлари ўз истак-хоҳиши, ҳаётий программаси, умиди билан яшайди.

Сўнгги вақтда мутафаккирлар томонидан олдинга сурилган инсоннинг ички сезги қуввати, интуцияси кабилар тўғрисидаги муаммоларни чуқур ва холис ўрганиб чиқиш зарурияти сезилиб турибди. Бундан ташқари Форобий, Абу Райҳон Беруний ва Ибн Сино кабилар тилга олган билим ва ахлоқ бирлиги муаммоси Алишер Навоий, Девоний, Аҳмад Доиш, Муқимий, Фурқат ва бошқалар томонидан ривожлантирилди. Лекин бу муаммонинг асл моҳияти ҳанузгача очиб берилганича йўқ.

Гносеологик меросимизга тарихий конкретлилик нуқтан назаридан туриб муносабатда бўлиш давримиз талабидир. Унга содиқ қолиш ҳар бир файласуф — тадқиқотчининг шарафли мақсади бўлмоғи лозим.

Фалсафа фанлари номзоди Тошкент Олий Партия мактаби — М. Қодиров. Фалсафий меросимиз ниҳоятда ранг-баранг. Юқорида кўрсатиб ўтилганидек, у умум-фалсафий масалалар этика, эстетика, ижтимоий-диний муаммолар, сўфизм кабиларга оид материалларга ниҳоятда бой. Шунинг учун уни ҳар томонлама, чуқур ўрганиш бу соҳадаги илмий тадқиқотларни янада ривожлантиришни талаб этади. Бу ерда мен Ўрта Осиёда фалсафий билимнинг муҳим соҳаси бўлган логика — мантиқ тарихи ҳақида фикр юритмоқчиман.

Мантиқ, мантиқий фикрлашнинг қонун-қоидалари ҳақидаги масалалар Ўрта Осиё мутафаккирлари томонидан ўша илк ўрта аср давридан бошлаб кенг муҳокама қилиб келинди. Мантиқ тарихига оид материалнинг кўпчилиги бизда ҳақиқий фалсафий тафаккур, унинг усуллари восита ва йўл-йўриқларининг юқори даражада ривожидан далолат беради. VIII—XI асрларда Абу Аббос Хоразмий, айниқса Форобий, Ибн Синолар мантиқ илмига оид қатор асарлар ёздилар. Сўнгра феодализмнинг ривожланган даврида XIV—XV асрларда Самарқанда Улуғбек раҳбарлигидаги илмий мактабда, мадрасаларда математик, астроном, тарихчи олимлар билан бирга Журжоний, Тафтазоний каби мантиқшунос олимлар ҳам ижод этиб, мантиққа оид ўз асарларини яратдилар. Сўнгги асрларда мантиқ илми асосан мадрасаларда ўқитилди. Илк ўрта асрда мантиқ илмининг ривожини қадимги Юнон фалсафасининг ютуқларини ўзлаштириш асосида вужудга келди. Айниқса машҳур Юнон файласуфи Аристотелнинг мантиққа оид асарлари (улар IX асрларда Бағдодда араб тилига таржима этилди) бу соҳада муҳим аҳамиятга эга бўлди ва асосий роль ўйнади.

Тарих фанлари доктори, ЎзССР ФА Шарқшунослик институти — А. Аҳмедов. Фалсафий фикрлар тарихи фан, табиий илмий фикрлар тарихи билан узвий боғлиқ. Бу айниқса ўрта аср шароитида яққол намоён бўлади.

Фалсафий фикрлар бевосита табиатни, табиий ҳодисаларни ўрганиш жараёнида ривожлана боради. Айниқса илк ўрта аср шароитида яқин ва Ўрта шарқ, жумладан Ўрта Осиёда турли аниқ фанларга оид билимлар тез ривож топди. Бу жиҳатдан айниқса математика, астрономия, тиббиёт, дориворшunosлик, жугрофия каби илмлар ўз даври учун муҳим ютуқларни қўлга киритди. Ўрта осийлик олимларнинг бу соҳада эришган ютуқлари ўрта аср илмий-фалсафий фикрининг ривожини учун катта ҳисса қўшди.

Фан тарихидан маълумки, араб халифалигининг пойтахти Умвий халифалар даврида (661—750) Дамашқда эди. 762 йили Аббосий Халифа ал-Мансур (754—775) томонидан Бағдод барпо этилганидан сўнг пойтахт шу шаҳарга кўчирилади. Ал-Мансурдан бошлаб халифалар ўз атрофларига аниқ фан мутахассисларини, таржимонларини тўплайдилар. Бундай ишлар халифа ал-Маъмун (813—833) даврида «Байтул ҳикмат» деб аталган илмий муассасага бирлаштирилиб, кенг қўламда олиб борилди. Ал-Маъмун 806—813 йиллари Марвада халифанинг ноиб ва 813—819 йиллари шу шаҳарда халифа бўлиб турганида ўз атрофига Мовароуннаҳр ва Хуросоннинг турли шаҳар ва масканларидан истеъдодли ёшларни, олимларни тўплайди ва 819 йили уларни Бағдодга олиб кетади. Бу олимлар орасида Муҳаммад ал-Хоразмий, Аҳмад ал-Фаргоний, Ибн Турк ал-Хутталлий, Аҳмад ал-Марвоний, Яҳё ибни Абу Мансур, Халид ал-Марваррудий, Санад ибни Али каби қатор атоқли олимлар бор эди. Шуниси қизиқки, немис фан тарихчиси Ҳ. Зутер шу асрнинг бошида IX—X асрларда Бағдодда ишланган олимларнинг рўйхатини тузиб, шуни қайд қилган эдики, бу олимларнинг сони 500 дан ортиқ бўлиб, уларнинг ярмидан кўпи Ўрта Осиё ва Хуросондан бўлган, булар орасида эса Хоразм ва фарғоналиклар кўпчиликни ташкил қилган.

Булар орасида илмга энг салмоқли ҳиссани ал-Хоразмий қўшган. У «Ал-китоб ал-мухтасар фи ҳисоб ал-жабр вал-муқобала» асарида биринчи марта алгебра фанининг пойдеворини ясаб, унга ном берди. «Ҳинд ҳисоби ҳақида» номи асарида фан тарихида биринчи марта илмий асосда ўнлик ҳисоблаш усулини яратди ва ҳозирги кунда бутун инсоният фойдаланадиган тўққиз рақам ва ноль белгисини муомалага киритди; ҳар қандай ҳисоблаш жараёни унинг номи билан «алгоритм» («ал-Хоразмий») деб аталади; у ўрта асрларда мусулмон мамлакатларида биринчи бўлиб кенг қўламда воқеаларни акс эттирадиган тарихий асар ёзиш усулига асос солди; у халифаликда биринчи бўлиб араб тилида географик асар яратди ва бу соҳадаги анъанага асос солди; ундан ташқари ал-Хоразмий ўлчачи асбоблар яратди. Унинг

илмий асарлари XI—XII асрларда Европада ўрганилиб, латин тилига таржима қилинди ва шу тариқа Европа фани ва маданиятининг ривожланишига муҳим ҳисса қўшди.

Аҳмад ал-Марвзий, ал-Фаргоний, Ибни Турк ал-Хутталлий, Халид ал-Марварудий ва уларга замондош бўлган бошқа ўрта осийлик олимлар ҳам фаннинг турли соҳаларида муҳим ҳисса қўшдилар. Илк ўрта аср даврида арифметика, алгебра, геометрия, астрономия, жугрофия, геодезия ва усканашунослик каби фан ва санъат соҳаларининг юзага келиши ва ривожланишининг ўрта осийлик олимларсиз тасаввур қилиб бўлмайди. Бу ҳақиқат фан тарихи мутахассислари томонидан тан олинган.

Энди бир оғиз сўз Улуғбек ҳақида. Улуғбек XV аср бошларида Самарқанд, Бухоро ва Ғиждувон шаҳарларида мадрасалар қурдирди. Самарқандда эса мадрасадан ташқари расадхона ҳам барпо этди ва бу ерда ўзи бошчилигида олимларни тўплаб, астрономия ва математика соҳасида тадқиқотлар олиб боради. Натижада у ўз «Зиж»ини (жадвал) яратди. Улуғбек ва у яратган Самарқанддаги илмий мактабнинг фаолияти фан тарихида ниҳоятда чуқур из қолдирди. Хусусан Улуғбек «Зиж» ўрта асрлар давридаги энг мукамал ва энг астрономик асар эди. Бу асардаги юлдузлар жадвали, ундан кейинги ёзилган деярли барча зижларга киритилган. Европада эса бу жадваллар, телескоп ихтиро этилган бўлишига қарамай, XVII асрда то XX аср бошларигача бир неча бор чоп этилиб, амалда фойдаланилган.

Фалсафа фанлари доктори, Беруний мукофоти лауреати, ЎзССР ФА Фалсафа ва ҳуқуқ институти — А. Ф. Файзуллаев. Фалсафий илмий фикрларнинг ривожида, воқеликни акс эттиришдаги аҳамият ва акс таъсир кучининг ошиб боришида аниқ билимлардан математика, астрономия, улар билан боғлиқ бўлган соҳаларнинг роли шубҳасиз муҳим. Ўрта Осиёда бу билимларнинг ривожи ҳақида юқорида айтилди. Бунга қўшимча сифатида яна шунини қайд қилиш мумкин. Ҳозирги замон илмий-техника революциясининг асосий тушунчаларидан бири ҳисобланадиган кибернетика, информатика ва бошқариш илмининг замин тушунчаси бўлган «алгоритм», ал-Хоразмийнинг лотинча талаффузи этилишидир. Терминнинг этимологик келиб чиқишидан ташқари мазмунан ҳам шундай: алгоритм қондасининг биринчи муаллифи ал-Хоразмий.

Математикани ал-Хоразмийнинг бошқа замондошлари ҳам ўзларининг кашфиётлари билан бойитдилар. Чунончи, тригонометрик функциялар назариясини Аҳмад Марвзийсиз тасаввур қилиб бўлмайди. «Улуғ Ферма теоремаси»нинг замин мулоҳазаларини Ҳамид Хўжандий яратган. Абу Наср Мансур куб тенгламаларни ечиш йўлларини, Ҳасан Насавий куб илдиждан чиқариш усулини кашф этганлар.

Ҳозирги замон космонавтикасининг тарихий замининда қонiotни ўрганиш илми ётади. Бу соҳада ал-Хоразмий замондоши Аҳмад ал-Фаргонийнинг «Астрономия асослари» номли рисоласи жаҳонда Коперниккача яшаган астрономларнинг асосий илмий ва ўқув қўлланмаси бўлиб хизмат қилиб қелди. Европада ал-Фаргоний «Ал-фраганус» номи билан машҳур. XV асрда асосий астрономик расадхонаи Улуғбек Самарқандда яратди. Самовий жисмлар ҳаракати кузатилиб борилди. Кузатишдан назарияга ўтилди. Шу тарзда Ой ҳаракатининг назарияси бунёд этилди. Улуғбек, Қозизода Румий, Ғиёсиддин Қоший ва Али Қушчилар бир комплекс илмий мактабни яратдилар.

Математика ва астрономия узвий боғланиб кетди. Беруний ўзи кашф этган сферик тригонометрия асосида геодезия илмига асос солди. Ал-Хоразмий, ал-Фаргоний ва Улуғбек самовий жисмлар ҳаракатини кузатиб, у жисмларнинг келгусидаги ҳолатларини, чунончи Қуёш ва Ой тутилишларини олдиндан айтиб бериш имкониятларини барпо этдилар. Бу қонуният жадваллар кўринишида инъикос этилди. Айлананинг диаметрига нисбатини ниҳоятда нозик қийматлар билан ўлчанди, ислаган тригонометрик функциянинг қийматини бир градуснинг синуси орқали итерацион йўл билан аниқлаш, куб тенгламаларни ечиш усуллари Улуғбек — Қоший ижодларининг маҳсулидир.

Фармакогнозия, ўсимликлардан табиий доривор тайёрлаш, инсоннинг набототга муҳтожлиги соҳалари, табиий модда алмашиниш сирларини очиш Беруний эсиммасига тушди. Экологик муаммо сирларидан бири шундадир.

Ўрта осийлик буюк олимлар ўз замонасидаги кашфиётлари, илмий ғоялари билан одамларга ҳануз хизмат қилиб келмоқда.

ЎзССР Фанлар академиясининг муҳбир аъзоси, Беруний мукофоти лауреати, ЎзССР ФА Шарқшунослик институти — У. И. Қаримов. Фалсафий таълимотлар ривожида табиий илмий фикрлар, хусусан табобат илми — инсон физиологияси, унинг руҳий-психик ҳолати ҳақидаги билимларнинг роли муҳимдир. У айниқса борлиқ муҳитни билиш-ўрганиш муҳитда фаол ҳаракат қилиш уни ўзлаштириш йўллари ҳақидаги тасаввурни ниҳоятда бойитади.

Ўрта Осиё халқлари бошқа Шарқ халқлари билан бир қаторда табобат фанининг тараққиётига катта улуш қўшганлар. Бизда бу фаннинг энг тараққий этган даври X—XI асрларга, яъни Ибн Сино (980—1037) даврига тўғри келади. Албатта, Ибн Сино каби буюк олимнинг вужудга келиши тасодифий бир ҳодиса бўлмай, балки кўп вақтлардан бери давом этиб келаётган маҳаллий илмий анъананинг маҳсули эди. Агар биз тарихимизга назар ташласак, IX—XII асрларда Ўрта Осиёда ўнлаб йирик табибларнинг яшаб ижод этганлигини кўраемиз.

Фикримизнинг далили учун улардан баъзиларининг, шунда ҳам илмий асарларни бизгача етиб келганларининг номини келтирамиз. Марв шаҳрида 808-йилда туғилиб ўсган буюк табиб Али ибн Раббон ат-Табарийнинг «Фирдавс ал-ҳикма» («Ҳикмат боғи») номли асарини келтириш мумкин. Бу — асар ўрта асрларда Шарқда яратилган дастлабки оригинал асарлардан бири бўлиб, унда инсон саломатлигини сақлаш ва унинг касалликларини даволашга оид маълумотлар тўла ёритилган.

Ибн Синодан олдин ўтган энг машҳур табиб ва кимёгар Абу Бакр ар-Розий (805—925) Эронда туғилиб ўсган бўлса ҳам, ўз илмий фаолиятида Ўрта Осиё илмий доиралари билан яқиндан алоқада бўлган. Унинг табобатга оид ўнлаб асарлари бизгача етиб келган ва уларнинг кўпи ўз тадқиқотчиларини кутиб ётибди.

Фан тарихида биринчи бўлиб қомус яратган хоразмлик Абу Абдуллоҳ ал-Хоразмий бошқа фанлар қатори табобат фанининг ҳам истилоҳларини ишлаб чиқишга катта ҳисса қўшган. X асрнинг иккинчи ярмида Бухорода туғилиб ўсган табиб Абу Бакр Рабиъ ал-Бухорий табобат тарихида биринчилардан бўлиб, форс тилида йирик асар яратди. «Табобатни ўрғанувчилар учун қўлланма» деб аталган бу китобнинг асл матни нашр этилган бўлса ҳам, у ҳали бирон бошқа тилга таржима қилинган эмас. Шу даврда Бухорода яшаб ижод этган бошқа бир машҳур табиб Абу Мансур ал-Қумрийнинг табобат тарихидаги хизматларидан бири шунки, у ёш Ибн Синога табобатдан дарс берган. Унинг араб тилида ёзилган иккита асари бизгача етиб келган; уларни ўрганиш Эрта Осиёда табобат тарихининг кўп жиҳатларини ёритишда катта аҳамият касб этади, жумладан Ибн Сино давридаги тиббий истилоҳларни ўрганишга катта ёрдам беради.

X асрнинг охири ва XI асрнинг бошларида Хоразмда яшаб ижод этган Абу Саҳл ал-Масъудий ҳам Ибн Синонинг табобат соҳасидаги устозларидан бири ҳисобланади. Унинг бизгача етиб келган «Тиб санъатига бағишланган юз бобли китоб» асари ҳам қўлёзма ҳолида ўз тадқиқотчиларини кутиб ётибди.

Тиб илмининг муҳим қисмларидан ҳисобланган доришунослик соҳасида ҳам ўрта осиблик олимлар самарали ижод этганлар. Буюк Абу Райҳон Берунийнинг «Сайдана» номли асари ўша давр доришунослиги ва ботаникаси тўғрисида энг тўлиқ маълумот берувчи манба ҳисобланади, у 1973 йилда рус тилида нашр этилди, ҳозир эса унинг ўзбекча таржимаси тайёрланмоқда.

ЎзССР ФА Шарқшунослик институти Ибн Синонинг «Тиб қонунларини» дунёда биринчи марта арабчадан ўзбек ва рус тилларига таржима қилиб 1954—61 йиллар мобайнида олти жиҳлда нашр этди. Бундан ташқари олимнинг яна тибга оид бошқа 14 рисоласи ҳам ўзбек тилига таржима қилиниб алоҳида китоб ҳолида чоп этилди. Шундан кейин табобат тарихига бўлган қизиқиш ортди ва турли ихтисосдаги медалларнинг бу соҳадаги китоб ва мақолалари юзага келди.

Тиб илмининг кейинги даврдаги тараққиёти кўп жиҳатдан Ибн Сино «Қонун»нинг таъсири остида бўлган бўлсада, бироқ Ўрта Осиё, Эрон, Афғонистон, Ҳиндистон, Туркия ва араб мамлакатларида етишиб чиққан кўплаб йирик олимларнинг бизгача етиб келган асарларини ўрганиш ва нашр этиш табобат фани тарихининг ҳали деярли ўрганилмаган даврларини ёритишда катта аҳамиятга моликдир.

Ибн Синодан кейин Ўрта Осиёда етишиб чиққан табиблардан айримларининг номларини эслатиб ўтамиз. Оҳангарон дарёси vodiysida жойлашган Илоқ вилоятидан чиққан атоқли табиб Шавобиддин ал-Илоқий Ибн Синонинг шогирдларидан бири ҳисобланади. Унинг асарлари ўзидан кейинги ўтган табиблар томонидан шарҳланган ва шарқ мамлакатларида кенг тарқалган эди. Ибн Синодан кейинги ўтган табиблар ичиде энг машҳури XII асрда Хоразмда яшаган Сайид Исмоил Журжоний ҳисобланади. Унинг энг йирик асари «Зихирани Хоразмшоҳий» деб аталади ва ўн китобни ўз ичига олади. Табиб Бадриддин ал-Қалонисий ас-Самарқандийнинг бизгача етиб келган йирик асарларидан бири «Ақрабодин ал-Қалонисий» бўлиб мураккаб дориларни тайёрлашга бағишланган ва у ҳам ҳозирча нашр этилмаган.

Бошқа бир самарқандлик табиб Нажибуддин ас-Самарқандийнинг (XIII аср) «Касалликларнинг сабаблари ва белгилари» номли асари ўз вақтида жуда машҳур бўлган ва унга Улугбекнинг шахсий тибби Нафис ал-Қифмоний шарҳ боғлаган эди.

Мўғуллар даврида, ҳатто амир Темур ҳукмронлик қилган вақтда ўтган табиблар ва уларнинг асарлари ҳақида маълумотлар деярлик йўқ, фақат тарихий асарлардагина айрим табибларнинг номлари тилга олинади.

Маълумки, Навоий Ҳиротда «Шифоия» номида бир касалхона бино қилиб, унда касалларни даволаш билан бирга табобатдан дарс ҳам берилар эди. У даврда яшаган бир неча табибнинг номлари турли манбаларда зикр этилса ҳам, уларнинг асарлари сақланиб қолгани ҳақида аниқ маълумот йўқ.

XVI асрдан бошлаб табобат фанида сезиларли жонланиш бошланади. Ҳиротда туғилган, кейинчалик Ҳиндистонга бориб Бобур ва Хумоюн саройларида табиблик қилган Юсуф ал-Ҳаравий тибга оид қатор рисоаларни форс тилида шеър билан ёзган ва улар Ўрта Осиё, Ҳиндистон ҳамда бошқа мамлакатларда кенг шухрат қозонган эди.

Шайбонийлар даврида Самарқандда ва Тошкентда бир неча табиблар яшаб ижод этган ва уларнинг асарлари «Тазкират ал-Қаҳҳолин» ва «Шифо ал-алил» бизгача етиб келган.

Хива хони Абулғозий (XVII аср) томонидан ўзбек тилида ёзилган тиббий ри-

сола ва аштархонийлардан бўлмиш Субҳонқулихон (XVII—XVIII асрлар) қаламига мансуб бошқа бир тиббий асар ҳам сақланиб қолган.

XIX асрда яратилган асарлар ичида таниқли шоир Жунайдулла Ҳозиқнинг Ибн Сино «Қонуни»нинг айрим қисмларига форс тилида ёзган шарҳини эслатиш мумкин.

Биз юқорида зикр этганимиз асарлар Шарқшунослик институтида сақланаётган табобатга оид қўлёзмаларнинг озгина қисмини ташкил этади, холос. Умуман такрор нусхалари билан қўшиб ҳисоблаганда институтимиздаги тиббий қўлёзмаларнинг со-ни 600 дан ошади. Уларни ўрганиш ва муҳимларини ўзбек тилига таржима қилиб, нашр этиш фан-маданият тарихи бўйича ишловчи манбашуносларимиз олдида турган муҳим вазифалардан биридир. Бу асарлар фақат фан ва маданият тарихи фалсафий фикрлар ривожини нуқтаи назаридангина қимматли бўлмай, балки ҳозирги кунда ҳам айрим касалликларни даволаш учун амалий аҳамиятга эгадир.

ЎзССР ФА Шарқшунослик институти, тарих фанлари номзоди — О. Бўриев. Ўрта Осиё тарихида илмий мерос фалсафий мерос билан чамбарчас боғлиқдир. Математика, астрономия, табобат (медицина) каби илмлар қатори — жуғрофия (география) соҳасида ҳам олимларимиз тадқиқот олиб борганлар, жуда кўп саёҳатларда бўлиб уларнинг тавсифини ёзганлар. Турли мамлакатлар, халқлар, ўлкалар ҳақидаги билимлар шубҳасиз умумфалсафий мушоҳада учун ижобий роль ўйнаган.

Жаҳон маданияти тараққиётида ўрта осийлик олимлар кўпгина фанлар қаторини, жуғрофия соҳасига ҳам салмоқли ҳисса қўшганлар, уларнинг жуғрофия меросини шакл жиҳатдан серқирра ва мазмунан жуда бой. Бу меросда жуғрофияга оид айрим назарий ҳулосалар, кенг амалий маълумотлар ҳам ўрин олган. Бошқача айтганда, унда олам ҳақида умумий тушунчалар, Ернинг математик ва тавсифий жуғрофияси ҳақида гап боради. Ёзма меросимизнинг дастлабки ривожланиш bosқичида (IX—XII асрлар) юнон фанидаги жуғрофияга оид билимлардан ҳам фойдаланилган, лозим топилганда уларга тузатишлар, қўшимчалар киритилган.

Ўрта осийлик олимларининг жуғрофияга оид меросини биз, асосан, араб ёзувида ёзилган асарлардан биламиз ва у хоразмлик буюк олим Муҳаммад ибн Мусо ал-Хоразмий номи билан боғлиқ. Ал-Хоразмий Араб халифалигининг пойтахти Бағдодда жуғрофияга доир ишларга бошчилик қилган ва ўзининг «Китоб сурат ал-арз» («Ер сурати китоби») асарини билан Шарқ жуғрофияси фанига асос солди. Абу Зайд Балхийнинг жуғрофияга оид меросида Ернинг ўзига хос тасвири ва мамлакатлар тавсифи берилган. Абу Райҳон Берунийнинг илмий меросидаги жуғрофия маълумотлари ҳам назарий, ҳам амалий жиҳатдан муҳимдир. Айниқса, Берунийнинг дунё харитасини, дунё океани ва ғарбий қитъа (Америка) ҳақидаги хабарларини, олим ясаган катта ҳажмдаги глобусни, етти иқлим тушунчасини, табиий ҳодисалар, жуғрофик иқлим ўзгаришлари қонуниятларини, мамлакатлар ва халқлар ҳақидаги хабарларини мисол қилиб кўрсатиш мумкин. Носир Хисравнинг «Сафарнома»си ва Маҳмуд Қошғарийнинг «Девону луғотит турк» китоблари ҳам жуғрофик маълумотларга бой.

Ундан сўнг, XIX асргача бўлган даврдаги жуғрофик ёзма меросимиз Замахшарий, Самъоний, Чағминий Муҳаммад Авдий, Нажиб Бакрон, Фахриддин Банокатий, Ҳофиз Абу, Ғисиддин Наққош, Абдураззоқ Самарқандий, мирзо Улуғбек Қўрагоний, Али Қушчи, Заҳриддин Бобур, Муҳаммад Ҳайдар мирза, Ҳофиз Таниш Бухорий, Султон Балхий, Маҳмуд ибн Вали, Саид Муҳаммад Тоҳир, Мир Исмоил Бухорий, Аҳмад Дониш, Ҳожи Юсуф Ҳайат каби бир қатор Ўрта Осиё ва Хуросон олимларининг номлари билан боғлиқдир. Кўрсатилган даврдаги олимларимиз асарларида тавсифий жуғрофия кенг ўрин олган ва ана шундай маълумотлар ҳозирги вақтда энг долзарб бўлиб турган табиатни муҳофаза қилиш, экологик муаммоларни ҳал этиш, ўлкаимиздаги жой номлари тарихини ёритиш, шунингдек, Ўрта Осиёнинг турли мамлакатлар билан иқтисодий ва маданий алоқалар тарихини ўрганишда жуда қўл келади. Ёзма маълумотлардан Ўрта Осиё халқлари жаҳон маданий меросида ўз улушлари борлигини билибгина қолмай, балки улар мамлакатлар, халқлар ўртасида дўстликни, тинч-тотувликни ривожлантиришга хизмат қилганликларини ҳам биламиз. Бу борада XV асрдаги савдо-элчилик алоқалари ва ана шу муносабат билан ёзиб қолдирилган ва бугунги кунгача етиб келган Ғисиддин Наққошнинг «Хитой сафарномаси» ва Абдураззоқ Самарқандийнинг «Ҳиндистон сафарномаси» ёрқин далилдир. Бу даврда Ўрта Осиёнинг пойтахт шаҳарлари — Ҳирот ва Самарқанддан Хитой ва Ҳиндистонга элчилар юборилган ва у ерлардан ҳам ўз навбатида элчилар ташриф буюрганлар. Ёзма манбаларда подшоҳлар бир-бирларига йўллаган мактублардан баъзилари сақланган ҳам. Уларда ўзаро дўстлик, элчилик ва савдо-сотиқ алоқаларини ривожлантириш, савдо йўллари хавфсизлигини таъминлаш таъкидланади.

Ҳозирги вақтда жуғрофия ёки қисман жуғрофияга оид мазмундаги ёзма ёдгорликларнинг бир қисми илмий жиҳатдан ўрганилиб, оммага эълон қилинган. Бироқ, ўзбек тилида чоп этилганлари кам. Галдаги вазифа ўрта осийлик олимларининг жуғрофияга оид меросини мунтазам равишда ўзбек тилида тайёрлашдан иборат. Келгуси йилда китобхонлар Ғисиддин Наққошнинг «Хитой сафарномаси»ни ўқишга муяссар бўладилар. Кейинги навбатда форс тилида ёзилган «Худуд ул-олам» номли жуғрофияга оид асарини ўзбек тилига таржима қилиб китобхонларга тақдим этиш ниятидамиз. Умуман олганда, бу йўналишда қилинадиган ишлар ҳали кўп.

Фалсафа фанлари номзоди, ЎзССР ФА Фалсафа ва ҳуқуқ институти — А. Аҳмедов. Кўп миллатли маданиятимизнинг илдиэлари классик маънавий меросимизга, халқ оғзаки ижодиётига бориб тақалади. Маънавий қадриятларимиз булоқларига етарли эътибор — жамиятнинг соғлом яшаш ва ривожланишининг муҳим омилларидан биридир.

Мен халқ оғзаки ижодиётини фалсафий аспектда ўрганишининг аҳамияти катталигини алоҳида қайд этмоқчиман.

Шу нарса ҳақиқатки, ёш авлоднинг маънавий дунёси, маданияти асрлар давомида инсоният яратган илғор фикрлар неғизда шаклланади, ривож топади.

Халқ оғзаки ижодиётининг фалсафа билан боғлиқлиги мамлакатимизда давом этаётган қайта қуриш талаблари билан, масалан, меҳнаткаш халқнинг ўтмишда яшаб ўтган авлодларнинг кўп қиррали ҳаётини тажрибасидан сабоқ олишга интилиши билан, унинг илдиэлари халқ ижодиётига бориб тақалиши каби ҳолатлар билан белгиланади. Фалсафанинг халқ оғзаки ижодиёти билан боғлиқлиги, масалан, ўзма адабиёт, санъатнинг фольклор билан боғланишидан фарқ қилади, у мураккаб характерга эга.

Кишиларнинг амалий ҳаётини акс эттирувчи ижтимоий онғи ўзида мужассамлаштирган стихияли дунёқараш, фалсафа вужудга келишининг шарт-шароитларини ташкил этиши бизга маълум. Фалсафа вужудга келиб ривожлана бошлагач, у стихияли тарзда шаклланган халқ дунёқарашига ўз акс таъсирини кўрсатади.

Фалсафанинг меҳнаткаш халқ онғига кўрсатилган таъсири кишилар тарихининг турли даврларида турли характерга эга бўлиб, унинг салмоғи асрлар ўта охиб боради. Биз яшаб турган даврда фалсафий тафаккур стихияли дунёқарашга, халқ ижодиёти, ижтимоий онға қатор йўллар воситасида таъсир этмоқда.

Халқ оғзаки ижодиётининг нодир намуналарида учрайдиган фалсафий тафаккур элементларининг шаклланишида бу таъсирнинг шубҳасиз мавжудлигини таъкидлаш билан бирга, уларни маълум мутафаккирлар илмий фаолиятининг маҳсули бўлган назарий-фалсафий таълимот билан айнанлаштиришни асоссиз деб қараймиз.

Халқ оғзаки ижодиётининг фалсафий масалаларни устида илмий изланишлар совет фанида асосан 50-чи йилларда бошланди.

Тадқиқот объектига доғматик, метафизик ёндашиш фольклорнинг фалсафий масалаларини ўрганиш соҳасига ҳам ўз салбий таъсирини кўрсатади. Масалан, биз халқ тафаккурининг маҳсули бўлган умри боқий асарларга бир томонлама ёндашидик, улардаги синфийлик моментларини мутлоқлаштириб умуминсоний мазмунни қадрлашни унутдик, мазкур асарлар яратилган даврни назарга олмай, масалага сунъий қараб, умуминсонийлик халқ оғзаки ижодиётининг моҳиятини ташкил этишини англамадик. Бу масала жиддий тадқиқот олиб боришни талаб қилади.

Жиддий илмий изланишлар олиб боришни талаб қилаётган муҳим масалалардан бири — халқ оғзаки ижодиётидан чуқур ўрин олган дўстлик ҳисларини ўрганиш масаласидир.

Кишилар, халқлар ўртасидаги дўстлик табиатнинг шафқатсиз кучларига, социал тенгеизликка қарши кураш жараёнида шаклланди, кенг илдиэ отди. Ҳамма замонларда яшаган кишилар ва халқларда дўстлик олий даражадаги социал ва ахлоқий қадрият сифатида эъзозланган. Халқ ижодий тафаккури бунёд этган асарларда дўстлик инсоний муносабатларнинг олий шакли сифатида тасвирланади. У кишилик жамиятини жипслаштиришнинг энг муҳим воситаларидан биридир. Шу бонедан ҳозирги шароитда турли миллат кишиларни ўртасида баъзан нохуш ҳодисалар содир бўлиб турган бир пайтда фольклорда мужассамлашган дўстлик гоёларини фалсафий аспектда чуқур ўрганиш ва уларни кенг тарғиб этиш — мамлакатимиз халқлари ўртасидаги муносабатларни соғломлаштиришда муҳим омил бўлиб хизмат қилади.

Одатда инсонпарварлик тарихи ҳақида гап кетганда мутафаккирлар, фэйласуфлар асарларидан жавоб излаймиз. Бу табий албатта. Аммо улар бирдан-бир манба эмас. Инсонпарварлик азалдан меҳнаткашларининг фазилати бўлиб келди. Фольклор асарларида ўз ифодасини топган ўзбек халқининг инсонпарварлик фикрлари қадим-қадимларга бориб тақалади ва ҳозир ҳам ўз аҳамиятини йўқотмаган. Халқ оғзаки ижодиётининг инсонпарварлик мазмунини фалсафий аспектда асосли ўрганиш, совет халқининг демократик жамият қуриш мақсадига мосдир.

Халқимиз оғзаки ижодиётининг фалсафий мазмуни ва аҳамиятини ўрганишининг долзарб масалаларини санашда давом этиш мумкин, улар беҳад кўп. Аммо қайд этилганларнинг ўзи ҳам илмий изланишнинг мазкур соҳаси, бундан кейин ҳам, жумҳуриятимиз ижтимоий фан вакилларини қизиқтирган соҳалардан бири бўлиб қолади, деб умид қилишга асос бўлса керак.

Фалсафа фанлари номзоди, Қорақалпоғистон АССР Нукус Давлат дорилфунуни — К. Худойберганов. Қорақалпоқ халқи, Урта Осиё ва Қозоғистоннинг барча халқлари сингарини бой маънавий маданиятга эга бўлиб, унинг асосий қисмини ижтимоий-фалсафий фикр тарихи ташкил этади.

Қорақалпоқ халқининг ижтимоий-фалсафий фикри Урта Осиё халқлари, ҳамда Шарқдаги турк халқлари маънавий маданияти билан яқин бўлиб, умумий томонлари мавжуддир. Шу сабабли, биз қорақалпоқларнинг умуман Шарқ халқлари, қисман Урта Осиё халқларининг бой маданий хазинасида бошқа халқлар сингарини ўзули бор.

Қорақалпоқ халқи қадимдан Маҳмуд Кошғарий, Баласугун, Муҳаммад ал-Хоразмий, Форобий, Беруний, Бобур, Навоий, Низомий, Фирдавсий, Фузулий, Улугбек, Бедил, Шерозий, Махтумқули қабилар ва бошқалар ижодига чуқур ҳурмат билан қарайди. Бу мутафаккирларнинг асарлари қорақалпоқлар томонидан қунт билан ўрганилган. Уларнинг илғор фикрлари Кунхожи, Ажиниёз ва айниқса Бердақга самарали таъсир этган.

Ўрта Осиё ва Қозоғистон халқлари ижтимоий-фалсафий фикри бўйича чоп этилган асарлардан фойдаланиб, 1980 йилдан бошлаб, дорилфунунда «Фалсафа тарихи», «Қорақалпоғистонда XIX аср ва XX аср бошларида ижтимоий-сиёсий ва фалсафий фикр» курси бўйича махсус курслар ўқитилмоқда.

Халқларнинг миллий ўз-ўзини англашнинг ўсиши ва ривожланиши шароитидаги вазифа ҳар бир халқнинг маънавий маданияти, ижтимоий ва фалсафий фикри тарихини алоҳида ўрганиш ва такомиллаштиришдан иборатдир. Бунинг учун эса қуйидагилар зарурдир:

1. «Ижтимоий фикрлар тарихи» деган махсус бўлимга эга бўлган, қорақалпоқ тилида ёзилган, қорақалпоқ халқи тарихи бўйича дарслик яратилш.

2. Ўрта, ўрта махсус мактаблар ва олий ўқув юр்தларининг ўқув режаларига қорақалпоқ халқи тарихини киритиш.

3. «Ўрта Осиё ва Қозоғистон халқларининг ижтимоий ва фалсафий фикрлари тарихи очерки» ўқув қўлланмасини яратиш керак. Шунингдек, «Ўрта Осиё ва Қозоғистон халқлари фалсафаси тарихи» курси киритилиши ва имтиҳон қабул қилиниши лозим.

4. Ижтимоий ва фалсафий фикрлар тарихи бўйича кадрлар тайёрлашни яхшилаш, Ўзбекистонда фалсафа тарихи секторини кенгайтириш зарур. Фалсафа тарихи ихтисоси бўйича аспирантурага кўпроқ жой ажратилишига эришиш лозим.

5. Яқин орада ЎзССР Фанлар академиясининг И. М. Мўминов номидаги Фалсафа ва ҳуқуқ институтининг фалсафа тарихи, маданияти бўлимида «Ўрта Осиё ва Қозоғистон республикалари ижтимоий ва фалсафий фикрлари тарихининг долзарб масалалари» мавзусида илмий-назарий конференция чақиртириш зарур. Қайта қуриш жарёнида кейинги йилларда кўплаб фан, маданият арбобларининг номлари тикланганлиги, улар ҳақида биз етарли маълумотга эга эмаслигимиз бундай тадбирнинг зарурлигини тақозо этади.

Сўнгги йилларда жумҳурият суверенитети, ҳозирги босқичда миллий масала, миллий тиллар ҳақида қабул қилинган қонун, лойиҳалар натижасида шу нарса аниқландики, тарихий шахслар, уларнинг ижодий мероси, номн ҳар бир суверен халқнинг миллий бойлиги ҳисобланади.

Умуман ижтимоий ва фалсафий фикр тарихи бўйича илмий ходимлар олдида кўпгина ҳал бўлмаган муаммолар мавжуд бўлиб, бу эски тушунчаларнинг ва йўналишларнинг ўзгариши, ҳозирча умумтаҳсинга сазовор бўлмаган янгича ёндашишлар мавжудлиги билан изоҳланади.

Инсон тарбиясини янада такомиллаштириш, айниқса ёшларнинг юксак ахлоқий, маданий савиясини ошириш учун халқ маданий меросининг барча қатламларини ўрганиш ва ундан рационал фойдаланиш лозим.

Ўрта Осиёда ижтимоий-фалсафий фикрлар ривожланиши, унинг муҳим масалалари бўйича сўзга чиққан ўртоқларнинг фикр-мулоҳазаларига қисқача яқин ясаб, ЎзССР ФА академиги — М. М. Хайруллаев шундай деди: Юқорида айтилганлардан шундай хулоса қилиш мумкинки, Ўрта Осиё илк ўрта аср даврида феодализмнинг ривожланган шароитида Шарқ ва Европа мамлакатлари ичида илм-фаннинг энг тараққий этган марказларидан бири бўлган ва дунё илмининг ривожига муҳим ҳисса қўшган. У араб халифалигининг маркази бўлиш Бағдоднинг IX—X асрларда илм-маърифат соҳасида олий даражага кўтарилишида муҳим роль ўйнаган эди. Чунки X асрда Бағдоддаги илмий академия, умуман илмий муҳитнинг вужудга келишида Ўрта Осиёдан борган ва олиб борилган олим-фозиллар буюк ҳисса қўшидилар. Масалан, бу даврда илмий юксалишни таъминлашда жонбозлик кўрсатган академиянинг бош котиби Мусо Хоразмий, шунингдек, Аҳмад Фарғоний Марвозий, Форобий, Марвозий Жавҳарий, Муҳаммад Сарахсий каби ўнлаб олим-фозиллар шулар жумласидандир.

Ўрта Осиёда IX—XV асрлардаги илм-фаннинг ривожини ва унинг вакиллари дунё адабиётида кенг маълум ва уларга бағишланган, турли чет эл тилларида ёзилган мақолалар, адабиётлар мавжуд. Бу соҳада сўнгги 30—40 йиллар давомида, айниқса ўзимизда совет олимлари, жумладан Ўзбекистон олимлари томонидан кўп ишлар амалга оширилди. Бу жиҳатдан айниқса ватандошимиз Мусо Хоразмий, Абу Наср Форобий, Абу Райҳон Беруний, Абу Али ибн Синонинг меросини ўрганиш бўйича қатъиян етакчи ўринга чиқиб олдик.

Жумҳуриятимизда Беруний ва Ибн Синонинг қатор том-том асарлари рус ва ўзбек тилларида нашр этилди. Хоразмий ва Форобий рисоаларининг ўзбекча (қисман русча ҳам) таржималари чоп этилди. Форобийнинг қатор асарлари рус тилида Москва ва Олмаотада чиқди. Уларга бағишланган қатор тадқиқотлар, тўпламлар, китоблар босилиб чиқди, халқаро конференциялар, юбилейлар ўтказилди, диссертациялар ёқланди.

Яқинда «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» газетасида (1990 йил 25 май) турк олимининг Форобий ва Беруний ҳақидаги мақоласи чоп этилди. Чет эл олимлари-

нинг ўлкамиз тарихи ҳақидаги асарларни билан кенг ўқувчиларни таништириб бориш шубҳасиз фойдали ва савоблидир. Лекин бундай ҳолда, Форобий ва Беруний меросининг бизда олимларимиз томонидан чуқур ўрганилганини назарда тутиб шарҳ ва изоҳ бериш мақсадга мувофиқдир. Хусусан, мақолада Форобий тўғрисидаги айрим маълумотлар эски ва ҳақиқатга унча тўғри келмайди.

Умуман маданиятимиз тарихини, маданий меросимизни кенг, изчил ва системали ўрганиш учун турли мутахассис вакилларни уюштириш, тез-тез илмий симпозиум, конференциялар ўтказиб туриш, маданиятимиз, илмий меросимизнинг турли соҳаларини ўз ичига олувчи комплекс тўпламлар яратиш ҳамма олимларимизнинг вазифасидир.

Биз фалсафа, маданиятимиз тарихига онд тадқиқотларимизда асосан илм-фан, илгор ғоялар билан шўғулланишда махсус ажратиш, таъкидлашга эътиборни ажратиб келдик, ғоявийлик, партиявийлик, синфий кураш нуқтан назаридан маънавийлик жараёнини кескин икки бўлакка ажратиш, шу схемага сиғмаган воқеа ҳодисаларни четлаб ўтдик. Натижада Яссавий ҳам, Темур ҳам, Бобур ҳам, Хўжа Аҳрор ҳам ҳукмрон синф вакили ва хизматкори сифатида тўлиғича қораланиб келинди.

Умуман синфийликни ёритишда ниҳоятда қўпол, бир ёқлама механистик ёндашишларга кенг равишда йўл берилди. Сўфизм ҳам узоқ йиллар давомида мистика, олий синфга хизмат қилган деб ёритилди. Умуман, ўрта асрда бир томондан диний дунёқарашнинг жуда катта роль ўйнагани, унинг ҳам турли соҳада ўз ифодасини топганига етарли даражада эътибор берилмади ва тўғри баҳолашмади, буни инкор этишга ҳаракат этилди, шу билан бирга, ўрта аср маънавийлигига ҳам, ҳозирги замон дунёқарашининг бизнинг манфаатимиз пролетариат маданияти нуқтан назаридангина баҳо беришга ҳаракат қилинди. Ҳолбуки пролетариат, ишчилар синфи бизда асосан Улуғ Октябрь социалистик инқилобидан сўнггина шакллани бошлади. Бундан ташқари, диннинг диний тадқиқотларнинг ўз даври учун уларнинг регионлараро маънавий алоқалар, маънавий таъсирнинг кучайиши учун аҳамиятли томонлари ҳам мутлақо инкор этилди.

Бу бир ёқламалик, воқеа-ҳодисаларни ғоявий концепция ва фикрларни бир бутун ҳолда, яхлит тарихий жараён сифатида объектив баҳо беришга катта зарар келтирди. Шунинг учун маданиятимиз, ижтимоий-фалсафий фикрлар жараёнини ёритиш соҳасида аниқ илмий вазифалар билан бирга, қатор назарий-методологик вазифалар ҳозирги қайта қўриш талаблари асосида ўрганилишини кутмоқда.

Фалсафий меросимизни ўрганиш бу соҳадаги масалаларни янада чуқурлаштириш, унинг диапозони, кўламини кенгайтиришни талаб этади. Муҳокама шуни кўрсатадики, ўтмиш тарихимиздаги фалсафий фикрлар ривожини таъминлаган қатор мутафаккир, файласуфларнинг фаолияти, асарлари, дунёқарашларини ўрганиш билан бир қаторда умумфалсафий тараққиёт жараёнида конкрет муаммо ва йўналишларни аниқлаш ва уларни мустақил ўрганиш лозим бўлади. Масалан, этик, эстетик фикрлар, маънавийлик, билиш назарияси, социал ғоялар, сўфизм каби соҳаларни алоҳида тадқиқ қилиш, шунингдек Ўрта Осиё фалсафий фикрларининг Шарқнинг бошқа регионидagi халқларнинг ижтимоий фалсафий фикрлари билан алоқаси, ўзаро таъсири, фалсафий бойиши ва ривожланиш масалалари, мусулмон шарқининг қадимги юнон фалсафий мактаблари таълимоти билан узвий боғлиқлиги, турли даврлардаги фалсафий фикр ва таълимотларнинг ўзига хос томонлари халқ ижодининг ижтимоий онг ва фалсафий ижтимоий курашлар шаклланишидаги ўрни кабилар шулар жумласидан. Ижтимоий-фалсафий меросимизни ўрганишда уларнинг қўлёзма манбаларини аниқлаш муҳим аҳамиятга эга; бу жиҳатдан ЎзССР ФА Шарқшунослик ва Қўлёзмалар институтларининг САДУМ кутубхонасида сақланаётган фалсафанинг турли соҳаларига онд мусулмон Шарқи қўлёзмаларини қўриб билан ўрганиш ва бу соҳада шарқшунос-файласуф кадрлар тайёрлаш масаласи ҳам ҳозирда долзарб аҳамият касб этади. Хуллас, Ўрта Осиё ҳамда ажнабий мусулмон Шарқи мамлакатлари фалсафий меросини ўрганиш соҳасида олиб бориладиган ишлар ҳаммаимиздан, фанимиз ташкилотчиларидан катта эътиборни ва изчил фаолликни талаб этади.

Ўрта Осиёда марксча-ленинча дунёқарашнинг, фалсафанинг тарқалиши ва унинг Улуғ Октябрь социалистик инқилобидан сўнг ривожланиши ва социалистик қурилишдаги роли масалалари ижтимоий-фалсафий фикр ривожининг муҳим даври, этини ташкил этади. Бу даврнинг ўзи ҳам жуда катта мазмун касб этгани учун унинг турли мутахассислар иштирокида махсус муҳокама қилиш мақсадга мувофиқдир.

Бу масала муҳокамаси Ўрта Осиё, хусусан Ўзбекистон шаронтида социалистик ғоявийлик, янгича маънавийликнинг шаклланиши, коммунистик тасаввур ва фикрлаш масалалари билан узвий боғлиқ бўлгани учун ижтимоий фан, умуман ижтимоий маданиятимизнинг турли соҳалари вакилларининг қатнашувини тақозо этади. Шундагина марксизм-ленинизм фалсафасининг ҳақиқий инқилобий аҳамиятини кўрсатиб бериши мумкин.

Ҳозирда барча олий ўқув юртларида маданият тарихини ўрганиш курси киритилиши ва унда миллий маданий меросни ўрганиш киритилган талаб муносабати билан бу масалалар, халқимиз илмий-маданий, фалсафий меросини изчил ўрганиш ва тарғиб қилиш янада муҳим аҳамият касб этади.

НОВЫЕ КНИГИ

Ш. А. НИЯЗМатов. ИРАНО-ИРАКСКИЙ КОНФЛИКТ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 176 с.)

Восемь лет (1980—1988) продолжалась ирано-иракская война, в результате которой более миллиона человек погибли, свыше четырех миллионов — лишились крова, а материальный ущерб обеих сторон достиг 600 млрд. долл. Война привела к большим политическим осложнениям на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Персидского залива.

Изучению этих трагических событий и их исторических предпосылок посвящена книга Ш. А. Ниязматова.

Ирано-иракский конфликт возник не сегодня. Из-за пограничной реки Шатт-эль-Араб, нескольких пограничных пунктов и небольших островов в Персидском заливе между Ираном и Ираком неоднократно возникали споры и вооруженные столкновения. Поэтому вполне логично, что книга начинается с рассмотрения системы договоров, создававшей определенную международно-правовую основу для нормальных отношений между обеими странами, однако сохранявшей в себе возможность дальнейшего осложнения их взаимоотношений в силу нерешенности ряда пограничных вопросов.

Поскольку книга представляет собой исторический очерк, большая часть ее (4 главы) посвящена анализу ирано-иракских отношений в предшествующий период. В первой главе автор детально рассматривает ирано-иракские отношения до второй мировой войны, проблемы Шатт-эль-Араба до первой мировой войны, отношения между Ираном и Ираком между двумя мировыми войнами, проблему островов Персидского залива, Саадабадский пакт и ирано-иракский договор 1937 г.

Вторая глава посвящена анализу ирано-иракских отношений в 1945—1971 гг., ирано-иракского спора в конце 40 — начале 50-х годов, иракской революции и ее влияния на ирано-иракские отношения, а также обсуждению ирано-иракского конфликта в ООН. Характеристике ирано-иракских отношений в 1971—1974 и 1975—1980 гг., рассмотрению Алжирского соглашения посвящены третья и четвертая главы.

Как правильно отмечает автор, «на разных стадиях ирано-иракского конфликта, всячески разжигавшегося империалистическими державами, обе стороны порой заходили очень далеко и предпринимали действия, которые никак не могут быть оправданы с точки зрения международного права» (с. 126).

Долголетний конфликт между двумя странами в конце концов привел к началу войны, в основе которой, помимо спорных пограничных территориальных вопросов, лежали причины политического, религиозного, этнического и экономического характера. Как отмечается в книге, «попытки иранского руководства экспортировать «исламскую революцию» в Ирак воскресили целый комплекс противоречий, существовавших в ирано-иракских отношениях», решение которых стороны сочли возможным только силой оружия.

В главе «Ирано-иракская война» освещаются такие вопросы, как: начало и ход войны, влияние вооруженного конфликта на внутривосточное и экономическое положение в Иране и Ираке, ирано-иракская война и политика империалистических держав в Персидском заливе, деятельность ООН и других международных организаций, направленная на мирное урегулирование конфликта. Однако не все эти вопросы, на наш взгляд, разработаны в одинаковой степени глубоко.

Книга основывается на широком охвате литературы об ирано-иракских отношениях и материалов прессы на русском, английском, арабском, персидском языках.

Не менее ценная часть книги — приложения: тексты соглашений и договоров, заключенных между Ираном и Ираком в разное время.

Работа не лишена и отдельных недостатков. Так, на с. 48 произошла досадная путаница из-за замены слова «Ирак» словом «Иран»: «...Политика Ирана... угрожает безопасности всего района Персидского залива, и до тех пор, пока эта угроза существует, Иран будет принимать все необходимые меры, чтобы должным образом защитить себя и свои интересы (цитата из иранской газеты «Техран джорнэл»).

Аналогичный факт имеет место и на с. 91—92. Все данные, относящиеся к положению на внутреннем рынке Ирана, описанные здесь в четырех абзацах, по ошибке приписаны Ираку. Приведенные показатели в риалах (денежной единице Ирана), а также последующая фраза: «Та же картина наблюдалась в Ираке», за которой следует описание состояния рынка Ирака (данные в динарах — денежной единице этой страны) говорят о том, что вначале здесь речь шла об Иране. Но в целом книга Ш. А. Ниязматова, охватывающая широкий круг вопросов по исследуемой проблеме, заслуживает положительной оценки.

Д. Валиева

ХРОНИКА

МУЗЕЙНЫЕ ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

В собраниях Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР имеется большое количество материалов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. Об этом наглядно свидетельствуют экспонаты ряда выставок, организованных в честь 45-летия Победы. В их числе — выставка на тему: «Сражающийся плакат». Она рассказывает о большой патриотической работе советских художников которые с первых же дней войны обратились к плакату как к наиболее массовой форме изобразительного искусства.

Большое внимание вызывают у посетителей плакаты таких талантливых советских художников, как И. Таидзе — «Родина-мать зовет!», Кукрыниксы — «Беспощадно разгромим и уничтожим врага», В. Кайдалова — «Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами.» Эти плакаты призывали к оружию, к мобилизации всех сил и средств на отпор врагу, вселяли уверенность в нашей победе.

В годы войны республика, как и вся страна, жила под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» Об этом, в частности, повествуют плакаты художника С. Мальта, где он обращается к рабочему классу Узбекистана: «Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом».

Плакат В. Залесской призывал хлопкоробов и всех труженников проявлять бдительность: «Где беспечность — там орудут враги. Комсомолец, зорче хлопок береги!»

В витринах выставки представлены и книги, повествующие о решающих сражениях на советско-германском фронте, рассказы и очерки о женщинах и детях, которые приняли на свои хрупкие плечи все тяготы войны.

Выставку посетили многие жители Ташкента, особенно учащиеся средних школ. По экспозиции ее сотрудники Музея проводят тематические экскурсии, лекции, встречи с ветеранами — участниками Великой Отечественной войны и другие идейно-воспитательные мероприятия.

О чувстве семьи единой и нерушимой в суровые годы войны рассказывает передвижная выставка на тему: «Подвиг народа». Здесь экспонированы многочисленные фотографии и документы, отражающие боевое содружество советских народов. Материалы этой выставки свидетельствуют о том, что ярким проявлением интернациональной сплоченности советских людей были не только участие воинов из Узбекистана в битвах с врагом на всех фронтах Отечественной войны, но и активный вклад труженников республики в создание Фонда обороны, размещение госпиталей, теплый прием сотен тысяч эвакуированных женщин и детей. Об этом свидетельствует, в частности, фотография семьи кузнеца Ш. Шамахмудова, усыновившего 16 детей разных национальностей. Экспозиция выставки повествует о том, как трудящиеся Узбекистана преодолевали огромные трудности военного времени, вдохновленные могучей силой патриотизма, спаявшего воедино все народы СССР.

Выставка экспонируется в школах, домах пионеров, домах культуры, где проводятся лекции, встречи с участниками Великой Отечественной войны и другие формы идейно-воспитательной работы.

Многие отобранные из собрания Музея книги, журналы, листовки, плакаты, фотографии писем и другие документы периода Великой Отечественной войны стали доступны москвичам и гостям столицы Советского Союза. Они были представлены во всех разделах выставки, организованной в зале Всесоюзной Государственной библиотеки иностранной литературы в г. Москве на тему: «Вторая мировая война. Человек и книга».

Большой интерес у посетителей вызывают такие материалы, как заявления добровольцев из Узбекистана об отправке на фронт, Письмо воинам-узбекистанцам от узбекского народа, Приветствие защитникам Сталинграда от интеллигенции Ташкента, Обращение муфтия мусульман Средней Азии и Казахстана к народам, пробитый пулей комсомольский билет В. Шитикова и др.

Эту выставку посетили не только москвичи, но и иностранные журналисты, работники ряда посольств и консульств.

Сотрудники музея продолжают активный сбор и изучение материалов, относящихся к истории Великой Отечественной войны.

О. Сотволдиев

СОДЕРЖАНИЕ

С. Р. Ризаев. О региональных и национальных факторах в работе с партийными кадрами	5
А. Богуславский. Организационные принципы создания арендных коллективов	15

Страницы истории

Е. А. Прилуцкий. Некоторые вопросы формирования советской национальной государственности в Туркестане	23
---	----

Научные сообщения

В. В. Шафир. О совершенствовании норм ответственности за нарушение законодательства о недрах	30
З. Ф. Иногамджанова. Правовая природа и социальная ценность частного определения	33
С. Г. Варлашин. Патриотическая деятельность мопровцев Узбекистана в годы Великой Отечественной войны	37
А. Ганиев. Актуальные проблемы афганской фразеологии	42

Новое в науке: поиски, находки, открытия

П. Бернар, М. Исамиддинов, Л. Соколовская. Первый полевой сезон советско-французской экспедиции на Афрасиабе	45
Х. Ахунбабаев, Ф. Р. Гренэ. Археологические исследования на территории соборной мечети городища Афрасиаб в 1989 году	51

Беседы за «круглым столом»

Обсуждение задач изучения культурного наследия и проблем историко-филологических исследований	54
---	----

Новые книги

Д. Валиева, Ш. А. Ниязатов. Ирано-иракский конфликт: исторический очерк	63
---	----

Хроника

О. Сотволдиев. Музейные выставки, посвященные 45-летию Победы.	64
--	----

НАШИ АВТОРЫ

- Ганиев А.**— доктор филологических наук, и. о. профессора кафедры афганской филологии востфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Бернар П.**— профессор, руководитель группы УА-1222 Национального центра научных исследований Франции.
- Гренэ Фр.**— ст. научный сотрудник группы УА-1222 Национального центра научных исследований Франции.
- Исамиддинов М.**— кандидат исторических наук, зав. сектором археологии Самарканда Института археологии АН УзССР.
- Ризаев С. Р.**— кандидат технических наук, доцент кафедры партийного строительства ТВПШ.
- Богуславский А.**— слушатель АОН при ЦК КПСС.
- Ахунбабаев Х.**— научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Иногамджанова З. Ф.**— ст. преподаватель юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Варлашин С. Г.**— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Берилуцкий Е. А.**— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Шафир В. В.**— соискатель Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Соколовская Л.**— ст. лаборант Института археологии АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349